

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

**ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ
СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
И СПЕЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ**

Под общей редакцией
кандидата юридических наук, доцента В.С. Гайдельцова

Минск
Академия МВД
2020

УДК 351.74
ББК 67.401.213
П78

Рекомендовано к изданию учебным советом
Академии МВД Республики Беларусь (протокол № 6 от 26 декабря 2019 г.)

Авторы:

Е.В. Боровая (2.2), А.Ф. Вишневский (1.1), В.С. Гайдельцов (2.5),
Н.А. Горбатов (1.3), Е.М. Ефременко (2.1), А.А. Козел (1.4),
В.И. Павлов (1.2), В.Ч. Родевич (2.4), А.Л. Савенок (2.3)

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор *И.И. Басецкий*;
специальная кафедра № 6 ГУО «Институт национальной безопасности
Республики Беларусь»

Проблемы формирования профессионального правосознания сотрудников правоохранительных органов и специальных служб / Е.В. Боровая [и др.] ; под общ. ред. В.С. Гайдельцова ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2020. – 119, [1] с. ISBN 978-985-576-276-9.

Профессиональное правосознание сотрудников правоохранительных органов и специальных служб как объект изучения неисчерпаемо объемно, так как его формирование многогранно, подвижно и находится в причинной зависимости от изменения политической, экономической и социальной ситуации в Республике Беларусь.

Опубликование результатов данного монографического исследования актуально и полезно как с точки зрения научного развития института профессионального правосознания, так и возможности использования ее в образовательном процессе в курсах общей теории государства и права, общей теории права, нормотворческой деятельности при рассмотрении соответствующих тем курсантами, слушателями магистратуры и адъюнктами.

УДК 351.74
ББК 67.401.213

ISBN 978-985-576-276-9 © УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь», 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели! Предлагаемое вашему вниманию научное издание представляет собой коллективный труд авторов, которые являются не только специалистами высшей научной квалификации в области юриспруденции, но имеют также богатый опыт практической работы в правоохранительных органах и специальных службах, иных государственных структурах. На протяжении десятков лет они активно участвуют в подготовке кадров для силовых структур, а также в воспитании будущих офицеров. Поэтому осмысление проблемы формирования профессионального правосознания тех, кто обеспечивает внутреннюю и внешнюю безопасность нашей Родины, является для авторского коллектива не только научной задачей, но и попыткой обобщить собственный опыт применения права.

Полагаем, что знакомство с авторами данной монографии даст читателям возможность более глубоко оценить результаты выполненных ими научных исследований.

Боровая Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент. В органах внутренних дел с 1993 г., подполковник милиции. Стаж педагогической и научной деятельности – более 25 лет. Автор более 100 научных работ. В настоящее время доцент кафедры гражданского и трудового права.

Вишневский Алексей Федорович, доктор исторических наук, профессор, полковник милиции в отставке, заслуженный работник образования Республики Беларусь. В органах внутренних дел с 1977 г., имеет почти полувековой опыт педагогической и научной работы. Им издано более 300 публикаций, в том числе 8 монографий. В настоящее время профессор кафедры теории и истории государства и права.

Горбатов Николай Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент, полковник милиции в отставке. После окончания в 1965 г. юридического факультета БГУ имени В.И. Ленина работал в органах государственного управления. На службе в органах внутренних дел с 1979 г., педагогический и научный стаж – более 40 лет. Один из наиболее авторитетных белорусских ученых в области теории права. Во время армяно-азербайджанского конфликта принимал участие в охране общественного порядка на территории Армении.

Ефременко Елена Михайловна, кандидат юридических наук, доцент, подполковник милиции в отставке. После окончания в 1988 г. юри-

дического факультета БГУ имени В.И. Ленина работала в сфере воспитания молодежи. На службе в органах внутренних дел с 1998 г. Имеет более 80 научных работ. В настоящее время заведующая кафедрой гражданского и трудового права.

Козел Александр Александрович, кандидат философских наук, доцент, полковник милиции в отставке. После окончания в 1976 г. философского отделения исторического факультета БГУ имени В.И. Ленина трудился на Минском тракторном заводе. В органах внутренних дел с 1980 г., педагогический стаж – 40 лет. Автор свыше 100 научных публикаций. С 2005 по 2009 г. заведовал кафедрой философии. В настоящее время профессор кафедры теории и истории государства и права.

Павлов Вадим Иванович, кандидат юридических наук, доцент, полковник милиции. С 2001 г. после окончания с отличием Академии МВД служил в следственных органах, с 2005 г. – на преподавательской работе. Автор свыше 150 научных и учебно-методических публикаций. С 2011 г. – начальник кафедры теории и истории государства и права, в настоящее время докторант научно-педагогического факультета Академии МВД.

Родевич Валерий Чеславович, кандидат юридических наук, доцент, полковник милиции. На службе в органах внутренних дел с 1991 г. После окончания Академии милиции Республики Беларусь проходил службу в уголовном розыске, с 1997 г. – на преподавательской и научной работе. Автор более 120 изданий, в том числе 8 монографий.

Савенок Анатолий Леонидович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь, полковник милиции в запасе. После окончания в 1990 г. Минской высшей школы МВД СССР служил в подразделениях уголовного розыска, затем на преподавательской работе. С 2007 г. – заместитель, затем первый заместитель начальника Академии МВД. Имеет более 150 научных изданий.

Гайдельцов Владимир Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, полковник в отставке. После окончания юридического факультета БГУ имени В.И. Ленина с 1972 по 2007 г. проходил военную службу в органах государственной безопасности Республики Беларусь на офицерских руководящих должностях. С 1989 г. на преподавательской работе в Институте национальной безопасности Республики Беларусь, с 1993 г. руководил специальной кафедрой. В Академии МВД Республики Беларусь с 2007 г. Автор более 140 научных публикаций. В настоящее время профессор кафедры теории и истории государства и права.

Монография состоит из двух глав, в первой рассматриваются исторические и теоретические аспекты формирования правосознания, в том

числе профессионального, во второй – вопросы влияния различных факторов, от качества нормотворчества до особенностей оперативной работы, на уровень правосознания сотрудников правоохранительных органов и специальных служб. Ученые обратили особое внимание на осмысление влияния оперативно-розыскной деятельности на формирование профессионального правосознания ее субъектов. Понимая отличия, как в правовом статусе, так и в содержании деятельности правоохранительных органов и специальных служб, авторы монографического исследования также исходили из наличия ряда общих закономерностей, обусловленных используемыми силами и средствами.

Полагаем, что подготовленное издание представит интерес для исследователей в области формирования профессионального правосознания и практических работников правоохранительных органов и спецслужб. Оно может быть также полезным курсантам и слушателям при рассмотрении вопросов правосознания и правовой культуры в общей теории права.

Авторы рассчитывают на активную обратную связь с читателями и будут благодарны за любые замечания, рекомендации и предложения, так как считают необходимой дальнейшую научную разработку проблемы.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

1.1. Становление и развитие взглядов на правосознание в теоретической юридической науке

Проблема становления и развития правового сознания граждан особенно актуальна в свете формирования в Республике Беларусь демократического социального правового государства. Нет сомнения в том, что одним из важнейших условий создания и укрепления названных институтов является высокий интеллектуальный уровень социума, его политическая и правовая культура. В контексте изложенного следует помнить, что компонентом любой правовой семьи (системы), архитектурным элементом национального правового менталитета является неповторимый стиль, манера юридического мышления, осознания, понимания, чувствования правовой действительности индивидами, т. е. правосознание. Естественно, генезис правосознания всегда органично связан с историей становления цивилизации, ее генотипом, особенностями ее развития, особой логикой поведения субъектов политики и права, с изменяющимися на протяжении столетий социально-экономическими, культурными, правовыми и политическими отношениями. На специфику правосознания влияли политико-правовой тип цивилизации, особенности становления, функционирования и развития права и государства в междивизицизионном пограничье (например, Беларуси), этнический и религиозный состав населения и др.

Что касается теоретических проблем правового сознания, то в отечественной юридической науке они начали разрабатываться сравнительно поздно – лишь в XX в., хотя некоторыми аспектами в постановочном плане заинтересовались мыслители значительно раньше – в Великом Княжестве Литовском в эпоху Ренессанса и Реформации [2].

Так, например, в обращении ко всем сословиям ВКЛ по поводу принятия и вступления в силу Статута ВКЛ 1588 г. Лев Сапега особо подчеркнул: «...правы самі сабе ствараем, як найбільш можам вольнасць сваю

ва ўсім ахоўваем. Бо не толькі сусед і любы наш абывацель у айчыне, але і сам гаспадар пан наш ніякага вяршэнства над намі выкарыстоўваць не можа, аднак столькі, колькі яму права дапускае. Таму маем такі скарб у руках нашых, які ніякай сумай пераплачаны быць не можа. Патрэбна кожнаму прыстойнаму чалавеку, каб пра яго ведаў, а будучы добра дасведчаным, каб як сам сябе і сваю запальчынасць стрымліваў і згодна з правам пісаным дзейнічаў і нікога не крыўдзіў, так быццам бы кімнебудзь быў пакрыўджаны, каб ведаў, дзе абарону і лекі ў крыўдзе сваёй павінен шукаць. Бо як адзін сенатар рымскі іншага штрафаваў, што правоў айчыны сваёй не ведаў, так кожны жыхар заслугоўвае ганьбавання, каторы свабодай выхваляецца, а правоў мець і разумець не хоча, каторым правам усю свабоду сваю абароненую мае. А калі якому народу сорамна права свайго не ведаць, асабліва нам, якія не чужой якой мовай, але сваёй уласнай правы запісаныя маем і ў любы час, што нам неабходна да адбіцця ўсякай крыўды, можам ведаць...» [115, с. 16].

Осмыслению научных взглядов, идей, касающихся правового сознания не уделялось внимания даже в дореволюционных изданиях по теории (энциклопедии) права. И это при том, что в ряде работ, подготовленных на базе рационалистической методологии договорной и естественно-правовой концепций XVII–XVIII вв., акцентируется внимание на характеристиках индивидуального и общественного правосознания. Например, Г.В.Ф. Гегель в «Философии права» (1820) указывал на принципиальное различие, существующее между законами природы и законами права. Первые носят абсолютный характер и действуют независимо от воли человека, последние должны находить опору в его сознании. Мыслитель обращал внимание на изменение общественного правосознания со времени развития рационалистической философии, когда право все больше начинает оцениваться с точки зрения разума. «В природе, – пишет мыслитель, – величайшая истина состоит в том, что закон вообще существует... В праве человек должен найти свой разум, должен, следовательно, рассматривать разумность права...» [28, с. 243]. Известный немецкий ученый Рудольф фон Иеринг в работе «Борьба за право» (1872) излагал мысль о наличии «здорового» правового чувства народа как об основной качественной характеристике общественного правосознания. «Сила народа равнозначна с силой его правового чувства, забота о национальном правовом чувстве есть забота о здоровье и силе государства», – акцентировал внимание ученый [47, с. 49].

Таким образом, понятие правосознания в юридической научной мысли Западной Европы до XX в. фактически еще не определялось, хотя попытки осмысления как индивидуального, так и общественного

правосознания философами и правоведами предпринимались значительно раньше.

В Российской империи наработки ученых в оценке роли правосознания в жизни общества стали особо заметны во второй половине XIX в. – в период кодификации законодательства и сопутствующей ей дискуссии о взаимовлиянии законов и правосознания. Дискуссия выявила следующие три подхода (представления) относительно правосознания: положительное отношение к праву; устойчивые правовые взгляды, не включающие психологический аспект; совокупность правовых переживаний. Указанные точки зрения дополнялись характеристикой ряда особенностей, которые, по мнению исследователей, были присущи российскому правосознанию рассматриваемого периода. Под ними подразумевалось:

1. Примат правосознания над положительным правом. Иначе говоря, вопрос о том, может ли реализация начал естественного права совершаться только путем субъективного правосознания, предполагал утвердительный ответ.

2. Правосознание исходит из оснований, лежащих вне самих правовых норм, т. е. из мотивов морали и религии или из целей общества. По мнению юристов того времени, право вне нравственности, построенное на безрелигиозных принципах, не считалось обязательным.

3. Правосознание не является отдельной темой теории права; оно может интересовать исследователей в основном только в связи с его регулирующими функциями. Некоторые исследователи, не стремясь дать определение правовому сознанию, тем не менее пытались описывать его отдельные элементы.

4. Основу идеологической сферы правосознания составляют национальные чувства и нравственные воззрения. При этом предполагалось особое внимание уделять соотношению права и психики человека, так как уяснение мотивов поведения вообще должно было помочь понять мотивы правового поведения в частности [9, с. 19].

Появившиеся в конце XIX – начале XX в. психологические и социологические правовые доктрины также уделяют внимание правосознанию. Например, психологическая теория права Л.И. Петражицкого все правовые явления рассматривала с точки зрения индивидуального правосознания, т. е. личного восприятия и оценки. Отдельные представители школы «свободного права», направления, предшествующего современным социологическим учениям (конец XIX – начало XX в.), видели в «правовом чувстве» судьи или народа критерии для справедливого разрешения дела в случаях наличия устаревших правовых норм,

пробелов в праве, коллизий правовых норм, необходимости толкований оценочных понятий и т. д. [65, с. 22].

Наконец, в учении И.А. Ильина о праве и государстве, в его социально-философских взглядах категории правосознания отведено значительное место. Ему посвящена фундаментальная монография «О сущности правосознания» [49]. К этой теме он обращается и в других своих произведениях, причем не только в связи с проблематикой государства, права, общества, политики и власти, но также и в связи с общефилософской, религиозной и антропологической сторонами вопроса [48, с. 108–151].

«Человеку, – утверждал И.А. Ильин, – невозможно не иметь правосознания; его имеет каждый, кто сознает, что кроме его на свете есть и другие люди. Человек имеет правосознание независимо от того, знает он об этом, или не знает, дорожит этим достоянием, или относится к нему с пренебрежением. Вся жизнь человека и вся судьба его слагаются при участии правосознания и под его руководством; мало того, жить – значит для человека жить правосознанием... ибо оно остается всегда одною из великих и необходимых форм человеческой жизни. Оно живет в душе и тогда, когда еще отсутствует положительное право, когда нет еще ни «закона», ни «обычая», когда никакой «авторитет» еще не высказался о «правом», верном поведении» [49, с. 19].

В исследованиях И.А. Ильина отсутствует единое универсальное определение правосознания. Он очерчивает границы правосознания при помощи категорий, допускающих многовариантность толкования, что может быть присуще естественно-правовому подходу, но неприемлемо для позитивистского: «Правосознание можно было бы описать как естественное чувство права и правоты или как особую духовную настроенность инстинкта в отношении к себе и к другим людям. Правосознание есть особого рода инстинктивное правочувствие, в котором человек утверждает свою собственную духовность и признает духовность других людей» [49, с. 82]. В итоговой работе «О сущности правосознания» оно определяется через категорию духа: «Правосознание есть инстинктивная воля к духу, к справедливости и ко всяческому добру. Но именно поэтому живой корень его надо искать в религиозном чувстве и в совести. Можно представить себе, конечно, правосознание вне религии и вне совести, но это будет что-то вроде воли, лишенной неба и земли, это будет дисциплина влечений, а не качественное и не творческое начало жизни, черствая форма, лишенная дара любви и дара созерцания» [49, с. 84].

По мнению Ильина, главными составляющими правосознания являются два фактора: признание права и признание духа – без них правосознание не может считаться полноценным.

В работе «О монархии и республике» находим антропологически и социально опосредованные определения: правосознание – это «некая духовная дисциплинированность инстинкта, которая вызывает в нем живое чувство ответственности и сообщает ему известное чувство меры во всех социальных проявлениях человека» [48, с. 127]. Это «воля человека к соблюдению права и закона, воля к лояльности своего поведения, воля к законопослушанию» [48, с. 125].

Рассматривая правосознание как совокупность воззрений на право, государство, всю организацию общественной жизни, ученый считал, что даже форма правления в государстве определяется прежде всего монархическим или республиканским правосознанием народа.

Правосознание понимается Ильиным как краеугольный камень мироздания, мирового порядка, мировой гармонии и вместе с тем как органическая часть мировой культуры. Он обосновывает необходимость борьбы за правосознание современного человека, ибо в противном случае может наступить угроза мировой культуре. Если эта борьба не начнется или не будет иметь успеха, тогда правосознание современного человечества станет жертвою окончательного разложения, а вместе с ним рухнет и вся современная мировая культура.

Правосознание, по мнению Ильина, – не просто формально-юридическая, но универсальная онтологическая категория, поскольку именно из нее выводятся все основные эмпирически опосредованные социальные и правовые реалии – государство, общество, власть, правопорядок, естественное право, правовой обычай, правовое поведение индивида.

Следует особо отметить, что правосознание, по утверждению Ильина, вовсе не то, что обычно понимают под этим термином современные юристы. Оно не является лишь правильным представлением о нормах положительного права (хотя последнее крайне необходимо) и знанием этих норм. Правосознание, как отмечает И.А. Ильин, – это именно естественное правосознание, а знание законов обозначается термином «положительное правосознание» или «законосознание». Ильин категорически против отождествления этих понятий, по его мнению, это так же ошибочно, как и отождествление права и закона.

Таким образом, И.А. Ильин едва ли не впервые в российской философии права попытался создать универсальную теорию, объединяющую проблематику личности, общества, права, государства, политики, власти и божественного начала в едином акте правосознания. Есть основание утверждать, что во всех определениях правосознания ученого идеалистическое мировоззрение представлено ясно, последовательно и с бесспорными только позитивными выводами. Нельзя устроить мир

материи, не устроив мир души, ибо последняя есть важнейшее творческое орудие мироустройства. Исходя из этого, и жизнь человека оправдывается только тогда, если его душа наполнена подлинной любовью к Всевышнему как верховному благу. Все негативные явления Ильин связывает прежде всего с пороками сознания. Если задача организовать мирное и справедливое сожительство людей на земле есть задача права и правосознания, то современный кризис обнажает прежде всего глубокий недуг современного правосознания, полагал И.А. Ильин.

Концепция правосознания Ильина и семантическое наполнение этого термина несут на себе отпечаток идей его учителя П.И. Новгородцева. Он фактически продолжил линию Новгородцева – развивал в теоретическом плане то, что было исследовано и описано последним в историческом плане. Именно П.И. Новгородцев посвятил исследованию динамики развития правосознания в западноевропейской политико-правовой мысли XVIII – начала XX в. свой главный труд «Введение в философию права. Кризис современного правосознания» (1909). Новгородцев пришел к выводу о кризисе правосознания как следствии кризиса (на философско-теоретическом и практическом уровнях) индивидуализма и западноевропейских теорий правового государства, сложившихся в XVIII–XIX вв. И хотя Новгородцев не дал концептуального определения правосознания, в его работах содержится понимание этой категории как философско-правовой реальности, не укладывающейся в рамки формальной логики и узкого юридико-позитивистского мышления.

Таким образом, категория «правосознания» находится в центре всей политико-правовой доктрины И.А. Ильина. С его точки зрения, в основе правовой и государственной жизни лежит правовое сознание во всем многообразии его составляющих.

В правосознании, по мнению Ильина, участвует не только «знание» и «мышление», но и воображение, воля, чувство, человеческая душа, человеческий инстинкт. Правовая жизнь рассматривалась им наряду с религией, философией, наукой, искусством как вид духовного совершенствования, в котором принципиально невозможна позиция стороннего наблюдателя: «Для того чтобы установить и описать строение нормального правосознания, – отмечал Ильин, – его необходимо найти и укрепить в себе самом» [50, с. 165].

Фактически право и государство Ильин обосновывает через правосознание, преобразованное сознанием религиозным, и тип аргументации в этом обосновании можно назвать теологическим.

Тем не менее, на наш взгляд, следующие идеи ученого можно считать итогом его рассуждений о правосознании: правосознание представляет собой еще более значимое явление, чем право, и его можно

определить как «естественное чувство права и правоты», как «особого рода инстинктивное правочувствие». С точки зрения Ильина, правосознание представляет собой симбиоз рационального (целесообразного) и эмоционально-чувственного в отношении человека к праву. Имеется в виду, что люди, с одной стороны, понимают важность и необходимость как для них лично, так и для общества в целом стабильно функционирующей правовой системы, а с другой – данное осознание достигается ими лишь посредством чувственного переживания проблем права конкретным человеком, формирования его глубоко личного, духовного отношения к праву.

Интересно отметить, что И.А. Ильин – философ-идеалист, правовед, окончивший юридический и историко-филологический факультеты Московского университета, профессор философии этого же вуза, вначале примыкал к эсерам, затем перешел на позиции кадетской партии, а с 1918 г. – к монархизму, являлся сторонником белого движения. Приверженность ученого к идеологии той или иной политической партии или общественного движения сквозь призму правосознания отражались на его взглядах как на государственно-правовую действительность, так и на организацию всей общественно-политической жизни.

Как видим, в дореволюционной философско-правовой науке отсутствовало общепринятое определение правосознания и, как следствие, употребление этого термина не было упорядочено. В качестве синонимов правосознания в юридической литературе начала XX в. встречаются термины «правоубеждение», «правопонимание» и др. Можно утверждать, что термин «правосознание» имел скорее эмпирическое, прикладное, социальное или психологически опосредуемое значение. Известные ученые Г.Ф. Шершеневич, С.А. Муромцев, М.М. Ковалевский, Б.А. Кистяковский и др. «понимали правосознание как осознанную на уровне высшей нервной деятельности мотивацию индивидом (участником правоотношений) своего правомерного поведения» [137, с. 152].

Многие исследователи отрицали разумный рациональный характер правосознания, видя его сущность лишь в чувствах, интуиции (например, Р. Иериент). Г. Кельзен считал, что задача правового сознания состоит в построении конструкций при помощи норм должностования, причем эти конструкции ровным счетом ничего общего не имеют с реальными процессами жизни. Они должны представлять собой некие нормологические образования, а действительная правовая система будет выражением их (конструкций) внутреннего единства, потому что право в реальном его содержании – это не система императивов, а система суждений, мнений и т. д., сформированных правовой наукой [137, с. 153].

Как указывалось выше, генезис правосознания весьма органично связан с историческими особенностями развития той или другой цивилизации, государственно-организованного общества. Еще в дореволюционной философско-правовой мысли сложились различные точки зрения на данную проблему. Одни авторы (П.И. Новгородцев, И.А. Ильин) указывали, что наблюдается глубокий кризис правосознания, вызванный утратой обществом нравственно-религиозных устоев. Другую точку зрения предлагали Б.А. Кистяковский, В.А. Маклаков, отмечая, что российское правосознание является по природе своей незрелым. Причину этого явления они видели во внутренних факторах. Так, Б.А. Кистяковский прямо указывал на низкий уровень развития правосознания русской интеллигенции. Он отмечал, что правовая тематика затрагивается только в трудах специалистов, а в нашей «богатой» литературе в прошлом нет ни одного трактата, ни одного этюда о праве, которые бы имели общественное значение [56, с. 361].

Согласно иной точке зрения, низкий уровень правосознания и отсутствие правового порядка в российском обществе есть своего рода необходимость, временное явление (К.С. Аксаков, А.И. Герцен, К.Н. Леонтьев и др.). Так, А.И. Герцен писал: «Это тяжело и печально сейчас, но для будущего это – огромное преимущество. Ибо это показывает, что в России позади видимого государства не стоит его идеал, государство невидимое, апофеоз существующего порядка вещей» [29, с. 696].

Достаточно традиционным было связывание правосознания с уровнем развития народного образования. Как отмечает Д. Бурбанк: «Большинство правоведов полагали, что закон – это система идей и правил, которым следует обучать крестьян, и что люди, не получившие формального образования, не могли «понять» закон и иметь подлинно правовое сознание. Другой преградой ... была идея об особенном, другом мире крестьянства – мире традиций, отсталости, безграмотности, обычая. В представлениях тогдашней элиты этот мир крестьянских традиций никак не сочетался с этикой, основанной на законе» [15, с. 188–196].

Нам представляется, что нельзя однозначно отрицать «подлинно правовое сознание» у большинства наших соотечественников после победы буржуазных революций в Западной Европе, имея в виду прежде всего сельское население. Дело в том, что вовлечение Российской империи в «большую» европейскую политику в XIX в. неизбежно способствовало ее отдалению от мира восточных традиций. Сближению с Западом способствовало и включение значительной части земель Речи Посполитой, прежде всего Беларуси, в состав России. Принятые в это время законодательные акты не касались правового статуса крестьян,

самого многочисленного сословия империи. Тем не менее с отменой в 1861 г. крепостного права часть крестьянства активно переходит на рыночные отношения, пытается отстаивать свои права в законодательно установленном порядке. Так, исследователь Д. Бурбанк отмечает, что для большинства населения Российской империи «закон превратился в часть повседневной жизни, о чем свидетельствует практика волостных судов» [15, с. 188–196]. На эту же сторону вопроса обращает внимание и белорусский ученый С.А. Толмачева [122, л. 130].

Участие представителей юридической науки в проводимых буржуазных реформах дало возможность им обогатиться новыми идеями, сформировать самостоятельные правовые школы. Правоведы Российской империи получили возможность свободно общаться с иностранными коллегами, а их труды стали переводить на европейские языки. Реформаторская деятельность явилась мощным стимулом в развитии и распространении юридических знаний, формировании общественного правосознания.

Итак, есть основание утверждать, что в XIX – начале XX в. Российская империя, а следовательно и население Беларуси, все больше ориентируются на Запад, что проявилось в смене внешнеполитического курса государства в социально-экономических преобразованиях, изменении быта и образа жизни народа. Актуальное звучание обретают в общественном сознании европейские ценности и идеалы, в том числе и в политико-правовой области. Но в правосознании оставались весьма сильными прежние традиции этатизма, фатализма, солидарности, культа ранга, культа силы, мистического созерцания верховной власти и др.

Дальнейшие теоретические осмысления вопросов правосознания были продолжены советскими учеными.

В современной научной литературе, историографии существуют различные подходы к периодизации исследования правосознания в послереволюционные годы. Например, российский правовед З.К. Буклова выделяет два периода: 1917–1991 гг. и 1991 – по настоящее время [13, с. 1524–1529]. Белорусский исследователь Е.М. Ефременко – три периода: 1917 – середина 50-х гг. XX в.; вторая половина 50-х – 80-е гг.; конец 80-х гг. – по настоящее время [40, с. 9, 11]. Специалист в области теории правосознания Н.М. Юрашевич выделяет четыре периода: 1917 – середина 30-х гг. XX в.; середина 30-х – середина 50-х гг. XX в.; середина 50-х гг. – конец 70-х гг. XX в.; начало 80-х гг. – по настоящее время [137, с. 156, 159, 168].

Можно полагать, хотя на этом авторы не акцентируют внимание, что в основу критериев периодизации исследования вопросов правосозна-

ния положены особенности политико-правового режима, складывающегося в те или иные годы существования Советского государства и его идеологическое обоснование. Если это так, то наиболее обоснованным можно признать третий подход к периодизации с определенными коррективами. Так, на наш взгляд, целесообразно выделить в качестве отдельных периодов следующие годы: 1956–1965 гг.; 1966–1985 гг.; 1985 – начало 90-х гг.; 90-е гг. – по настоящее время. Все это согласуется с особенностями становления, функционирования, развития и распада СССР. Первый период характеризуется становлением советской государственности, формированием однопартийной и командно-административной системы, поиском официальной правовой теории. Для второго периода определяющей выступила реализация сталинской политики социалистической модернизации, формирование правовых основ полномочий (в том числе внесудебных) репрессивного механизма Советского государства, утверждения догматической теории права, приспособленной к нуждам административно-командного руководства страной. Вместо того, чтобы в качестве относительно самостоятельного общественно-государственного явления упорядочивать отношения между гражданским обществом и государством, право оказалось как бы под государством, стало частью его политико-административного инструментария, средством оформления его команд. Третий период связан с решением XX съезда КПСС и его значением для либерализации политической системы советского общества. Не случайно он вошел в историю как социально-политическая оттепель. С либерализацией общественной жизни связаны попытки поколебать господство правопонимания, которое сводит право к совокупности установленных государством норм. Развернулась полемика между приверженцами официального правопонимания и сторонниками его расширения или пересмотра (А.А. Пионтковский, С.Ф. Кечекьян, В.С. Нерсисянц и др.). Однако дискуссии обходили самое главное – этатистскую суть правопонимания, дело сводилось к столкновению между «узким» нормативистским и «широким» подходом к праву. Но спор, в сущности, был не об объеме его понятия. Попытки некоторых авторов осудить нормативизм в праве не могли быть успешными, потому что право, как бы мы его ни понимали, в каких бы терминах ни определяли, всегда и неизменно нормативно. Полагаем, что любая концепция, игнорирующая это обстоятельство, ущербна.

Последующие периоды характеризуются поворотом к неосталинизму, усилением кризиса советской социалистической системы (1966–1985 гг.); нарастанием застойных явлений в политической, экономической и социальной сферах, кризисом и распадом СССР (вторая половина 80-х – начало 90-х гг.). С демократизацией жизни общества,

складыванием многопартийной системы, переходом к рыночным отношениям, суверенизацией бывших советских республик поиск нового правопонимания продолжается.

Уделяя особое внимание периодизации Советского государства, мы исходим из того, что нельзя рассматривать историю развития науки о праве в отрыве от истории развития науки о государстве. Дело в том, что государство и право – две неразрывно связанные между собой части юридической действительности, их исторические судьбы неразрывны. Можно сказать, что они возникают одновременно, в результате одних и тех же причин, развиваются взаимозависимо и выполняют единые политические, экономические, социальные и другие функции. Государство не может выполнять свое социальное назначение без того, чтобы не предписывать в нормативной форме индивидам, государственным органам, различным организациям определенное поведение, не обеспечивать использование юридических прав и исполнение обязанностей. В то же время право связывает государственные органы конституционными и иными нормами, упорядочивает их деятельность, вводит их в законное русло. Если исходить из вышеизложенного постулата и соблюдать принцип историзма, то ретроспективный анализ типов правосознания следует увязывать с периодизацией того или другого государственно-организованного общества, используя как формационный, так и цивилизационный подходы. Полагаем, что оба подхода должны не противопоставляться, а дополнять друг друга.

Говоря о периодизации, можно утверждать, что она является одновременно и принципом, и методом, и логическим итогом познания процесса становления и развития правосознания в политико-правовой мысли. Периодизация необходима при систематизации идей, взглядов, учений о правосознании, выделении ведущих научных школ, что не только облегчает изучение предмета, но и дает ориентиры для дальнейшего осмысления и углубления знаний по рассматриваемой проблеме.

Характеризуя первый период (1917 – середина 30-х гг. XX в.), следует обратить внимание на то, что в результате победы Октябрьской революции в России, когда старые нормативные акты были отменены, а новые еще не приняты, право стало связываться не столько с законодательством, сколько с правовым сознанием. Старое законодательство в один миг оказалось излишним, потому что базировалось на иных социально-экономических основах, на иных идеологических и моральных ценностях. В эпоху серьезных общественных потрясений, вызванных революцией, даже первые декреты Советского государства расценивались скорее как пропаганда, своего рода популизм, призывы к массам. Революционным правосознанием следовало руководствоваться, решая

конкретные вопросы, рассматривая конкретные дела. Местные суды, изложено в Декрете СНК «О суде» (ноябрь 1917 г.), руководствуются старыми законами «лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию» [109, с. 16]. Декрет СНК «О суде», принятый в марте 1918 г., говорил о правосознании как о критерии применимости процессуального законодательства свергнутых правительств [37, с. 463–474]. Восхваляя работу революционных судов как нового источника правосознания, Д.И. Курский особо выделял то обстоятельство, что «в своей основной деятельности – уголовной репрессии – народный суд абсолютно свободен и руководствуется прежде всего своим правосознанием» [52, с. 642]. 1 февраля 1919 г. Ревтрибунал утвердил и разослал в трибуналы Инструкцию военным следователям, в которой акцентировалось внимание на том, что при производстве следствия следователь руководствуется «коммунистическим правосознанием, революционной совестью и существующими положениями» [111, с. 36].

Что касается развития законодательства и практики его применения после октябрьских событий 1917 г., то, как указывает В.В. Лазарев, «даже первые советские конституции рассматривались как политические документы, закрепившие свободу над буржуазией, как политические программы» [51, с. 537].

Введение в научный оборот и практику деятельности государственных органов принципа революционной законности, под которым понималось «соблюдение не только законов, изданных рабоче-крестьянским правительством, но и проведение их на основе революционного правосознания в интересах трудящихся масс, а за отсутствием в законе указания на тот или другой случай в жизни, разрешение его на основе того же правосознания в соответствии с общим духом нашей политики» [99, с. 35] свидетельствует о том, что в первые годы Советской власти революционное правосознание выступало и в качестве фактического источника права. В других социалистических странах использование старых законов допускалось, как правило, в течение еще более длительного времени, чем в послереволюционной России и ее регионах. Здесь социалистическое правосознание было тем корректирующим фактором, который обеспечивал возможность вынесения решений в соответствии с задачами декларируемого строительства социализма.

По мере того как революционная эйфория уступала место стабильности появлялась потребность и в принятии стабильных нормативных актов, в кодификации нормативного массива.

В рассматриваемый период такими представителями юридической науки, как Н.В. Крыленко, Д.И. Курский, Е.Б. Пашуканис, М.А. Рейс-

нер, П.И. Стучка и другими правосознание рассматривалось как форма общественного сознания, отражающая социальные, в первую очередь экономические, условия быта людей, преломленные сквозь призму моноидеологической системы оценок и обусловленные в конечном итоге положением того или иного класса в обществе. Другими словами, у всех исследователей рассматриваемого периода правосознание выступает как классовое явление, обусловленное общественным бытием, материальными условиями жизни социума. Этим объясняется и тот факт, что поиск ответов на вопрос о природе сущности и содержании правосознания был связан преимущественно с разработкой проблем правовой идеологии. Не случайно П.И. Стучка, автор понятия «революционное правосознание», определял его как классовую идеологию широких масс, как систему научно разработанных идей, распространенных в массах господствующего класса, причем исследователи, постоянно подчеркивая факт отсутствия в теории права четкого научного понятия правосознания, и сами занимались не столько его разработкой, сколько «новыми типами» правосознания – революционным, классовым, коммунистическим, социалистическим, которые были выдвинуты тогда на первый план.

Например, автор психологической концепции классового права М.А. Рейснер свою заслугу в области марксистского правоведения видел в том, что учение Петражицкого об интуитивном праве поставил на марксистскую основу. Марксистские представления о классовости права Рейснер толковал в том смысле, что каждый общественный класс – не только господствующий, но и угнетенные классы – в соответствии с положением данного класса в обществе и его психикой создает свое реально существующее и действующее интуитивное классовое право. По мнению Рейснера, уже при капитализме имеется не только буржуазное право, но также пролетарское и крестьянское. Приспосабливая теорию Петражицкого к марксизму, Рейснер утверждает, что каждый социальный класс создает собственное «интуитивное право», которое является одной из форм осознания людьми противоречий между производительными силами и производственными отношениями в период революционной ломки.

По утверждению Рейснера, в период «нормальных экономических отношений» функция права заключается в освещении существующих общественных отношений. Что касается правосознания господствующего класса, то оно не может адекватно отражать реальные отношения по причине того, что данный класс сознательно стремится выдать свои интересы за общие национальные, а то и за общечеловеческие. Рейснер поэтому считал, что советская правовая система представляет собой

сложный конгломерат правосознаний разных классов, каждое из которых выражается в одном из кодексов: пролетарское – в КЗоТ, крестьянское – в Земельном, буржуазное – в Гражданском (период нэпа).

Таким образом, по Рейснеру, «общее» советское право в условиях нэпа предстает как компромисс трех классовых систем права (пролетарского, крестьянского, буржуазного). Это «общее» советское право по причине доминирующей роли пролетарского (социалистического) права Рейснер характеризует как «социалистический правопорядок, включающий в себя классовое право трех классов» [19, с. 95].

Интересна оценка взглядов М.А. Рейснера на понятие права советским правоведом В.Д. Зорькиным. «М. Рейснер, – пишет ученый, – преувеличивал место правосознания в понятии права, фактически отождествлял право и правосознание, однако акцентирование психологического аспекта права составляет его несомненную заслугу. Вне этого аспекта понятие права было бы далеко неполным и явно обедненным с точки зрения современного уровня развития марксистско-ленинской теории права» [45, с. 232].

Как и в годы Гражданской войны, в силу большого количества пробелов в законодательстве периода нэпа революционному правосознанию отводилась роль одного из источников права [120, с. 159].

О неоднозначности подходов к оценке правосознания в первое десятилетие Советской власти свидетельствует следующее высказывание П.И. Стучки: «...под революционным или социалистическим правосознанием скрывалось в значительной степени то же буржуазное правосознание, ибо иного правосознания ни в «природе», ни в человеческом представлении еще не существовало» [119, с. 104–109]. Последнее свидетельствует о том, что многие взгляды на юридическую действительность некоторыми представителями советской правовой науки вынужденно или сознательно были заимствованы у зарубежных авторов.

Вторая половина 30-х – первая половина 50-х гг. прошлого века отличается тем, что как философы и психологи, так и правоведы утратили тот значительный интерес к вопросам правосознания, каким он был в предыдущее десятилетие. Творческая разработка вопросов правосознания, как и других правовых проблем, замедлилась. Научные исследования чаще приобретали чисто комментаторский характер, а новые мысли, которые помогали бы развитию науки, излагались все реже. И это не случайно. К началу 30-х гг. этактистское правопонимание получает официальную поддержку. На I Всесоюзном съезде марксистско-государственников (1931 г.) Е.Б. Пашуканис и другие известные правоведы вынуждены были выступать с разоблачением своих так называемых ошибок, заниматься самокритикой. Нажим сверху на юридическую

науку возрастал, она была призвана подводить теоретическую основу под сталинский режим политического насилия, устанавливающийся в стране. В основу «нового» понимания права легла дефиниция, предложенная А.Я. Вышинским, ее обсуждали в июле 1938 г. на Всесоюзном совещании работников науки советского права: «Советское право есть совокупность правил поведения, установленных в законодательном порядке властью трудящихся, выражающих их волю, и применение которых обеспечивается всей принудительной силой социалистического государства в целях защиты, закрепления и развития отношений и порядков, выгодных и удобных трудящимся, полного и окончательного уничтожения капитализма и его пережитков в экономике, быту и сознании людей, построения коммунистического общества» [22, с. 183].

Таким образом, в 1938 г. в советской юридической науке произошла смена правовой парадигмы, которая сводила на нет роль общества в формировании права и юридических институтов, судьба права была фактически полностью отдана государству, понимаемому в смысле аппарата управления и бюрократического контроля над обществом.

Естественно, что и понятие правосознания стало определяться учеными с точки зрения предложенного понятия права. Правосознание, по мнению А.Я. Вышинского, это «общая система правовых, философских и политических взглядов», «мировоззрение в области вопросов, регулируемых правом», «представления о должном, необходимом, обязательном, законном» [23, с. 158, 180, 182–183].

Отдельные авторы поэтому стали рассматривать правосознание как определенные воззрения людей на право, отношение их к действующему праву (М.С. Строгович, А.И. Денисов), о регулирующем воздействии правосознания на поведение людей (М.П. Карева). Не вызывает сомнения тот факт, что научные разработки в области юриспруденции, в том числе теоретического осмысления правосознания, начали вести учитывая мнение А.Я. Вышинского, который в вопросах права стал непрекращаемым «авторитетом». Последний поддерживался и ответственным положением Вышинского, который занимал пост прокурора СССР, что позволило ему на практике реализовывать свои концепции. Так, необоснованно противопоставляя требования законности целесообразности, А.Я. Вышинский утверждал, что правосознание «корректирует применение закона» и в известных условиях само «оказывается единственным средством правильного подхода к событию и закону» [23, с. 181].

Тот факт, что до середины XX в. проблематика понятия, сущности, структуры правосознания разрабатывалась мало, объясняется идеологизированностью законодательства того времени и его явной направленностью на укрепление господства командно-административной си-

стемы. Думается, что в таких условиях правосознание вряд ли могло претендовать на статус явления, отражающего правовую действительность в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации. Определявшееся как социалистическое оно всегда носило политический характер и тесно увязывалось с так называемой политикой КПСС, отражающей интересы рабочего класса и всех трудящихся масс.

Со второй половины 50-х гг. XX в. ряд исследователей начинает трактовать правосознание как отношение субъектов к существующему праву, в связи с чем в его понятие стали включать в качестве структурного элемента правовую психологию (К.Т. Бельский, Е.А. Лукашева, И.Е. Фарбер и др.).

Возникло немало иных точек зрения на правосознание и его научное обоснование. Приведем определения правосознания, которые давались еще в 60–70-х гг. XX в. Так, исследователь А.К. Уледов под правосознанием понимал «совокупность взглядов, в которых выражается отношение людей о своих правах и обязанностях, о правомерности или неправомерности того или иного поведения» [128, с. 99]. В.А. Чефранов писал, что правосознание представляет собой «совокупность правовых идей и соответствующих им психологических форм, отражающих общественное бытие сквозь призму классовых отношений и воплощающихся в нормах права, выступающих как практическая сторона правового сознания, правовых теориях, правовых представлениях обыденного порядка, а также в групповых и индивидуальных правовых взглядах» [132, с. 13]. По мнению В.И. Каминской и А.Р. Ратинова, правосознание есть «сфера общественного, группового и индивидуального сознания, отражающая правовую действительность в форме юридических знаний, оценочных отношений к праву и практике его применения, правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих человеческое поведение в юридически значимых ситуациях» [53, с. 55].

Таким образом, следует отметить, что несмотря на отсутствие в советский период методологического плюрализма, многие исследователи внесли существенный вклад в развитие теории правосознания. При этом в учебной литературе особое внимание авторы обращали на то, что социалистическое правосознание, будучи одной из форм общественного сознания (наряду с политическим, нравственным, философским и др.), подчиняется тем же закономерностям, что и общественное сознание в целом, и определяется в конечном счете материальными условиями жизни общества. Указывали на то, что оно входит в надстройку советского общества и тесно взаимодействует с другими формами общественного сознания, со всеми частями надстройки. Тем не менее подчеркивали

идею о том, что социалистическое правосознание, обусловленное экономическим строем советского общества, носит классовый, политический характер, является правосознанием высшего социального уровня. С учетом изложенного социалистическое правосознание определялось «как совокупность настроений и чувств, представлений, взглядов и теоретических концепций рабочего класса и всех трудящихся, руководимых марксистско-ленинской партией, относительно сущности и содержания правовых норм, а также действий по их реализации» [124, с. 342].

Вместе с тем со второй половины 80-х гг. по настоящее время специалисты в области отечественной теории правосознания все чаще стали апеллировать к взглядам представителей дореволюционной философско-правовой мысли. В первую очередь и они перестали трактовать сущность правосознания преимущественно с позиций материализма и юридического позитивизма как непосредственное восприятие правовой действительности и его последующая проекция на сознание. С их точки зрения, такая постановка вопроса, фокусируя внимание исследователей на формах психического отражения государственно-правовой жизни, не позволяла должным образом отразить духовную основу правосознания [40, с. 11].

Резюмируя анализ осмысления правосознания в советский период, следует отметить, что данная историческая эпоха получила неоднозначную оценку в исследованиях ученых: историков, философов, юристов, представителей других направлений гуманитарного знания. Но все они едины во мнении, что в силу своей скоротечности Февральская революция, вошедшая в историю как разрушительница самодержавной власти, оказалась неспособной создать хотя бы основы новой формы государства, несмотря на то, что Россия была объявлена республикой. В тех исторических условиях буржуазно-демократическая революция скорее привела к разгулу анархии отнюдь не славянофильского типа и не оставила заметного следа в формировании особой политико-правовой культуры, зато продемонстрировала незрелый и нежизнеспособный характер российского либерализма. Октябрьская революция и установление Советской власти перевернули, по выражению профессора О.В. Мартышина, социально-экономические и прежде всего идеологические основы старой политико-правовой системы. Традиции теории официальной народности графа С.С. Уварова – самодержавие, православие, народность искоренялись. Место православия занял воинствующий атеизм, место соборности – классовая борьба и диктатура пролетариата. В то же время при очевидной противоположности дореволюционной и советской системы в политико-правовой сфере их роднит коллективизм, отрицание индивидуализма, стремление к истине и справедливости:

при царизме на основе православия, при Советской власти на основе научного коммунизма [69, с. 27].

Кроме вышеотмеченных подходов к правосознанию, на данном историческом этапе развития оно стало рассматриваться и как «совокупность представлений, мотивирующих правомерное (либо противоправное) поведение, как систему взглядов, служащих источником для законотворческого процесса, включенных в деятельность по реализации законодательства, применению и соблюдению права» [85, с. 108]. Подобная оценка правосознания излагалась и в учебной литературе [103, с. 176, 386].

Таким образом, с середины 50-х и до середины 80-х гг. прошлого столетия интерес к исследованию проблем правосознания возрастает. Четко видна тенденция более основательного изучения его содержательных компонентов, применения системного подхода при анализе его структуры. Пожалуй, самое важное заключается в том, что правоведы приходят к выводу: правосознание следует рассматривать как одну из разновидностей общественного сознания, не менее важную и сложную по своей структуре, чем другие виды сознания. Во-вторых, оно исследуется во взаимосвязи не только с правом, но прежде всего с детерминирующими его материальными факторами. В-третьих, правосознание изучается не в отрыве от его носителя – человека, поведение которого в обществе во многом определяется правовым сознанием. В-четвертых, исследователи не ограничиваются показом отражательной и познавательной стороны правосознания, а вскрывают его организующую и регулирующую роль в обществе. В-пятых, при анализе правосознания ученые стали больше внимания уделять социально-психологическим факторам, которые при сложностях практических отношений оказывают самое непосредственное влияние на уровень и состояние законности и правопорядка.

Политическая реформа середины 80-х гг. и последовавший за ней процесс демократизации общества в постсоветских республиках еще более обострили интерес к различным элементам правовой действительности, в том числе к правовому сознанию. При оценке результатов современных исследований обращает на себя внимание тот факт, что ученые-правоведы единодушны в его осмыслении как явления сложного по своему содержанию. Правовое сознание определяется ими как многомерное, внутренне противоречивое, многоуровневое образование, в обобщенной форме отражающее отношение субъектов к правовой действительности. Предлагаемое белорусским ученым Н.А. Горбатком его определение детализирует понимание правосознания и акцентирует внимание на его рациональном и иррациональном компонентах: «Правосознание – это одна из форм общественного сознания, пред-

ставляющая собой систему правовых взглядов, теорий, идей, представлений, убеждений, оценок, настроений, чувств, в которых выражается отношение индивидов, социальных групп, всего общества к действующему и желаемому праву, правовым явлениям, поведению людей в сфере права» [17, с. 284]. Многие белорусские правоведы в целом согласны с данной позицией, включая при этом в понятие правосознания его оценочно-ценностные характеристики и социально-правовой контроль его носителей [12, с. 101–105].

Отдельные исследователи, определяя понятие правосознания, уделяют пристальное внимание его социокультурной обусловленности, психическому отражению им социально-правовой жизни и исторической эволюции правовой системы общества, которая оказывает влияние на формирование правосознания индивида при изучении истории права.

С учетом вышеизложенного белорусский правовед Е.М. Ефременко полагает, что правосознание целесообразно рассматривать «как социокультурно обусловленную форму активного психического отражения личностью, социальной группой, обществом в целом правовой жизни общества в ее эволюции, определяющую рациональное, эмоциональное и мотивационно-деятельностное отношение субъектов к правовым явлениям» [41, л. 17].

Вышеприведенный анализ правосознания в историческом и содержательном аспектах дает основание осмыслить его со следующих позиций: субъектом правопонимания всегда выступает конкретная личность, человек конкретной исторической эпохи с определенным образованием, кругозором и уровнем правовой культуры. Понимание права преломляется через призму личных качеств и взглядов индивидов, из которых складываются социальные группы, общество в целом посредством сознания, являющегося формой психического отражения действительности, в том числе и права. Высшей ступенью в развитии отражения реального мира является социальное отражение, которое присуще обществу на любой стадии его развития. Таким образом, основой работы сознания является его уникальная способность отражать те или иные явления действительности. Очевидно, что право, будучи объективно сложившейся в обществе совокупностью норм (правил) поведения, взаимодействует с сознанием индивида посредством его отражения. В результате этого формируется *особая форма общественного сознания*, именуемая в *юридической науке правосознанием*. В настоящем исследовании данное положение мы принимаем за отправной пункт.

Правовое сознание отражает реальный мир, существующий независимо от сознания. Вместе с тем это исключительно субъективное явление, так как отражение – это творческий акт, который, так или иначе,

несет на себе отпечаток индивидуальности и неповторимости носителя правового сознания – уникального и единственного в своем роде индивида. Это позволяет нам утверждать, что между реальным миром и его отражением не существует отношения тождества, но существует диалектическая связь, на основе которой происходит его познание.

Стоит отметить, что в определениях правосознания всякий раз прослеживается своеобразная авторская позиция, связанная с обоснованием значимости тех или иных сторон рассматриваемого явления, однако приведенный выше далеко еще не полный перечень определений все же достаточен, чтобы можно было выделить несколько основных характеристик правосознания. Во-первых, правосознание – это форма общественного сознания, а значит, продукт сознательной и целенаправленной деятельности людей. Во-вторых, это совокупность взглядов, представлений, понятий, идей, оценок, чувств и т. д., т. е. всего того, что содержит субъективное отношение человека к праву. В-третьих, предметом правосознания являются право и правовые явления, т. е. правовая реальность в ее целостности и противоречивости. В-четвертых, правосознание проявляется в форме активных социально значимых действий в сфере общественных отношений, как урегулированных нормами права, так и требующих такого регулирования.

С учетом изложенного, на наш взгляд, определение правового сознания должно основываться на научной объективности, смысловой насыщенности и минимуме декларативности. Наиболее предпочтительным представляется вариант, учитывающий основные типичные особенности понятия и сформулированный компактно, а именно: правосознание – это форма общественного сознания, содержащая субъективное отношение индивидов к правовой реальности и проявляющая себя в форме социально значимых действий и поступков людей на конкретном этапе правовой эволюции общества. Проще говоря, правосознание – это область человеческого сознания, отражающая правовую действительность и воздействующая на нее на том или ином этапе исторического развития социума.

В то же время следует учитывать, что правовая наука вовсе не беспристрастна. Ее творят люди, обладающие теми или иными мировоззренческими установками, нравственными качествами, которые играют далеко не последнюю роль в реализации социальной функции правоведения. В ходе научного творчества постоянно возникают противоречия между строгой объективностью науки и субъективными особенностями создающих ее людей. Это необходимо принимать во внимание, выбирая приоритеты среди различных точек зрения.

1.2. Правосознание и процесс формирования правовой субъективности лица, осуществляющего правоохранительную правоприменительную деятельность (антрополого-правовой подход)

Когда возникает вопрос о качестве правоприменительной деятельности, то в рамках общеправовой теории, равно как и в рамках отраслевых юридических наук, обычно речь идет о двух составляющих: о нормативных основаниях правоприменительной деятельности, о правах и обязанностях, полномочиях, качестве правовых предписаний, регламентирующих эту деятельность; об уровне правосознания личности правоприменителя. Специфика юридического инструментария такова, что оценка, измерение эффективности правоприменительной деятельности делается преимущественно на основе нормативных оснований: была ли соблюдена законность, не нарушена ли процедура, какое количество фактов в определенный временной отрезок было разрешено и т. п., т. е. за основу оценки берется то, что легче всего поддается формализации, формально-юридической оценке деятельности. Однако это не означает, что нормативные основания раскрывают картину практики правоприменения как она есть на самом деле и, главное, что только они и формируют ее. Большое значение имеют и ненормативные компоненты правовой реальности, которые отражают антрополого-правовой уровень правового воздействия. В юриспруденции основным понятием, описывающим этот уровень, является понятие правосознания.

Антропологический подход к исследованию правосознания: общие методологические основы. Сама постановка вопроса о выделении двух составляющих, двух уровней правовой реальности – нормативном и антропологическом – не является традиционной для правовой теории, и в каждой концепции правопонимания к ней имеется свое отношение. Например, для юридического позитивизма, этатистского нормативизма и различных неопозитивистских концепций, включая аналитическую юриспруденцию, антропологический уровень правовой реальности как таковой не признается и выносится за пределы действия права, а всякое правовое содержание рассматривается лежащим исключительно в нормах права как формально-логических конструкциях. В разрабатываемом нами антропологическом подходе к праву идея о выделении двух уровней правовой реальности – нормативном и антропологическом – была сформулирована в контексте разработки метода юридико-антропологического анализа, без которого вообще затруднительно вести речь об антрополого-ориентированном исследовании. Метод юридико-антропологического анализа заключается в том, что с его помощью осу-

ществляется аналитическое выделение элементов правовой реальности и их центрирование на фактическом правовом существовании человека в праве. Иными словами, антрополого-правовое познание любого фрагмента правовой реальности методологически фокусируется на человеке как главной цели в праве [93, с. 55]. Принцип человекомерности права, предполагающий представление права и правовой реальности только в связи с существующим и действующим в ней человеком, выступает поэтому исходным методологическим принципом антропологии права [93, с. 36].

Идея человекомерности права и, следовательно, выделения в правовой реальности двух ее уровней состоит в том, чтобы дифференцировать в праве те элементы, которые имеют антрополого-правовую основу, и те, которые имеют институциональную, формально-нормативную основу. Например, очевидно, что текст закона и смысл правовой нормы – это разные по своей правовой природе явления, аналогично как презумпция знания закона, выраженная в нормативном тексте и реальный процесс протекания сознания лица относительно факта совершенного им общественно опасного деяния, либо понятие субъекта права, отражающее правовой образ человека, и сам реальный человек, и т. д.

Проблематизация понятия «правосознание». Традиционно в юриспруденции антрополого-правовой уровень правовой реальности описывается через понятие правового сознания и выражается в конкретных категориях, имеющих антрополого-правовую природу, – это воля, мышление, вина, цель, мотив и т. д. Вместе с тем обычно в теории права не делается акцент на конкретном способе и процессе проявления правосознания в этих категориях, его конкретном антрополого-правовом воплощении. Правовое сознание рассматривается само по себе, а юридические конструкции – сами по себе. В отраслевых юридических дисциплинах, напротив, делается попытка рассматривать только сами антрополого-правовые феномены через соответствующие отраслевые конструкции (вина, казус, ошибка и т. д.), в то время как само правосознание в качестве целостного феномена не анализируется, причем отраслевое мышление отождествляет конструкцию и антрополого-правовой феномен. Юридическая практика, соответственно, всегда отдает приоритет именно конструкции, нежели реальному процессу протекания юридического акта сознания, так как для практикующего юриста именно официально выраженное правовое предписание, в котором и сформулировано легальное понятие конструкции, является единственным ориентиром деятельности.

Вместе с тем, очевидно, что юридическая конструкция и выражаемый ею антропологический акт не есть одно и то же. Ведь в правовой

действительности мы всегда имеем дело не с субъектом права как неким комплексом формальных юридических признаков, своего рода «нормативным человеком», а с конкретными людьми, живыми лицами. Более того, в самой правовой традиции были выработаны средства и приемы, переносящие момент правовой определенности с уровня нормативной реальности на уровень антропологической реальности (усмотрение следователя, постановление приговора с определением конкретной меры ответственности, оценка доказательств, применение принципов права, толкование правовых норм, преодоление пробелов в праве и т. д.). Несмотря на то что, на первый взгляд, такая дифференциация права на нормативное и антропологическое может показаться излишней, тем не менее вопрос антрополого-правового анализа связан с целым рядом важнейших аспектов правового регулирования, а именно:

с повышением эффективности права и установлением точных критериев и показателей оценки правоприменительной деятельности;

установлением адекватного отражения в правовых конструкциях реальных антрополого-правовых свойств на стадии правотворчества и официального толкования правовых предписаний (особенно это касается ведомственного правотворчества и толкования);

пониманием правоприменителями тех разрешаемых ситуаций, в которых законодателем правоопределяющий момент перенесен с нормы права на самого правоприменителя, т. е. с нормативного на антропологический уровень;

определением в такой ситуации сугубо личностных антрополого-правовых содержаний, которые должен использовать правоприменитель при разрешении дела.

Безусловно, эти задачи требуют углубления учения как о субъекте права, так и о его правовом сознании. Для этих целей имеет смысл рассмотреть не просто правосознание лица как статическое абстрактное выражение некоторых знаний о праве, некоторого его долженствования, а как целостного процесса формирования правовой субъективности лица-субъекта права с анализом этапов его протекания.

Правовая субъективация. При разработке модели человека в правовой реальности, исследуя возможности описания правовой субъективности, наряду с традиционным понятием правосознания нами было предложено специальное антрополого-правовое понятие – «правовая субъективация» [91, с. 115–133; 93, с. 82–83]. Под *правовой субъективацией* мы понимаем *антропологическую юридическую практику, способ поведения человека в правовой реальности, через который он вырабатывает лично-конститутивное и ценностное отношение к правовой жизни в целом, к своему правовому статусу и правовому поло-*

жению в частности, в том числе и к конкретной юридически значимой ситуации, в которой он оказывается.

Родовое понятие субъективации является достаточно устоявшимся в современной зарубежной и отечественной философской литературе и в целом оно связано с разработкой новых антропологических моделей взамен традиционной философской концепции субъекта [139, р. 258; 112].

Применительно к праву субъективация, или правовая субъективация, призвана выразить не просто форму сознания лица о праве, но целостный процесс, практику формирования человека как юридически значимого лица, т. е. правовая субъективация включает в себя не только традиционно понимаемое правовое сознание, но более широкий круг явлений, отражающих практику отношения человека с самим «собой юридическим», или, по поводу юридического, которая и выражает реальную правовую жизнь лица. «Юридическим» здесь может выступать любой феномен правовой реальности, с которым сталкивается человек в праве, наиболее часто – это конкретная юридически значимая ситуация, факт правовой жизни.

В связи с введением понятия правовой субъективации в антропологии права возникает необходимость соотношения этого понятия с традиционным понятием «правосознание».

Правовая субъективация и правосознание. Итак, прояснение смысла нового понятия лучше всего демонстрировать в контексте его сравнения с традиционным понятием правосознания.

Правовая субъективация – это определенный опыт, практика существования человека в правовой реальности (специальная юридическая деятельность, либо просто способ реализации права гражданином), которая органично связывается с общим строем личностной конституции и внутренней ценностной среды человека, с общим строем его личного существа. Следовательно, правовая субъективация отражает внутренний процесс становления человека юридического, обуславливающий его внешне объективированную деятельность, правовое существование в правовой реальности в целом.

Правосознание традиционно понимается как «совокупность представлений, взглядов, убеждений, оценок, настроений и чувств людей к праву и государственно-правовым явлениям» [100]. Иными словами, правосознание характеризует преимущественно интеллектуально-юридический момент, имеющий в своей основе идеологическое содержание сознания – знание о праве, несмотря на то что обычно правосознанию приписывается и психологический момент. Правосознание есть «непосредственное и опосредованное восприятие правовой действительности в чувственных и мыслительных образах...» [95], это отраже-

ние правовой реальности в сознании человека. Когда говорят о правосознании, то обычно не имеют в виду связь мышления о праве с общим строем личности человека, его ценностной среды. Правосознание фокусируется на отражении сугубо юридического содержания реальности.

На основании этого можно заключить, что правовая субъективация и правосознание хотя и близкие, но не тождественные по смыслу понятия. Правовая субъективация не является только лишь отражением в сознании правовой реальности, моментом ее интеллектуального восприятия. Она есть руководимый самосознанием процесс формирования человека юридического исходя из личностных характеристик и практикующихся, воспроизводящихся в повседневности *личностных ценностей, которые и отвечают за конституирование личности человека*. Хотя процесс такого личностного конституирования отчасти может носить предметно-осмысленный по отношению к праву характер и локализоваться в области правосознания, тем не менее следует понимать, что само понятие «правосознание» как отдельно выделенный из общего сознания человека процесс достаточно условно. В таком значении оно было сформулировано только в советской юридической науке второй половины XX в. и догматизировано ею в форме учения о правосознании. Хотя еще Л.И. Петражицкий, один из первых исследователей правового сознания в начале XX в., полагал, что и правовые, и нравственные реакции человека как отражение реальности лежат в едином сознании, психике человека. Сознание, по мнению Л.И. Петражицкого, представляет собой сферу внутреннего отражения различного рода эмоций и «фантазмов», проявляющуюся в форме правовых и нравственных переживаний. Следовательно, право и есть сам процесс переживания обязательно-притязательного, императивно-атрибутивного типа в отличие от переживания сугубо императивного типа, представляющего собой нравственность, хотя в целом и первый, и второй типы переживаний правовед считал нравственными по своей природе [92, с. 7–107; 94, с. 58–63]. Иными словами, говоря о правосознании, мы не должны забывать, что это специальное юридическое понятие, которое в советской юриспруденции было догматизировано и приобрело достаточно законсервированную форму. Реальное углубление в процесс протекания правосознания конкретного лица в конкретной юридически значимой ситуации практически всегда будет показывать несоответствие сложившихся общетеоретических представлений о правовом сознании фактическому положению дел.

В отличие от правосознания правовая субъективация характеризует более широкое поле явлений, участвующих в производстве субъективности человека в праве. Главное отличие правовой субъективации от

правосознания по ширине и глубине охвата правовой реальности состоит в том, что правовая субъективация предполагает участие личностных ценностей лица в реакции на правовую реальность, т. е. эти ценности, включенные в процесс внутренней оценки юридического содержания, изначально являются принадлежащими не правовому сознанию, а сознанию как таковому, а еще шире – опыту существования лица в целом. Именно поэтому в правовой субъективации главную роль играет не правосознание (не знание права), а личностные ценности.

Правосознание, в отличие от правовой субъективации, не основывается на личностных ценностях. Оно является строго локализованным явлением, которое методологически не связано с характеристикой личностного конституирования человека в правовой реальности и с личностными ценностями, а отвечает лишь за осмысленное, отрелексированное отношение лица к юридическому.

Всякое юридическое действие, равно как и акт правового сознания как отрелексированное движение мысли о праве, осуществляются уже на базе правовой субъективации. В этом смысле правовая субъективация в некотором смысле до-субъектна и до-коммуникативна, она является платформой, на которой основывается правосознание и вообще всякая юридическая деятельность. Можно сказать, что правовая субъективация – это личностно-конститутивная и ценностная реакция человека на тот или иной элемент правовой реальности.

Конститутивность и ценность здесь означают постоянные личностные характеристики складывания субъективности и личности, которые воплощаются не только в правовом сознании, которое уже есть предметно осмысленное отношение к определенному факту правовой жизни, но в целом в практике существования человека. Это не социальные и правовые роли и статусы, а конститутивные, жизненно-практические (экзистенциальные) содержания личного существования, на базе которых эти роли и статусы размещаются и существуют.

Именно поэтому правовая субъективация логически и онтологически предваряет правосознание, прежде всего в части знания о праве, и тем самым отчасти обуславливает его на основании практик личностно-конститутивного и ценностного отношения к правовой жизни. Нередко поэтому правосознание в смысловом отношении не совпадает с правовой субъективацией, со складывающимся процессом правовой субъективности, что, однако, само по себе не означает нечто негативное. Впрочем, подобное расхождение может приводить и к негативным явлениям, например, к злоупотреблению правом без его формального нарушения, сознательному нарушению права при высоком уровне правового сознания (правовой идеологии). И, напротив, может иметь место соблюдение

права при низком уровне правового сознания (правовой идеологии) или соблюдение права при одновременной его критике и негативном к нему отношении и т. д.

Развертывание процесса правовой субъективации. Если правовая субъективация, как было изложено выше, характеризует более широкий круг явлений внутреннего отражения правовой реальности, нежели правосознание, то следует показать, как происходит процесс правовой субъективации в его последовательности.

Поскольку в предлагаемом нами антропологическом подходе право как явление характеризуется через три главных элемента правовой реальности – человека, норму права и факт правовой жизни, постольку развертывание правовой субъективации будет рассмотрено в связи с реакцией человека по поводу а) факта правовой жизни и б) нормы права.

А. Первичным и наиболее важным моментом правовой субъективации является проявление личностных характеристик и ценностей лица по отношению к факту правовой жизни – к непосредственной данности правовой жизни. Здесь осуществляется ненормативное отношение лица к факту, которое полностью обуславливается «практиками себя» (М. Фуко), – конститутивными характеристиками лица и его личностными ценностями. Отношение лица к факту, как правило, детерминировано не правосознанием, а конститутивными характеристиками лица и его личностными ценностями безотносительно к юридическому, тем более что на практике, как правило, лицо не знает о своем конкретном праве, правомочии в той или иной ситуации. Как правило, это непосредственная личностная реакция на юридическое как она и имеет место в реальной жизни обычного человека.

Здесь происходит и отношение к другому лицу, которое обычно рассматривается не автономно, а в контексте факта правовой жизни. Другое лицо в юридически значимой ситуации воспринимается также не на основе права, а на основе личностных ценностей человека.

Соотнесение личностных характеристик и ценностей лица с фактом правовой жизни происходит в большинстве случаев вне и до связи с нормативной системой права. Это первичный данный опыт встречи с ситуацией, и он осуществляется не на нормативных правовых, а на личностных конститутивных основаниях.

Б. Приложение личностных характеристик и ценностей лица к норме права (т. е. конкретным субъективным юридическим правам и обязанностям лица) имеет место, как правило, уже после выработки лицом конкретного отношения к факту правовой жизни.

Правовая субъективация по отношению к норме права проявляется в двух моментах:

при выработке лицом в юридически значимой ситуации личностной позиции по поводу своих субъективных юридических прав и обязанностей. Это *односторонне-нормативный момент правовой субъективации*, который можно выразить суждением «на что я имею право и что я должен»;

при последующей выработке лицом личностной позиции в связи с корреспондирующими юридическими правами и обязанностями другого лица. Это *двухсторонне-нормативный момент правовой субъективации*, который можно выразить формулой «что должен в отношении меня другой и что я могу от него требовать».

Оба нормативных момента правовой субъективации реализуются уже с использованием правового сознания лица, формируемого относительно конкретной юридически значимой ситуации конститутивными характеристиками лица и его личностными ценностями.

Односторонне-нормативный момент правовой субъективации, как правило, первичен во времени, и именно в процессе его осуществления личностные содержания и ценности включаются в формирование правовой позиции лица. Двухсторонне-нормативный момент, по сути, есть лишь отражение первого момента, поэтому он вторичен: всякая правовая связь, правоотношение, правовая коммуникация, несмотря на то что нормы права реализовываются именно в правовом отношении, не устраняют режим персонального правового существования.

Таким образом, на основании развертывания процесса правовой субъективации можно в целом представить антропологический процесс формирования человека в правовой реальности следующим образом:

формирование личностной конституции и ценности в процессе практик себя (неюридический аспект формирования лица);

конститутивное и ценностное распространение личностных содержаний на факт правовой жизни и другое лицо (лица);

формирование правосознания (рефлексивной правовой позиции) относительно факта правовой жизни, своих и корреспондирующих субъективных юридических прав и обязанностей другого лица, в целом нормы права;

готовность к совершению юридически значимых действий лица как субъекта права.

Представленный процесс показывает нетождественность правовой субъективации и правосознания как во времени, так и по содержанию.

Один из главных выводов анализа процесса правовой субъективации состоит в том, что личностная ценность включается в правовую действительность не через правосознание, а хронологически раньше – через правовую субъективацию на этапе конститутивного отражения

личностной ценности в правовой позиции. На стадии правосознания отмечается уже синтезированная позиция конститутивно отобранной личностной ценности в ее приложении к норме права, являющейся носителем нормативно выраженной юридической ценности, и факту правовой жизни.

Особенности правовой субъективации правоприменителя в правоохранительной сфере. Деятельность по применению правовых норм лицами, осуществляющими правоохранительные функции, также охватывается общими закономерностями процесса правовой субъективации, однако имеет и свои особенности. Прежде всего это:

профессионально юридическая деятельность, предполагающая постоянную и целенаправленную работу с фактами правовой жизни, как правило, охранительного, негативного, конфликтного характера (разрешение правонарушений);

наличие профессионального правосознания и опыта у правоприменителя;

постепенная юридизация, или деформация сознания правоприменителя под влиянием профессиональных факторов (восприятие реальности в повседневной жизни сквозь профессиональное мышление).

С одной стороны, если вести речь о правосознании правоприменителя, обычно в юриспруденции оно рассматривается как одна из наиболее желаемых форм сознания для правопорядка. Профессиональный юрист, знающий право, законодательство, постоянно работающий в данной сфере, является гарантом законности и социальной стабильности. С другой стороны, если за основу анализа мы возьмем не правовое сознание, а правовую субъективацию лица, то ситуация будет выглядеть иначе. Наличие профессионального правосознания, профессиональных знаний о праве само по себе не является гарантом желательного способа правового существования, поскольку, как мы указали выше, в правовой субъективации, которая является основой для правосознания, главным и первичным является не знание норм права, а личностные ценности человека, которые сформированы им не столько в профессии, сколько в практике жизни. Именно эти личностные ценности оказывают влияние на вынесение юридически значимых решений в той мере, в которой это позволяет нормативная система права. Сама нормативная система права устроена таким образом, что в ней, даже в охранительных публично-правовых процессах (уголовном, административно-деликтном), имеет особое место для относительно-определенных элементов, связанных с перенесением тех или иных моментов правового регулирования с нормативного уровня на антропологический (внутреннее убеждение при оценке доказательств, толкование нормы и факта, принятие решения о

выборе одного из возможных тактических приемов в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности и др.).

На основании этого следует заключить, что для правоприменителя, осуществляющего правоохранительную деятельность, наряду с профессиональным правосознанием как знанием права, первоочередное значение имеет неюридический аспект формирования личности. Наряду с принципом профессионализма, в правоохранительной правоприменительной деятельности важен принцип нравственной устойчивости, нравственной состоятельности лица. Большой проблемой является, конечно, то, как его выявить, определить. В практике государственной службы этот принцип нравственной состоятельности, так или иначе, анализируется и предъявляется к кандидатам на службу, пусть, возможно, и интуитивно. Однако в общеправовой теории, как мы уже указали выше, в учении о правосознании речь, по сути, идет только о профессионализме как знании права. И в преподавании общеправовых дисциплин практически нет материала о формировании личностной конституции в связи с юридической деятельностью, в то время как совершение должностных преступлений, иных проступков, связанных с осуществлением своих полномочий, лицами-субъектами правоохранительной деятельности, как правило, и связано с отсутствием определенных личностных ценностей у этих лиц при их высоком уровне правового сознания как знания права.

Вместе с тем следует отметить, что в последнее десятилетие в юридической науке и практике все чаще стали обращать внимание на данный аспект. В частности, в Республике Беларусь не только расширяются возможности диспозитивности в правовом регулировании, но и постепенно включается непрофессиональный сегмент в те или иные юридические процедуры. Так, постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 января 2019 г. № 56 введена процедура публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов с правом любого физического и юридического лица изложить свою позицию по проекту нормативного правового акта и получить аргументированный ответ, обсуждается возможность введения медиации в уголовный и административный процессы [81].

В юридической науке обсуждается важность развития правовой деонтологии – науки о специальных морально-этических требованиях в деятельности профессиональных юристов. В Республике Беларусь первое исследование по проблемам деонтологии применительно к оперативно-розыскной деятельности было проведено В.Ч. Родевичем [106, с. 222]. Ученый на основе анализа фактического материала выделил такие необходимые личностные ценности-принципы лица, осуществляющего

оперативно-розыскную деятельность, как честность, гуманизм, человеколюбие в отношении с гражданами, готовность помочь людям, общая направленность внутреннего мира сотрудника на достижение добра, исключение лицемерного отношения с гражданами и др. [106, с. 131–157]. Совершенно справедливо В.Ч. Родевич обращает внимание и на то, что личностные ценности субъектов и участников оперативно-розыскной деятельности, казалось бы, выходящие за рамки профессиональных знаний и опыта, следует рассматривать не просто как характеризующие личность данные, а как категории профессионального долга, без которых невозможно эффективно решить задачи оперативно-розыскной деятельности [106, с. 135]. Одновременно необходимо согласиться с автором и в части сложности создания единой деонтологической матрицы для всех сотрудников оперативно-розыскных подразделений. Полагаем, что применительно к конкретным сферам деятельности после проведенных исследований могут быть разработаны некоторые типовые деонтологические профессиограммы.

Таким образом, процесс формирования правовой субъективности лица представляет собой более сложное и объемное явление, нежели правосознание. Правовое сознание как прежде всего знание юридического компонента, в конкретной юридически значимой ситуации формируется уже на основе личностных ценностей человека, которые, в свою очередь, конституируются в практике жизни, в практике правовой субъективации. Задача юридической науки заключается в том, чтобы пересмотреть и расширить психологический момент учения о человеке в праве, не ограничиваясь традиционной теорией правового сознания.

1.3. Особенности формирования профессионального правосознания в современном обществе

Правосознание как форма духовного отражения правовой действительности в сознании личности обладает сложной структурой, включающей содержательные и функциональные элементы, активно влияющие на механизм действия и развития правовой системы современного общества.

Научные исследования, юридическая практика подтверждают, что характер поведения субъектов, действующих в сфере права, в значительной степени определяется уровнем общественного, группового и индивидуального правосознания.

Поведение означает превращение внутреннего состояния человека в действия по отношению к социально значимым объектам [114, с. 67].

Следовательно, и содержание правовых предписаний, требования юридических норм, прежде чем выполнить свое предназначение, опосредуются сложным комплексом психической деятельности человека (оцениваются, анализируются и т. д.), переводятся во внутренние мотивы и установки, а затем и в его реальное поведение. Поскольку достижение целей правового регулирования возможно только на основе правомерного поведения субъектов права, становится очевидным, что важнейшей детерминантой такого поведения выступает высокий уровень правосознания и правовой культуры всех членов общества.

Таким образом, вполне закономерно в научных публикациях последних лет ставится вопрос о необходимости дальнейшего, более углубленного исследования различных аспектов правосознания как элемента правовой системы общества.

В этом контексте важное значение приобретают исследования профессионального правосознания и, в частности, вопросов, относящихся к особенностям его формирования и развития как длящегося во времени процесса, в рамках которого действуют факторы различной направленности и интенсивности. По свидетельству исследователей, надлежащий уровень правосознания лиц, осуществляющих юридическую деятельность на профессиональном уровне, предопределяет адекватное потребностям времени содержание правотворческих решений, эффективность правореализации во всех ее формах, устойчивость правопорядка в целом. Как отмечается в научных работах, наиболее широкое выражение профессиональное сознание юристов находит в правотворчестве и правоприменительной деятельности [113, с. 21]. Однако его значимость определяется не только качеством собственно юридической деятельности. Следует учитывать, что эта деятельность оказывает непосредственное и предметное воздействие на формирование правосознания и правовой культуры всех членов общества.

Традиционно у широких слоев населения суждение о законах и их полезности, необходимости чаще всего складывается в связи с оценкой их реализации властными структурами государства. Высокий уровень профессиональной компетентности юристов, как правило, вызывает у людей позитивное восприятие права как регулятивной системы, которая заслуживает признания и поддержки в силу своей разумности, целесообразности и необходимости для обеспечения совместного сосуществования. В случае ситуаций противоположного характера в сознании заинтересованных лиц возникают нигилистические оценки права.

Следовательно, очень важно исследовать влияние на формирование профессионального правосознания различных факторов социальной жизни. При этом такие исследования должны не только констатировать

содержание профессионального правосознания, его позитивные и негативные стороны, но и устанавливать факторы, которые оказывают решающее на него влияние, с тем, чтобы сделать полезные для правовой науки и юридической практики выводы и обобщения [121, с. 444].

В юридической литературе профессиональное правосознание рассматривается как коллективная форма правового сознания, которая выступает в виде системы правовых взглядов, знаний, чувств, ценностных ориентаций и других структурных образований правосознания общности людей, профессионально занимающихся юридической деятельностью, требующей специальной образовательной и практической подготовки [113, с. 12]. Как видно, главным обобщающим признаком названной разновидности правосознания является профессиональная юридическая деятельность, требующая специальных знаний и практического опыта. Между тем сама юридическая деятельность, как известно, носит исключительно многообразный, многоаспектный характер. К ее видам относятся правотворческая, правореализующая, информационная, образовательная, научная и другие виды юридической деятельности. Более того, она дифференцируется и в рамках названных разновидностей. Юридическая деятельность может быть классифицируема и по иным критериям.

Указанные и другие обстоятельства, естественно, предопределяют и особенности формирования профессионального правосознания. Эти особенности наглядно проявляются, например, при сравнении каналов формирования профессионально-практического и теоретического (научного) правосознания. В групповом измерении различные виды профессионального правосознания, образно говоря, «смыкаются», поскольку имеют общие исходные начала формирования, а также в связи с взаимообусловленностью и необходимостью определенного уровня взаимодействия различных юридических специализаций. В этом проявляется его социально-групповая специфика. Следовательно, профессиональное правосознание, с одной стороны, формируется в рамках социальной группы юристов-профессионалов, но одновременно формируется и индивидуальное правосознание каждого специалиста. При этом следует учитывать, что это длящийся во времени последовательный процесс, в котором условно можно выделить соответствующие этапы.

Как известно, индивидуальное правосознание личности формируется в процессе общей и правовой социализации. В ее рамках индивид усваивает, образно говоря, стартовые, первичные знания о праве, в его сознании формируются оценки права, исходные правовые убеждения, приобретаются навыки правового общения, воспринимаются стандарты правовой культуры и др. Правосознание этого уровня в теории права

получило название обыденного. Оно является недостаточным для осуществления профессиональной юридической деятельности. Вместе с тем именно в этот период у личности могут возникнуть ориентационные установки на получение профессионального юридического образования. Более того, эти первичные знания и убеждения о праве, правопорядке, сформированные нередко на основе, в том числе, интерпретаций сути юридических профессий в литературно-художественных произведениях, кинофильмах и т. д. в дальнейшем могут оказывать определенное влияние на формирование профессионального правосознания.

В принципе на формирование профессионального правосознания, его содержание и уровень оказывает существенное воздействие целый комплекс факторов объективного и субъективного характера. В первую очередь, это факторы, связанные с реально существующими общественными явлениями и процессами, т. е. общесоциальные условия, в которых живет человек (экономические, политические, социально-культурные, нравственные условия и т. д.) и которые в той или иной степени влияют на его восприятие и оценку этих условий, в том числе и правовой сферы. Но наряду и во взаимосвязи с этими общесоциальными условиями на сознание человека воздействует и непосредственная социальная среда, с которой он взаимодействует в повседневной жизни (отношения семейного, бытового характера, взаимодействие с учебными и трудовыми коллективами, с иными социальными группами и т. д.). Иными словами, совокупность всех тех общественных условий, деятельности и отношений, которые окружают личность и оказывают активное (прямое или косвенное, стихийное или сознательное) воздействие на его сознание и поведение [96, с. 31].

Следует учитывать, что указанные факторы влияют на формирование правосознания всех уровней и всех субъектов. Вместе с тем они воспринимаются и оцениваются более глубоко, всесторонне и комплексно лицами, познающими право на профессиональном уровне. Это обусловлено тем, что в процессе углубленного изучения внутрисистемных связей государственно-правовых явлений они, образно говоря, «улавливают» и осознают те аксиологические аспекты правовой системы, те взаимозависимости и обусловленности права, которые невозможно уяснить и понять при его поверхностном, обобщенном восприятии. Именно на основе углубленного, комплексного познания правовой действительности формируется политико-правовое профессиональное мировоззрение специалистов.

Важнейшим фактором формирования и развития профессионального правосознания является качество самой личности, т. е. носителя этого уровня правосознания. Имеются в виду различные ее характери-

стики: возраст, познавательные способности, психофизиологические и нравственные качества, волевые установки, способность к самосовершенствованию и т. д. Особенно важны, в частности, для сотрудников правоохранительных органов такие качества, как способность быстро и правильно реагировать на возникающие между людьми конфликты, уравновешенность характера, моральная устойчивость, уважительность и терпимость в отношениях с различными категориями граждан и т. д.

Эти и другие качества личности оказывают исключительное влияние на формирование и развитие профессионального правосознания как на его начальном этапе (в период получения профессионального образования), так и на протяжении всего периода профессиональной юридической деятельности.

Главной особенностью профессионального правосознания является то, что оно не может быть сформировано лишь на основе общеправового просвещения, воспитания, жизненного опыта и даже практической деятельности. Оно базируется на специальных знаниях о государственно-правовых явлениях, о праве как универсальной регулятивной, социальной системе. Причем эти знания должны носить комплексный характер и сочетаться с их правильной политико-правовой и нравственной мировоззренческой оценкой, умением практического применения. Такие качественные характеристики правосознания могут быть сформированы только на основе получения специального юридического образования. Именно в этот период и начинается формирование собственно профессионального правосознания. Профессиональная подготовка в учреждениях высшего образования юридического профиля представляет собой организованный и целенаправленный процесс овладения обучающимися всесторонними фундаментальными, теоретическими юридическими знаниями, умениями и навыками, позволяющими осуществлять различные виды юридической деятельности.

В соответствии с образовательными стандартами выпускники юридических вузов должны обладать глубокими знаниями, относящимися к государственно-правовой организации общества, всем элементам национальной правовой системы, в совершенстве владеть категориально-понятийным аппаратом правоведения, приобрести умения и навыки самостоятельного поиска и усвоения новых знаний, работы в современном информационно-правовом пространстве, постоянного совершенствования профессионализма. В период получения специального юридического образования формирование профессионального правосознания отличается социально-групповой спецификой по признаку общности получаемой профессии. Как отмечалось ранее, одновременно формируется и индивидуальное правосознание каждого специалиста,

возникают определенные отличия, связанные с ориентацией на профиль будущей специальности. Это обстоятельство важно отметить, поскольку индивидуальное правосознание вообще и профессиональное в особенности всегда неповторимы и зависят от познавательных способностей и психологического типа каждой личности, от многих жизненных обстоятельств, с которыми взаимодействует человек.

В период профессиональной подготовки будущий специалист получает весьма объемную правовую информацию, преимущественно теоретического характера, которая в дальнейшем может сужаться в связи с определенной профессиональной специализацией. Это иногда порождает представление об избыточной насыщенности учебных программ теоретическим материалом. Могут возникать и заблуждения относительно ценности теоретических юридических знаний. Практика однозначно подтверждает ошибочность таких представлений. Фундаментальная теоретическая юридическая подготовка всегда проявляется в практической деятельности: в стиле, языке, содержании, безупречности юридической обоснованности каждого документа, каждого юридического дела, разрешаемого специалистом. Современная юридическая практика сталкивается со все большим усложнением многих общественных отношений, входящих в сферу правового регулирования. Единственной гарантией правильного рассмотрения и решения сложных юридических дел является именно широкий юридический кругозор специалистов, их способность к аналитическому мышлению. Творческое юридическое мышление, высокий уровень компетентности исключают из сферы правоприменения упрощенчество и поверхностность, элементы субъективизма. Это обстоятельство особенно важно, если учесть, что во многих случаях в процессе правоприменительной деятельности возникает необходимость прибегать к элементам усмотрения при адаптации общего правоустановления к конкретной жизненной ситуации. В таких случаях базовая общетеоретическая подготовка юриста, профессиональное правосознание позволяют ему, образно говоря, улавливать «дух» законов и устанавливать пределы усмотрения при решении дела, не выходя за рамки законности.

Известный специалист в сфере сравнительного правоведения, французский профессор Рене Давид в свое время писал: «Главное в преподавании – это не ознакомить студентов с юридическими нормами, а привить им навык к пониманию структуры, категорий и концепций права той или иной страны, обучив их словарю права; научить методам, при помощи которых можно найти нормы, необходимые для решения данной проблемы; развить у студента определенную восприимчивость, которая позволит «чувствовать» это решение в соответствии со стандар-

тами, часто не очень ясными, а иногда и нелогичными, которые приняты в данном обществе» [105, с. 36].

Из изложенного следует, что формирование высокого уровня профессионального правосознания в период получения высшего юридического образования предполагает необходимость усвоения тех элементов правовой системы, которые не меняются с изменением законодательства, т. е. принципиальных основ функционирования права в данном обществе, его сущностных особенностей, его языка. Важно научиться с этих позиций толковать правовые нормы, знать его приемы и способы, понимать их смысл, усвоить методы анализа жизненных обстоятельств и определения их юридического значения.

С получением высшего юридического образования процессы формирования и развития профессионального правосознания не завершаются. Полученные в период обучения знания являются главным условием практической юридической деятельности по определенной специализации. К этому времени у специалистов, как правило, складываются реальные представления о государственно-правовой организации общества, особенностях социальных отношений, осуществляемых в правовой сфере, понимание роли, места и значения в системе общественных связей той деятельности, к которой они готовились.

В этот период происходит процесс адаптации к социальной среде лиц, прибывающих в новые коллективы. Обладая багажом теоретических знаний и не имея достаточного практического опыта, молодые специалисты рассчитывают на квалифицированную помощь опытных сотрудников, непосредственных руководителей. При условии такой помощи и поддержки их профессиональное правосознание получает дополнительный импульс позитивного развития, значительного повышения его уровня. Это исключительно важно, особенно для молодых сотрудников системы правоохранительных органов. В процессе служебной деятельности этой категории специалистам нередко приходится действовать в условиях повышенных психических и физических нагрузок, оперативно и безошибочно принимать выверенные правовые решения. Если помощь молодым сотрудникам недостаточна или вовсе отсутствует, в их действиях может проявляться неуверенность, которая приводит к ошибкам, а иногда может породить и начальные признаки деформации профессионального правосознания. При благоприятных условиях профессиональное правосознание развивается и реализуется в практической деятельности. Естественно, в процессе этой деятельности практические работники могут сталкиваться со случаями некачественного законодательства, нормами, которые воспринимаются ими как не в полной мере соответствующими критериям справедливости, гуманно-

сти, эквивалентности и т. д. Однако в рамках профессионального правосознания у специалиста должны быть выработаны четкие установки. Он не может отказаться от применения таких норм по мотивам несогласия с их содержанием. Здесь действует принцип, известный со времени древнеримского права, где утверждалось: *Neminem oportet esse sapientiolem legibus* – никто не должен быть умнее закона. В таких случаях несогласие выражается в предложениях по изменению несовершенной нормы.

Полученные в период обучения знания, умения и навыки в процессе практической деятельности шлифуются и проходят проверку при решении конкретных юридических вопросов, т. е. профессиональное правосознание проходит своеобразную «проверку».

Юрист-практик для повышения своего профессионального уровня должен постоянно совершенствовать уровень своих знаний, как говорят, держать руку на пульсе времени, быть в курсе последних достижений юридической науки и практики. Профессиональное правосознание, таким образом, продолжает формироваться и развиваться в направлении достижения высокого уровня профессиональной правовой культуры. Кроме постоянного самостоятельного совершенствования своего профессионализма в рамках различных видов юридической деятельности, важное значение для укрепления и развития позитивных аспектов профессионального сознания имеют различные формы организованного повышения квалификации с отрывом от работы: проведение профессиональных семинаров, мероприятий по обмену опытом, систематическое ознакомление с публикациями обзорных материалов, комментариев и т. д., в которых отражается практика разрешения наиболее сложных, проблемных юридических дел и т. д. Как уже упоминалось, исключительно важную роль в формировании и развитии профессионального правосознания и правовой культуры сотрудников различных юридических учреждений играют их непосредственные трудовые коллективы. Деловой и взаимоуважительный стиль функционирования соответствующих структурных подразделений благоприятно влияет на указанные процессы, которые, как правило, проявляются в результативности и высоком качестве профессиональной деятельности. В значительной степени такая служебная среда зависит от руководителей коллектива. Именно они определяют устойчивые установки на определенный порядок служебных взаимоотношений, оценки работы каждого специалиста, оказания необходимой помощи и поддержки. На эти обстоятельства важно обратить внимание, поскольку известно немало случаев формально-бюрократического управления коллективами. Сугубо «казенная» психологическая обстановка при таком управлении не способствует развитию позитивных элементов профессионального правосознания, выработке

устойчивого иммунитета к его деформации. Особенно болезненно такая обстановка воспринимается молодыми сотрудниками. Недостаток опыта вызывает неуверенность, дезориентирует в поисках способов решения служебных задач, что может выражаться в получении желаемого результата с отступлением от требований законодательства. Сам стиль отношения к делу, сложившийся в коллективе, неизбежно проявляется в действиях специалистов. Как подтверждают исследования, профессиональное правосознание несвободно от деформации. Процесс профессионального труда, особенно в правоохранительной сфере, протекает в условиях соприкосновения сотрудников с неблагоприятной, с точки зрения правопослушания, частью населения. Это обстоятельство в совокупности с некоторыми другими факторами может порождать у специалистов формализм, черствость и даже грубость в отношениях с гражданами. Стремление некоторых сотрудников снять с себя ответственность вызывает явления перестраховки, волокиты, затягивания решения по юридическому делу и т. д. В некоторых случаях элементы деформации профессионального правосознания выражается в отступлениях от требований юридических процедур якобы в целях ускорения решения дела. Но такое упрощенчество нередко приводит к грубым ошибкам. Отступления от требований законодательства допускаются и по причине ложно понятых служебных интересов и т. д. Крайней формой деформации профессионального правосознания является умышленное нарушение законодательства – корыстные преступления.

В юридической литературе проблемы профессионального правосознания связываются прежде всего с деятельностью практикующих юристов. В эту группу не включаются лица, занятые в сфере юридической науки и образования [113, с. 12]. Их правосознание чаще всего выделяется в отдельную группу по критерию его уровня и относится к научному (теоретическому) [125, с. 263]. Отмечается отличие этого вида правосознания, в частности, от профессионального, поскольку сфера знаний ученых-правоведов является более глубокой и всесторонней, они обладают навыками применения научных методов познания правовой действительности и т. д. Вместе с тем указанная группа правоведов, как и юристов-практиков, занята профессиональной юридической деятельностью, хотя она и отличается определенной спецификой. С этой точки зрения их правосознание следует рассматривать как разновидность профессионального. В его рамках можно выделить профессионально-практическое и научное (теоретическое) правосознание. Естественно, формирование этой разновидности профессионального правосознания имеет свои особенности, хотя, как было изложено ранее, на начальной стадии, в период получения юридического образования, оно существен-

но не отличается от правосознания других лиц, постигающих юридическую профессию. В дальнейшем формирование правосознания лиц, занятых научным трудом, связано с процессом познания теоретических особенностей функционирования общественно-правовых явлений. Формирование их правосознания основывается в первую очередь на специализированной аспирантской (адъюнктской) подготовке, которая завершается написанием кандидатской диссертации. В дальнейшем в плодотворной научной деятельности и выражается научное профессиональное правосознание указанной категории лиц. Оно отличается от профессионально-практического правосознания тем, что его уровень позволяет вести творческую не практическую, а научную юридическую деятельность. Правосознание лиц, занятых в сфере юридического образования, формируется в рамках научной подготовки, но она дополняется приобретением глубоких знаний, относящихся к сфере педагогики. При этом необходимо учитывать, что сфера юридической научной и образовательной деятельности не может рассматриваться в отрыве от ее практической разновидности, поскольку они преследуют единую цель – непрерывной рационализации процессов правового регулирования общественных отношений, повышение слаженности и стабильности функционирования всех элементов национальной правовой системы.

1.4. Императивы профессионального правосознания сотрудников правоохранительных органов

Проблеме правосознания в дореволюционном российском, затем советском, а ныне в отечественном правоведении придается исключительное внимание. Российская юриспруденция XIX – начала XX в. обращала внимание на правосознание, с одной стороны, в связи с традиционным для народной отечественной правовой культуры недоверием к праву, а с другой – в связи с зарождением либеральных и революционных организаций с идеями радикальной смены политико-правового порядка в Российской империи.

Советское правоведение, исходя из концепции активной роли сознания в преобразовательной жизнедеятельности человека и общественного сознания в общественной практике, исследовало групповое и индивидуальное правосознание как фактор и условие, от которых напрямую зависели состояние правопорядка в обществе и формирование гармонично развитой личности. Методологическим принципом исследования правосознания служил тезис К. Маркса: общественное бытие определяет общественное сознание, одной из форм которого является

правосознание, наряду с политическим, нравственным, эстетическим, научным, религиозным. Неудивительно, что тема правосознания исследовалась советскими философами-истматчиками. Самое простое, на наш взгляд, определение правосознания, причем не философское, а юридическое, дали известные советские социальные философы В. Келле и М. Ковальзон в своей работе «Общественное сознание и его формы», опубликованной в 1963 г., в которой они определили его как «представления людей о том, что законно, а что незаконно» [54, с. 33], на основе которых люди добровольно и сознательно соблюдают законы. Подчеркивая активную роль правосознания, они полагали, что на таких представлениях должны реализоваться правотворчество и оцениваться правоприменительная практика. Советские философы исходили из той точки зрения, что, несмотря на вторичный характер общественного сознания, на его производность от общественного бытия, оно развивается по своим закономерностям. Важнейшей из этих закономерностей справедливо считалось обратное воздействие общественного сознания на общественное бытие. В философской литературе наряду с правосознанием исследовались такие формы общественного сознания, как политическое, мораль, искусство, философия, наука, религия. Последняя объявлялась пережитком прошлого и по мере становления новых коммунистических общественных отношений и развития науки она должна была уступить научной форме общественного сознания. Данную позицию иллюстрирует коллективная монография «Общественное сознание и его формы», вышедшая в 1986 г. В ней исследованы такие формы общественного сознания, как политическое (Н.Б. Бикенин), мораль (А.А. Гусейнов), религия (Д.М. Угринович), наука (Н.В. Мотрошилова), искусство (В.И. Толстых), философия (Э.В. Безчеревных), правосознание (К.С. Мамут). Состав авторского коллектива показывает, что советская философия, разработав концепт общественного сознания, тему правосознания оставила за юриспруденцией в лице доктора юридических наук К.С. Мамута. Правда, в своем тексте он сделал оговорку, что в основу исследования правосознания им взят социально-философский подход [126, с. 108–143]. Данная тенденция наблюдается и в современной юридической науке. Примечательно, что в настоящее время в российской и отечественной философской литературе тема правосознания уже не рассматривается. Наоборот, отечественное правоведение, социология, социология права, юридическая психология остаются чувствительными к теме правосознания, причем все исследователи исходят из парадигмы, сложившейся в советском историческом материализме, где правосознание рассматривается как форма общественного сознания. Такой концепт правосознания характерен для всего восточнославянского правоведения [134, с. 28].

Что касается западной юриспруденции, то, например, в немецких юридических словарях понятие правосознания отсутствует.

Современное белорусское правоведение рассматривает правосознание как одну из форм общественного сознания, отражающую «правовую действительность в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации, правовых установок, ценностей и ориентаций, регулирующих поведение, деятельность людей в юридически значимых ситуациях [24, с. 350], и акцентирует внимание на задаче образовательных, правоохранных и общественных структур формирования такого правосознания, которое бы отражало общественную устремленность на утверждение правовых способов организации жизнедеятельности как отдельного гражданина, так и государства в целом. В результате правоведы – как прошлого, так и современные – разработали ряд конструкций правосознания, имеющих не только теоретическое значение для юридической науки, но и задающие императивы современной правоохранительной и правоприменительной практики.

Так, известный российский правовед Н.М. Коркунов писал, что основой права является индивидуальное правосознание, поскольку в нем зарождаются первоначальные представления о юридических нормах и способах разрешения противоречивых интересов [61, с. 279]. Только потом, полагал ученый, субъективное индивидуальное правосознание становится достоянием других и постепенно облекается в форму обычая, судебную практику, закон, превращается в объективный фактор общественной жизни.

Оригинальный концепт правосознания был создан другим известным российским правоведом И.А. Ильиным. Он полагал, что правосознание является атрибутивным элементом внутреннего мира личности, ее души. Рассматривая право и правосознание в диалектической взаимосвязи, он писал, что «право нуждается в правосознании для того, чтобы стать творческой жизненной силой, а правосознание нуждается в праве для того, чтобы приобрести предметную основу и объективную верность» [49, с. 19]. И.А. Ильин ввел понятие «нормальное правосознание», под которым он понимал волю к цели права, знание права и борьбу за право [49, с. 22]. Задачей такого правосознания, на его взгляд, является организация мирного и справедливого сожительства людей на земле. Проецируя эту мысль на наш предмет исследования, полагаем, что предложенная И.А. Ильиным триада правосознания – цель права, знание права, борьба за право – являет тот теоретический конструкт правосознания, который востребован и в современных условиях. В этой связи, на наш взгляд, такое понимание правосознания выступает ключе-

вым при исследовании профессионального правосознания белорусских правоохранителей.

Правосознание сотрудников правоохранительных органов в литературе вербализуется как профессиональное. Полагая, что правосознание правоохранителей имеет свою специфику в сравнении с правосознанием индивида, как гражданина государства, исследователи рассматривают данный феномен в сопряжении с особенностями их служебной деятельности [73, с. 20]. В самом общем виде правоохранительная деятельность регламентируется в нашей стране Конституцией Республики Беларусь и законами Республики Беларусь, регулирующими правоохранительную деятельность. В зависимости от вида деятельности можно выделить профессиональное правосознание сотрудников прокуратуры, органов внутренних дел, государственной безопасности, следователей, судей, нотариусов, адвокатов и других структур, занимающихся правоохранительной деятельностью. В законах, а также в ведомственных нормативных правовых актах, инструкциях, приказах в основном определены требования государства, общественности и самих ведомств к параметрам профессионального правосознания правоохранителей.

Так, сотрудники органов внутренних дел, принимая Присягу, возлагают на себя обязанность «не щадя своей жизни защищать права, свободы и законные интересы граждан, общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств, ... быть честным, независимым и беспристрастным». В присяге прокурорского работника утверждается такая особенность правосознания данной категории правоохранителей, как нацеленность на пресечение любых нарушений законодательства Республики Беларусь, необходимость активной защиты прав и интересов граждан, общества и государства, неподкупность и моральная чистота. Элементами правосознания современного белорусского чекиста являются законность, уважение прав, свобод и законных интересов граждан, гуманизм. В Правилах профессиональной этики адвоката содержится требование соблюдения законодательства, адвокатской тайны и профессиональной морали.

Следовательно, в Республике Беларусь законодательство, регулирующее правоохранительную деятельность, акцентирует внимание на таких элементах правосознания правоохранителей, как соблюдение Конституции Республики Беларусь, законность, уважение прав и свобод граждан, гуманизм, высокие моральные качества.

Таким образом, императивы профессионального правосознания, закреплены в нормативных правовых актах, регулирующих правоохранительную деятельность. В этой связи, полагаем, что в императивном характере профессионального правосознания правоохранителя заклю-

чается его главная особенность. Данное положение коррелирует с императивностью права и имеет важное методологическое значение для исследования феномена профессионального правосознания и путей его формирования. Очевидно, что правоохранитель не рождается не только с готовым профессиональным правосознанием, но и с сознанием вообще. Как второе, так и первое формируются в процессе всей жизни. Однако если сознание формируется у индивида под влиянием многих факторов и представляет собой естественный социальный процесс, то императивы профессионального сознания интериоризируются личностью правоохранителя как самостоятельно, так и испытывая целенаправленное воздействие структур, организующих и контролирующих его деятельность.

Гражданин, решивший посвятить себя правоохранительной деятельности, должен осознавать, что она связана с рядом ограничений и вышперечисленных поведенческих императивов.

Императивы правосознания, составляя ядро профессионального правосознания личности правоохранителя, выступают как самосознание, поскольку мы исходим из той очевидной посылки, что нет сознания и правосознания, как абстрактных конструктов. Они объективируются как самосознание определенного индивида. Исследователи, а это в основном представители психологической науки, выделяют в самосознании три уровня [38, с. 20–22]. Высший уровень составляют ценностные ориентации личности, которые определяют ее поступки. В нашем случае ими определяется правоохранительная практика. Сами ценностные ориентации, согласно теории Ф. Клакхона и Ф. Стродберка, – это сложные определенным образом структурированные принципы, придающие стройность и направленность разнообразным мотивам, как человеческого мышления, так и практической деятельности. Полагаем, что такими принципами для правоохранителя являются принципы права: законности, справедливости, равенства всех перед законом, гуманизма, демократизма, уважения прав и свобод граждан.

Вторым уровнем самосознания являются представления о своем жизненном пути. Правоохранительная деятельность осуществляется, несмотря на свой несколько закрытый характер, не в условиях социального вакуума, а наоборот, в современных условиях она становится все более прозрачной. Кроме того, человек, профессионально занимающийся правоохранительной деятельностью, выполняет в социуме и ряд других социальных ролей: он глава семьи, гражданин государства и т. д. Несмотря на законодательный запрет для подавляющего большинства правоохранителей на членство в политических партиях, правоохранитель придерживается той или иной политической идеологии, симпати-

зирует определенному политическому движению, т. е. не находится вне политики. Таким образом, данный уровень представляет своего рода мировоззренческие интенции правоохранителя. Иначе говоря, я буду в буквальном смысле правоохранителем, или буду всего лишь прилежным правоисполнителем, буду следовать только букве закона, игнорируя его дух.

Третий компонент самосознания – мотивационно-смысловой. Мотивационный элемент правоохранительной деятельности, на наш взгляд, не имеет такого значения, как мировоззренческий и ценностно-ориентационный, но взаимосвязан с ними. Мы исходим из того, что в зависимости от характера мировоззрения правоохранителя и его ценностных ориентаций формируется и мотивационно-смысловой блок самосознания правоохранителя. Правоохранитель с таким право-самосознанием свою деятельность осуществляет на основе знания права и установок, направленных на обеспечение безопасности гражданина, общества и государства, борьбу с преступностью, защиту прав и свобод человека. Большинство правоохранителей с такой мотивацией и осуществляют свою деятельность, что является важным стимулятором правоохранительной практики.

Таким образом, нормальное (здоровое) профессиональное правосознание правоохранителя характеризуется тотальной императивностью, выражающейся в строгом следовании Конституции Республики Беларусь и иным нормативным правовым актам, регламентирующим правоохранительную деятельность.

Глава 2

РОЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАКОННОСТИ И ОБОСНОВАННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И СПЕЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ

2.1. Теоретические и практические вопросы формирования правосознания курсантов и слушателей учреждений образования правоохранительного профиля

Правосознание выступает «духовной основой» всей правовой системы и в силу своей относительной консервативности обеспечивает ее устойчивость в условиях динамического социально-информационного развития. Феномен правосознания требует исследования в качестве особого объекта теоретической юридической науки, поскольку, как справедливо отмечают Н.И. Матузов и А.В. Малько, через него можно выйти на понимание таких значимых вопросов, как сущность права, его генезис, культурная специфика юридического регулирования в рамках той или иной цивилизации, деформации правового поведения, источники и причины преступности и иной социальной патологии [123, с. 556]. При взаимодействии индивида с правовой системой происходит два взаимообусловленных процесса. С одной стороны, система воспроизводит себя, играя роль механизма сохранения правовых ценностей и достижения поставленных целей. Тем самым с помощью правосознания и правовой культуры обеспечивается преемственность правовой жизни общества. С другой стороны, в ходе того же процесса требования правовой системы переводятся в структуры индивидуальной психики, формируя правосознание и правовую культуру личности, социальной группы и всего общества.

Получивший достаточно широкое распространение в современной западной социологии термин «ювентология» (от лат. *juventis*), которым обозначается активное воздействие молодежи на социальные отношения в целом, относительно мало используют отечественные исследователи. В научной литературе по этому поводу отмечено, что «один и тот

же процесс – включение новых поколений в активную общественную жизнь – имеет две стороны: социализация молодежи и ювентизация общества... Социализация охватывает процесс, путем которого общество создает молодежь, а ювентизация – процесс, при котором молодежь создает общество» [36, с. 35]. Исходя из этого, на наш взгляд, определенный интерес может представлять изучение влияния правосознания молодежи через различные социальные институты и технико-технологические ресурсы (в первую очередь, семью, информационное пространство) на состояние общественного правосознания.

Для отечественных научных исследований, посвященных изучению правосознания молодежи, характерны следующие подходы: с одной стороны, состояние правосознания данной социальной группы ученые сравнивают с правосознанием взрослого населения. Авторы отмечают, что правосознание молодых людей характеризуется неустойчивостью, мобильностью, мозаичностью и, следовательно, может достаточно легко изменяться. С другой стороны, молодежный возраст рассматривается как период выработки мировоззрения, убеждений, характера и жизненного самоопределения: стремлению понять суть явлений и процессов всегда сопутствует желание выработать собственную точку зрения, не всегда совпадающую с общепринятой; возрастает интерес к социальным проблемам, появляется стремление к выражению своей индивидуальности, усиливаются сознательные мотивы поведения. Вместе с тем существует и иная точка зрения: отдельные западноевропейские исследователи полагают, что среди современной молодежи гораздо шире распространено стремление к реальной жизненной перспективе, чем к юношеским идеалам. По мнению Дж. Адельсона, представители молодежи – осторожные, осмотрительные и достаточно циничные конформисты [138, р. 331–332].

Следует также отметить, что большинство современных исследований, посвященных правосознанию молодежи, носит прикладной характер: чаще всего они направлены на изучение различных криминологических аспектов и практически не затрагивают вопросов о состоянии и тенденциях развития правосознания молодежи в целом и различных групп в ее рамках, в том числе курсантов и слушателей учреждений образования правоохранительного профиля, что представляет значительный интерес в силу их дальнейшей профессиональной деятельности, взаимодействия с населением и оценки обществом качества работы правоохранительных органов.

В настоящее время существуют разные научные подходы к анализу состояния правосознания различных его носителей. Наиболее распространенным является выделение гносеологического (проявляется как набор правовых знаний) и социологического (определяет переход от

сознания к действительности, в результате чего формируются определенные модели поведения) аспектов [101, с. 384]. Отмечается, что гносеологический аспект определяет содержание правосознания и позволяет различать его уровни, а социологический – место правосознания в системе общественного сознания, его активную роль в общественной жизни [10, с. 183]. Однако более удачным, в силу его логической завершенности, является подход, предполагающий выделение когнитивного, оценочного и поведенческого компонентов правосознания, который позволяет рассматривать динамику его развития как восприятие различных аспектов правовой жизни, последующее кодирование и перекодирование правовой информации в системе языков, доступных данному субъекту, рациональную оценку обработанной информации, и, наконец, мотивацию и принятие адекватного поведенческого решения [68, с. 28; 87, с. 82; 108, с. 6].

На наш взгляд, высокий уровень правовых знаний, ценностное отношение к праву и доминирующее социально активное правомерное поведение лиц, обучающихся в учреждениях образования правоохранительного профиля, формируются постоянно в рамках всего образовательного и воспитательного процесса и рассматриваются в качестве одной из основных профессиональных компетенций. На наш взгляд, дополнительное изучение заслуживает ряд важных вопросов, которым в отечественных исследованиях не уделено должного внимания.

1. Особенности формирования правосознания курсантов и слушателей учреждений образования правоохранительного профиля прежде всего требуют проведения анализа приоритетно выполняемых им функций.

Согласно устоявшемуся в общей теории права подходу, получившему широкое распространение в учебных изданиях, к функциям правосознания традиционно относят познавательную, оценочную и регулятивную. Познавательная заключается в восприятии потока правовой информации и ее кодировании в системе языков, доступных субъекту; оценочная – в переработке полученной информации, ее осмыслении и оценке; регулятивная – в выработке и принятии юридически значимого поведенческого решения. По мнению Т.В. Синюковой, особую значимость в реализации регулятивной функции правосознания имеет правовая установка – готовность, предрасположенность субъекта к правомерному или противоправному поведению, складывающаяся под влиянием совокупности социальных и психофизиологических факторов и выступающая стабилизирующим фактором в изменяющихся жизненных условиях [123, с. 564].

Представляется, что в качестве еще одного возможного подхода к структурированию функций правосознания можно взять классификацию

его видов по субъектам-носителям, которая получила достаточно широкое признание в отечественной и зарубежной юридической науке. В соответствии с данным подходом выделяют три основные формы существования правосознания – общественное, групповое и индивидуальное.

Рассматривая обучающихся в учреждениях образования правоохранительного профиля в качестве самостоятельной социальной группы, представляется оправданным проанализировать, во-первых, социальную ориентированность их правосознания, выделив при этом социально-аксиологическую, социально-праксиологическую, социально-прогностическую функции, а также функцию социального контроля; во-вторых, личностную ориентированность с самостоятельным анализом информационно-познавательной, оценочно-мировоззренческой и регулятивно-поведенческой функций. На наш взгляд, данный подход в известной степени позволит рассмотреть основные направления воздействия правового сознания на общественные отношения в единстве различных его составляющих – в индивидуальном, групповом и социальном аспектах, а также сосредоточить внимание на принципах юридического взаимодействия личности, общества и государства при осуществлении правоохранительной деятельности.

В первую очередь остановимся на социально-ориентированных функциях правосознания. Аксиологическая функция правосознания в групповом измерении определяется ценностным отношением к праву и воздействием на него со стороны его носителей. Выделение данной функции в качестве самостоятельной обусловлено тем, что, во-первых, ценностное отношение к праву со стороны общества в целом и социальной группы далеко не всегда совпадают, а во-вторых, реализация данной функции объективируется в ценностях правовой идеологии социального масштаба. При реализации праксиологической функции правосознания в первую очередь находят свое воплощение волевые социально-юридические аспекты, которые выражаются в выборе путей и средств осуществления правоохранительной деятельности, определяемой не случайными интересами, а необходимостью совершенствования всей жизни общества посредством права. Функция социального контроля обеспечивается тем, что уровнем правосознания в значительной степени характеризуется эффективность правоохранительных институтов, которые могут и должны обеспечить эффективный контроль за деятельностью государственного аппарата. Социально-прогностическая функция правосознания реализуется при определении ориентиров и приоритетных направлений развития правоохранительной системы. Наиболее значимым слагаемым здесь является деятельность субъектов в сфере формирования права. Перспективы такого развития во многом

обусловлены новыми правовыми идеями, детерминированными объективными факторами и потребностями общества, и их воплощением в новых правовых предписаниях.

В качестве функций правосознания, имеющих приоритетную личностно-ориентированную направленность, можно выделить следующие. Информационно-познавательная функция обеспечивает получение курсантом, слушателем сведений о сущности и социальном назначении права, различных аспектах правотворческой и правореализационной деятельности. В данном контексте особого внимания, на наш взгляд, заслуживают основные юридические категории и понятия, а также принципы права. Реализация оценочно-мировоззренческой функции правосознания заключается в определенном отношении его носителя к явлениям правовой жизни общества, сформированным на основе социального опыта индивида. Особое значение в данном контексте имеют ценностно-правовые ориентации, изучение которых дает возможность выявить степень адаптации личности к существующим социально-правовым условиям и ее инновационный потенциал. Регулятивная функция правосознания реализуется в потенциально-поведенческой сфере, включающей правовые мотивы и установки обучающего, ее готовность к выбору варианта правомерного юридически значимого поведения. На наш взгляд, она может рассматриваться в качестве определяющей в личностно-ориентированном блоке, поскольку на этом уровне соединяются все интеллектуальные, оценочные, эмоциональные и волевые элементы правосознания индивида.

Достаточно часто в научных исследованиях в качестве самостоятельных называют воспитательную, координирующую и коммуникативную функции правосознания, а также функцию социализации. Однако, на наш взгляд, воспитательное, координирующее и социализирующее воздействие правового сознания на его различных носителей является неотъемлемой составляющей каждого из указанных выше социального и личностно-ориентированного направлений.

2. Учет национального менталитета при формировании правосознания будущих сотрудников правоохранительных органов.

Термин «менталитет» в первоначально использовавшемся контексте означал наличие у национально-этнической общности людей, принадлежавших к одной и той же исторически сложившейся системе культуры, некоего общего для них типа восприятия окружающего мира. Со временем понятие «менталитет» стало использоваться и для описания психологических особенностей людей, принадлежащих к различным общностям не только национально-культурного, но и социально-политического характера (либеральный, пролетарский, реакционный и т. д.) [88, с. 19–20].

Ментальность проявляет себя в совокупности когнитивных, эмоциональных и поведенческих характеристик индивида или группы. Р.С. Байниязов в этой связи обоснованно отмечает, что духовное и культурное бытие правосознания можно раскрыть только с учетом применения категории «правовой менталитет», которая, по его мнению, является одной из фундаментальных в общей теории правосознания [4, с. 9]. Правовой менталитет трактуется исследователем как глубинный уровень правосознания, выраженный в структурированной единой и целостной общности правовых представлений, стереотипов, привычек, реакций и т. д., в характере и способе юридического восприятия. Ученый отмечает, что социокультурная ментальность стимулирует совершение юридически значимых действий, традиционно привычных с точки зрения данной правовой культуры, у индивида формируется сходный с типовым алгоритм правового мышления, образ реагирования на различные юридические ситуации. Игнорирование правового менталитета народа в процессе формирования его правосознания влечет за собой культурно-психологическое невосприятие права [5, с. 104].

Особенности правосознания белорусов во многом предопределены чертами национального характера: с одной стороны, им свойственны спокойствие, толерантность, терпимость, уважение к иным взглядам, добродушие, трудолюбие, отзывчивость и т. д., с другой – нерешительность, отчасти пассивность, консерватизм при принятии решений. При формировании правосознания курсантов и слушателей важно показать, что современная национальная правовая система должна развиваться с учетом ментальных особенностей восточнославянского этноса, что наиболее полно соответствует духу белорусского народа [110, с. 14], и выражается это прежде всего в принципах права, в которых, как справедливо отмечает Г.Т. Чернобель, содержится идеологическая парадигма права, идея его верховенства и справедливости [131, с. 10]. Опыт педагогической деятельности свидетельствует о том, что первоначально обучающиеся воспринимают принципы права как нечто абстрактное и не имеющее непосредственного воздействия на правовое регулирование общественных отношений. Вместе с тем понимание их «буквы и духа» формирует в сознании субъектов признание ценности права как регулятора общественных отношений и возможности правовыми средствами эффективно разрешать социальные конфликты. Проиллюстрировать изложенное можно на примере принципа недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, который нормативно закреплен в абзаце девятом части второй ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь и адресован в числе прочих органам публичной власти, в том числе правоохранительным органам [31]. Указанный принцип представляет собой

самоограничение государства, которое тем самым обязуется не вмешиваться в отношения, выступающие сферой частных интересов, например, вытекающие из договорных обязательств. Реализации требований данного принципа содействуют положения гражданского законодательства об имущественной ответственности государственных органов или должностных лиц этих органов, органов местного управления и самоуправления за незаконные действия, в результате которых гражданину или юридическому лицу причинен вред. Вместе с тем отечественное законодательство допускает такое вмешательство на основании правовых норм в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Формирование у обучающихся понимания и убежденности о недопустимости действий, направленных на принуждение лица, нарушившего обязательство, к его исполнению в натуре или исполнению противоправным образом, является важным компонентом формирования правосознания сотрудников правоохранительных органов.

3. Формирование понимания курсантами, слушателями важности баланса публично-правового и частноправового регулирования общественных отношений. В настоящее время в системе подготовки кадров для правоохранительных органов имеет место преобладание публично-правового мышления и доминирование публично-правовых ценностей. Связано это не только с преимущественной ориентированностью образовательного процесса на изучение отраслей публичного права. В последнее десятилетие в Республике Беларусь наблюдается активное внедрение элементов публично-правового регулирования в область частного права и возрастание его объема в этой сфере. Реализация публичного интереса в гражданском праве имеет ряд особенностей, что обусловлено прежде всего его принципами. С одной стороны, такие основные начала, как равенство участников гражданских правоотношений, свобода договора, недопустимость произвольного вмешательства в частные дела требуют рассматривать государство в качестве обычного субъекта гражданского права и препятствуют его властному императивному вмешательству в частноправовую сферу. С другой стороны, государство сохраняет за собой как контрольно-надзорную функцию в данной области, так и возможность создания «режима наибольшего благоприятствования» для отдельных участников гражданского оборота. Белорусский законодатель обеспечил возможность реализации публичного интереса не только посредством принятия отдельных императивных норм, но и закреплением в ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь общеправовых принципов (приоритета общественных интересов, социальной направленности регулирования экономической деятельности). Можно

также утверждать, что даже такой принцип, как верховенство права, содействует расширению возможности реализации публичного интереса в гражданском праве. Логика такова: государством обеспечивается постепенная целенаправленная юридикация гражданско-правовой сферы путем высокой степени регламентации поведения его субъектов, детализации и конкретизации правовых предписаний, что в значительной степени сужает автономию и свободу участников гражданского оборота, а в дальнейшем в соответствии с принципом верховенства права их деятельность должна соответствовать правовым предписаниям.

Совершенствование белорусского законодательства, как может показаться на первый взгляд, происходит с доминированием частноправовой сферы: принимается большое количество законов и подзаконных нормативных правовых актов в области гражданского, хозяйственного, семейного права, активно вносятся изменения и дополнения в уже существующие акты законодательства. Однако, как уже отмечается в научных изданиях, процесс регулирования идет не по логике частноправового, а по логике публично-правового мышления, «абсолютизации публичности права» [102, с. 43]. Иллюстрирующим примером могут служить изменения, происходящие в сфере договорного права: возрастание нормативно обеспеченного ограничения свободы договора и увеличивающийся массив запретов на возможность его заключения (в антикоррупционных целях, для обеспечения общественных интересов, национальной безопасности и т. д.), не всегда оправданное увеличение массива договоров присоединения, что порождает своего рода неравенство его сторон, особенно если одна из них реализует государственные интересы, возрастание устанавливаемых в нормативно-императивном порядке количества существенных условий в различных видах договоров и т. п. В связи с этим закономерно возникает вопрос о допустимых пределах проникновения публично-правового регулирования в область частного права. На наш взгляд, принципы гражданского права могут и должны стать своего рода барьером для неоправданно широкого вторжения в сферу гражданского права императивных подходов публичного права. Однако безусловное доминирование публично-правового мышления закономерно приведет в деаксиологизации правосознания будущих правоохранителей в целом, нивелирует в их восприятии ценности частного права, которые во многом обеспечивают экономическое развитие.

Тезис о необходимости широкого присутствия гражданско-правовой тематики в содержании образовательного процесса в системе подготовки специалистов для ОВД получил достаточно широкое распространение и не вызывает возражений. Однако в настоящее время пристального внимания требуют проблемы, касающиеся понимания

специфики гражданско-правового регулирования общественных отношений и его использования в деятельности ОВД; о методологическом значении гражданско-правовых категорий и понятий; об использовании в правоохранительной деятельности логических гражданско-правовых конструкций; о представленности гражданско-правовой тематики в системе приоритетных профилей подготовки в учреждениях образования Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

К сожалению, в настоящее время в учреждениях высшего образования Министерства внутренних дел Республики Беларусь гражданско-правовая проблематика практически не представлена в числе профилей подготовки специалистов (в том числе в рамках переподготовки и повышения квалификации). В то же время ряд направлений гражданско-правового регулирования представляют как теоретический, так и практический интерес в современных условиях. К таковым можно отнести следующие: участие ОВД в обеспечении и защите гражданских прав несовершеннолетних; гражданско-правовое регулирование возмещения вреда жертвам торговли людьми; гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный ОВД и их должностными лицами; гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный сотруднику органов внутренних дел при исполнении им служебных обязанностей; защита чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел и т. д.

Таким образом, проблемы формирования правосознания курсантов и слушателей учреждений образования правоохранительного профиля во многом обусловлены пониманием выполняемых ими функций при осуществлении правоохранительной деятельности, а также пониманием сущности и признанием ценности баланса частноправового и публично-правового регулирования общественных отношений на основе заявленных принципов права.

2.2. Формирование ценностно-правовых ориентаций сотрудников органов внутренних дел

Правоохранительная и правозащитная деятельность – широкомащтабная общегосударственная работа специально уполномоченных органов и всех законопослушных сил общества, направленная на установление и поддержание в стране правопорядка и законности. Ведущее положение в этой системе занимают ОВД, которые призваны защищать жизнь, здоровье, права, свободы и законные интересы граждан, общества, государства от преступных и иных противоправных посягательств.

Обязательность закона и его эффективность обеспечиваются правоохранительными органами, поэтому и престиж закона связан с престижем этих органов. Качество и результативность любой деятельности во многом зависят от людей, уровня их подготовки, компетентности, профессионализма и в немалой степени от того, насколько они ценят свою профессию, каков ее общественный авторитет, и, естественно, как оплачивается труд, каковы социально-бытовые условия. Обеспечение хорошими постоянными кадрами – одна из главнейших и сложнейших задач.

Престижность работы в правоохранительных органах и авторитет государственной власти во многом определяются тем, как граждане оценивают деятельность сотрудников органов внутренних дел. Следовательно, от компетентности, общей культуры этих лиц в немалой степени зависит авторитет государственной власти и права в целом. В связи с этим проблемам изучения правового сознания сотрудников органов внутренних дел уделяется в последнее десятилетие достаточно большое внимание в специальной научной литературе. Вместе с тем следует отметить, что основное внимание уделяется изучению проблем структуры профессионального правового сознания (А.М. Панченко, А.Д. Сафронов, Н.В. Кожевникова, В.В. Кожевников и др.), деформации правового сознания (А.С. Петрова, В.М. Калинин и др.). Это можно объяснить прежде всего тем, что в период активного реформирования общества, перехода к правовой государственности заметно изменяется и статус правоохранительной системы, которая из органов преимущественно карательной направленности должна превратиться в государственную правоохранительную службу социальной защиты. Это, в свою очередь, предполагает изменение методов и средств работы ОВД, чтобы они были более гуманными, демократическими, прогрессивными. Следовательно, в условиях построения правового государства рост профессионального мастерства сотрудников правоохранительной системы, повышение уровня их правового сознания являются объективно необходимыми.

При этом следует исходить из того, что профессиональное отношение к праву предполагает не только осознание его социальной значимости, но и субъективную готовность к поддержанию авторитета права.

Известно, что всякий сознательный акт поведения подготовлен более или менее длительным процессом формирования мотивов, планирования, принятия решения и его реализации. Ему предшествует ряд этапов психической деятельности субъекта, которые постепенно формируют направленность поступка и его фактическое выполнение.

Установка – предрасположенность личности воспринимать или оценивать какой-либо объект (информацию, процессы, явления) определенным образом и готовность действовать в соответствии с этой оценкой.

Когда объектом установки служат различные правовые ценности, мы ведем речь о правовой установке. В целом социальные установки личности складываются под влиянием всей окружающей действительности, т. е. экономических, политических, правовых, национальных, религиозных, нравственных и других отношений. Соединение общественных и внутренних ценностных факторов личности ведет к образованию социальной установки как готовности действовать в заданном направлении. Данная установка не является жестко фиксированным состоянием и может изменяться под воздействием воспитания, идеологической работы, перестройки факторов внешней среды.

В своей совокупности все установки личности организуются в систему ценностных ориентаций. Доминирующие установки определяют направленность личности, ее жизненную позицию и характеризуют содержательную сторону ценностных ориентаций. При определении линии своего поведения люди опираются на систему своих ценностных ориентаций, в которой одни ценности располагаются выше других, и им отдают предпочтение по сравнению с другими ценностями. Это, в свою очередь, влияет на мотивацию поведения, выбор целей и средств их достижения, особенно в конфликтных ситуациях.

Таким образом, ценностно-правовая ориентация – относительно устойчивая система правовых установок индивида или общности (группы, коллектива), непосредственно формирующая внутренний план, программу деятельности в юридически значимых ситуациях. Ценностно-правовые ориентации представляют собой обобщенное отношение личности к праву в целом, его основным целям и принципам. Отношение к праву, правовой системе здесь опосредуется политическими и моральными взглядами, убеждениями и принципами, национальными, групповыми, региональными обычаями и традициями.

Социально-правовые ценностные ориентации обладают способностью выступать в роли наиболее общих критериев оценки личностью явлений социально-правовой действительности и в качестве принципов ее поведения в сфере правового регулирования. Таким образом, ценностно-правовые ориентации включаются в процессы принятия правовых решений, выступают в роли критериев выбора правомерных вариантов из альтернативных вариантов и способов поведения, влияют на его мотивацию, планирование, моделирование и реализацию.

Структура ценностно-правовой ориентации складывается из разнородных компонентов. Прежде всего это компоненты, имеющие познавательную направленность (когнитивные); далее следуют компоненты, отражающие отношение человека к тем или иным правовым проблемам (эмоциональные и оценочные); и, наконец, компоненты, отражающие

выработку способов действий применительно к той или иной жизненной ситуации (поведенческие). Все они образуют единый сплав и их часто невозможно отделить друг от друга.

Когнитивный компонент правового сознания составляет определенная совокупность правовых знаний. Сотрудники органов внутренних дел должны иметь общее представление обо всех отраслях права Республики Беларусь и детально знать нормы тех из них, с которыми они непосредственно работают.

Специализированность правовых знаний во многом зависит от того, в какой сфере правоприменения сотрудник органов внутренних дел осуществляет свою служебную деятельность. Так, например, одним из основных направлений деятельности участкового инспектора милиции является профилактика семейно-бытовых конфликтов. Наиболее распространенными причинами семейных конфликтов выступают нерешенные отношения в имущественной сфере, например, при разделе имущества между наследниками, между разводящимися супругами, по поводу вопросов воспитания детей и определения порядка общения несовершеннолетних детей с отдельно проживающим родителем, по вопросам выплаты алиментов, вопросам трудоустройства и защиты от безработицы и т. д. Соответственно, участковому инспектору милиции необходимы углубленные знания в отраслях права, регламентирующих данные общественные отношения (гражданского, семейного, гражданского процессуального, трудового, административного и др.).

Специализированность правовых знаний сотрудников органов внутренних дел означает также их системность, умение использовать межотраслевые связи при разрешении конкретных юридических ситуаций, увязывание норм материального и процессуального права, а также практическую направленность знаний, т. е. сформированность навыков и умений по реализации положений правовых норм. Не вызывает сомнения, что грамотный сотрудник органов внутренних дел должен не только уметь правильно давать правовую квалификацию в той или иной юридически значимой ситуации, но и оказывать консультационную помощь в случаях, предусмотренных законом, составлять различные процессуальные документы и т. д.

Основной формой получения правовых знаний сотрудниками органов внутренних дел является профессиональная подготовка, в том числе систематическое изучение права в учреждениях образования. Безусловно, данная форма получения знаний является наиболее целесообразной для выработки системных знаний по основным отраслям права. Вместе с тем следует отметить, что одной из тенденций получения высшего образования в настоящее время является уменьшение количества учебных

часов, отводимых на изучение учебных дисциплин, сокращение сроков получения образования в целом. Так, например, в учреждении образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» для специальности «Правоведение» изучение учебной дисциплины «Семейное право» (включая курс «Права ребенка») относится к компоненту учреждения высшего образования и является *дисциплиной по выбору*. Кроме того, на ее изучение отводится всего 60 часов, 36 из которых являются аудиторными (лекции – 24 часа, семинарские занятия – 10 часов, управляемая самостоятельная работа – 2 часа). Разумеется, что столь малое количество учебных часов не позволяет получить углубленные знания в сфере правового регулирования семейных отношений.

Профессиональное знание права включает и выработанность потребности и навыка его самостоятельного, постоянного пополнения в области профессиональной деятельности. Это особенно актуально в условиях быстроменяющегося законодательства. К сожалению, большая загруженность не позволяет сотрудникам органов внутренних дел уделить должное внимание этому важному процессу. В настоящее время вопросы правового регулирования рабочего (служебного) времени сотрудников органов внутренних дел не урегулированы в должной мере. Так, Положение о прохождении службы в органах внутренних дел, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 15 марта 2012 г. № 133 (ред. от 28 февраля 2018 г.) «О вопросах прохождения службы в органах внутренних дел Республики Беларусь» в гл. 10 устанавливает лишь общие положения правовой регламентации нормирования рабочего времени, основания привлечения к сверхурочным работам.

Не менее важный компонент правосознания сотрудников органов внутренних дел – оценочный. Важно, чтобы полученные правовые знания трансформировались в профессиональные правовые привычки, ориентированные на строгое исполнение закона, соблюдение прав и законных интересов граждан.

Сотрудники органов внутренних дел при исполнении служебных обязанностей, безусловно, должны исходить из социальной ценности права, соотносить свои действия не только с требованиями правовых норм, но и требований морали, причем важно, чтобы принимая правоприменительное решение, они действовали не только исходя из требований законности, но и с целесообразности. При этом следует помнить, что усмотрение правоприменителя возможно лишь в пределах правовых требований, которые содержат относительно-определенные либо альтернативные элементы. Если правовая норма содержит абсолютно-определенное предписание, то сотрудник органов внутренних дел, безусловно, должен ему следовать.

Важный аспект формирования оценочного компонента ценностно-правовых ориентаций – сочетание правовых и нравственных установок, поскольку основой правовых ценностей являются моральные. Именно глубокие моральные основания правовых норм определяют осознание их социальной ценности для личности, так как первоначально у человека в процессе воспитания формируется именно система моральных ценностей, а затем уже по мере социализации они трансформируются в правовые. Исходя из этого, важным является наличие у сотрудника не только высокого уровня правового сознания, но и усвоение им основных общепризнанных моральных ценностей.

Специфика уважительного отношения к закону у сотрудников органов внутренних дел проявляется в следующем: уважение к праву вызывает изменение внутреннего отношения сотрудников органов внутренних дел к выполнению своих служебных обязанностей, которые начинают восприниматься не как приказ государства, а как осознанный долг; уважительное отношение к праву формируется в процессе постоянного соприкосновения с правовыми явлениями; правоприменительная деятельность ОВД оказывает определенное воздействие на правосознание других лиц; у сотрудников складывается готовность к поддержанию авторитета права; в своей деятельности сотрудники органов внутренних дел должны руководствоваться стремлением опираться на закон, руководствоваться его положениями.

Третьим компонентом ценностно-правовой ориентации является поведенческий. Ярким показателем уровня данного элемента правосознания является мотивация поведения. Для сотрудника органов внутренних дел основными мотивами служебной деятельности должны являться требования закона, обеспечение прав и законных интересов граждан, сформированная готовность действовать в соответствии с указанными ценностями.

Поведенческий компонент правового сознания, уровень его сформированности можно оценить, изучив статистику правонарушений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел. Вместе с тем следует отметить, что поведенческий компонент ценностно-правовых ориентаций является своеобразным итогом, результатом когнитивно-оценочных элементов правового сознания. Решающее значение для формирования готовности правового поведения имеет, на наш взгляд, именно оценочный компонент, так как наличие высокого уровня правовых знаний само по себе не определяет готовность действовать исключительно в соответствии с требованиями правовых норм. Более того, возможно даже «злоупотребление правом» в тех случаях, когда сотрудник органов вну-

тренних дел может использовать свои правовые знания для совершения противоправных поступков и даже преступлений.

Ценностно-правовые ориентации не являются статичными: они видоизменяются под влиянием различных внутренних и внешних факторов. Деятельность сотрудников органов внутренних дел нередко сопряжена с факторами, негативно влияющими на их убеждения. Например, сталкиваясь с фактами издания правовых предписаний, реализация которых невозможна из-за неразработанности механизма их применения, сотрудник может разувериться в регулирующей роли права, его способности удовлетворять потребности личности. Такая ситуация может возникнуть и в случае несовпадения правовых и моральных ценностей, противоречивости правовых и моральных норм. Данные факты могут породить чувство правового скептицизма и нигилистического отношения к правовым ценностям.

Проблема формирования ценностно-правовых ориентаций сотрудников органов внутренних дел в настоящее время приобретает особую актуальность в связи с реконструкцией всей правовой системы Республики Беларусь и, в частности, реформированием системы правоохранительных органов. Следует отметить, что рассмотрение основных структурных компонентов правосознания сотрудников органов внутренних дел показывает некоторую противоречивость их ценностно-правовых ориентаций: с одной стороны – высокая оценка права как средства гармонизации общественных отношений; с другой – возможность пренебрежения требованиями закона, ради искусственного улучшения оперативной обстановки, уровня раскрываемости преступлений, исполнения приказов руководства и др.

К числу основных особенностей службы в ОВД можно также отнести то, что по своей специфике она трудна и опасна, ее несут в любое время суток, в большинстве своем с оружием в руках; на службе сотрудник подвергается действительным, а не мнимым опасностям; значительную часть времени он находится в постоянном моральном и психологическом напряжении и даже в стрессовом состоянии; в пределах своих функциональных обязанностей сотрудники органов внутренних дел пользуются определенной самостоятельностью. У неподготовленных сотрудников, не имеющих достаточного правового и профессионального опыта, соответствующей психологической подготовки, такая самостоятельность вызывает нерешительность и безынициативность, ведет к профессиональной деформации, нарушению законности. С другой стороны, самостоятельность при низком уровне профессионального правового сознания и отсутствии должного контроля (в том числе и са-

моконтроля) даже у опытных работников может проявиться в излишней самоуверенности, вседозволенности, злоупотреблении властью, нарушении законности и т. д. Для осуществления своих полномочий сотрудники органов внутренних дел наделены широкими правами (начиная от права сделать замечание до права при особых обстоятельствах применять огнестрельное оружие).

Можно выделить три основных направления повышения профессионального правового сознания: *профессиональное обучение* (образование), *профессиональное правовое воспитание* и *профессиональная правовая деятельность*.

Информация, поступающая к сотруднику в процессе правового воспитания и обучения, соотносится им не только с той, которую он получает в данную единицу времени по другим каналам различных информационных систем, включая и неконтролируемые обществом, но и с его интересами, потребностями, ценностными ориентациями, установками, идеалами, мировоззрением, убеждениями, привычками и т. д. Иными словами, «эффективность воздействия правового сознания сотрудника органов внутренних дел на его юридически значимое поведение принципиально зависит от того, что он собой представляет как «общественный человек», каковы его ценностные ориентации и ролевые функции, знания и нравственные характеристики, как он устроен на службе, в быту и в жизни, какие у него материальные и духовные потребности, в какой мере они удовлетворяются, из кого состоит его ближайшее окружение, чего он ждет от завтрашнего дня, какую философию жизни исповедует, насколько он развит интеллектуально, как относится к ценности человеческой жизни, к начальству и преступнику, к семье и женщине, знанию и науке, насколько он социально активен, образован, культурен и т. д.» [6, с. 24]. Все это оказывает существенное влияние на отбор правовой информации сотрудником и обуславливает эффективность и действенность обучения и воспитания. Правовое и нравственное воспитание сотрудников оказывается состоятельным лишь тогда, когда люди, проявляя свою практическую энергию, овладевают приемами соответствующей предметной деятельности, нормами определенного общения, используют усвоенные знания и приобретенные навыки в решении стоящих перед ними задач [3, с. 19; 34, с. 176].

Практическая деятельность работников милиции также является важным источником получения правовой информации, но она нуждается в непрерывном теоретическом осмыслении, поскольку иногда может входить в конфликт с требованиями действующих правовых положений, искаженно или недостаточно полно отражать их суть. Знания, получаемые работниками в процессе осуществления повседневной жизне-

деятельности, складываются в определенную систему, так называемый правовой опыт.

Под правовым опытом понимается часть системы жизненного опыта работников органов внутренних дел, представляющая собой комплекс знаний, навыков, умений, привычек, являющихся результатом юридической деятельности, соприкосновения с правовыми явлениями на практике [7, с. 47; 43, л. 67–72].

Таким образом, профессиональная подготовка рядового и начальствующего состава ОВД представляет собой организованный и целенаправленный процесс овладения знаниями, умениями и навыками, необходимыми для успешного выполнения служебных обязанностей и их совершенствования. Основными задачами профессиональной подготовки являются обучение умелому выполнению служебных обязанностей, обеспечение постоянной готовности для выполнения повседневных оперативно-служебных задач, формирование высоких морально-политических качеств, совершенствование навыков обучения и воспитания подчиненных, достижение высокого уровня технической, огневой, строевой и физической подготовки личного состава. Кроме того, в последнее время в специальной литературе, посвященной изучению вопросов юридической психологии, указывается на необходимость формирования эмоциональной устойчивости сотрудников органов внутренних дел, профилактику эмоционального выгорания [46, с. 104–106; 130, с. 35–38; 135, с. 33–36].

Искажение ценностно-правовых ориентаций сотрудников органов внутренних дел может иметь различные проявления: правовой нигилизм, обозначающий осознанное пренебрежение к требованиям закона; подмена истинного представления о нравственном смысле профессиональной деятельности; формирование чувства непогрешимости и вседозволенности; стремление к подавлению воли другого человека и подчинению его своей; болезненная подозрительность и недоверие к окружающим; равнодушие к горю других людей; нарушения требований профессиональной этики; равнодушие к процессу и результатам служебной деятельности; моральная нечистоплотность; следование двойным моральным стандартам; индивидуализм, нежелание работать в команде; склочность, мелочность; грубость в общении с другими людьми и т. д.

Таким образом, профессиональная деформация может затрагивать как идеологические, так и психологические элементы правового сознания сотрудников органов внутренних дел, искажать их ценностно-правовые ориентации.

К наиболее распространенным разновидностям правовой деформации индивидуального сознания сотрудников органов внутренних дел

можно отнести правовой инфантилизм, правовой нигилизм и перерождение правового сознания.

Значительная доля актов юридически значимого поведения сотрудников органов внутренних дел регулируется и направляется их правосознанием в иных (кроме применения) формах реализации правовых предписаний, помимо и вне конкретных правоотношений. Основным видом юридически значимого поведения работников органов внутренних дел вне рамок конкретных правовых отношений является соблюдение ими правовых норм, т. е. фактическое воздержание от совершения действий или поступков, противоречащих действующим правовым предписаниям. В отличие от соблюдения правовых норм гражданами, представителями иных государственных органов данная форма реализации права в отношении сотрудников органов внутренних дел обладает некоторой спецификой. Работники органов внутренних дел помимо соблюдения юридических запретов (прежде всего уголовно-правовых и административных), адресованных всем без исключения гражданам, обязаны воздерживаться от целого ряда действий, связанных с их служебной деятельностью (например, от понуждения к даче показаний; фальсификации доказательств; заведомо незаконного задержания или заключения под стражу; разглашения данных дознания, предварительного следствия или закрытого судебного заседания; производства заведомо незаконного обыска и т. д.).

Одним из условий успешной деятельности подразделений ОВД является высокое качество законодательных, а также подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих их деятельность. Законодательство должно соответствовать реальным общественным отношениям, общепризнанным человеческим ценностям, идеям гуманности и социальной справедливости. Необходимо устранить из него противоречивость правовых предписаний, дублирование норм права, нечеткость формулировок, их излишнюю декларативность и т. д. Несовершенство действующего законодательства порождает в сознании сотрудников неуверенность в правильности правовых предписаний, вызывает сомнения в регулирующей роли права в целом. Так, например, в настоящее время не в полной мере регламентируются отношения между родителями, один из которых является гражданином иностранного государства, по поводу воспитания несовершеннолетних детей и их выезда за пределы Республики Беларусь. Сотрудники органов внутренних дел, попадая в подобную конфликтную ситуацию, не могут действовать достаточно эффективно с правовой точки зрения, оказывая помощь в разрешении семейного конфликта.

Кроме того, на формирование правового сознания работников органов внутренних дел существенно воздействуют их правовой статус, юридические полномочия, защищенность перед необоснованными обвинениями, ложными доносами, клеветой и т. д. Несовершенство законодательства, закрепляющего гарантии юридической защиты работников милиции, крайне неэффективная практика его применения юрисдикционными органами еще более усиливают проблемы правовой защиты сотрудников милиции. Отсутствие надлежащих социально-бытовых условий, усиливаемое кризисными явлениями в социально-экономической сфере, порождает и социальную незащищенность работников органов внутренних дел. Эти обстоятельства, а также несбалансированная система материального и морального стимулирования способствуют тому, что из аппаратов и служб милиции усиливается отток высококвалифицированных специалистов. Следствием этого является ухудшение качества правоохранительной деятельности милиции, существенное снижение ее потенциала в борьбе с преступностью, особенно организованной, профессиональной.

Решение вопросов должного материального стимулирования сотрудников органов внутренних дел является тем более актуальным, поскольку денежное довольствие практически является их единственным законным источником доходов. В соответствии с ч. 3 ст. 32 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-3 (ред. от 9 января 2019 г.) «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» сотрудники органов внутренних дел не вправе выполнять иную оплачиваемую работу, не связанную с исполнением служебных обязанностей по месту службы, кроме педагогической (в части реализации содержания образовательных программ), научной, культурной, творческой деятельности и медицинской практики, осуществляемых по согласованию с руководителем подразделения органов внутренних дел, в котором сотрудник проходит службу (в отношении руководителя подразделения органов внутренних дел – по согласованию с его непосредственным начальником).

В действующей редакции Закона «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» не содержится правовая регламентация порядка получения согласия непосредственного начальника на право заниматься сотрудниками педагогической (в части реализации содержания образовательных программ), научной, культурной, творческой деятельностью и медицинской практикой, не конкретизированы условия соответствующей работы путем оговорки определенного времени (периода), места и вида соответствующей деятельности. В связи с этим считаем целесообразным инициировать вопрос о внесении дополнений в ст. 32, дополнив ее ч. 4 следующего содержания: «Срок действия разрешения на занятие педагогической (в части реализации содержания образователь-

ных программ), научной, культурной, творческой деятельностью и медицинской практикой определяется сроком трудового или гражданско-правового договора, на основании которого осуществляется соответствующий вид деятельности. Порядок выдачи разрешения определяется Министром внутренних дел».

Кроме того, остается не вполне урегулированным вопрос о том, будет ли действовать выданное разрешение при смене непосредственного руководителя, в котором сотрудник органов внутренних дел проходит службу. Полагаем, что смена руководителя подразделения ОВД, в котором сотрудник проходит службу, либо непосредственного начальника – в отношении руководителя подразделения ОВД, не может повлечь отзыв разрешения на занятие сотрудником педагогической (в части реализации содержания образовательных программ), научной, культурной, творческой деятельностью и медицинской практикой. Однако считаем целесообразным разработать ведомственный нормативный правовой акт, который будет содержать детализацию правовой регламентации данных правоотношений, в том числе рекомендовать дачу разрешения на возможность заключения сотрудниками органов внутренних дел договоров (трудовых и гражданско-правовых) на занятие педагогической (в части реализации содержания образовательных программ), научной, культурной, творческой деятельностью и медицинской практикой на определенные сроки.

Существенное значение имеет также тщательный подбор кандидатов на службу в ОВД. При осуществлении отбора кандидатов необходимо подробное изучение социального портрета будущего сотрудника, его нравственных качеств, отношения к правовым ценностям, степени его правовой осведомленности, в целях устранения приема на работу в правоохранительные органы человека с изначально деформированным правовым сознанием.

Главным принципом кадровой политики считается подбор кандидатов на службу в ОВД по моральным и деловым качествам. Моральные качества характеризуют уровень нравственного сознания, мотивируют линию поведения работника, определяют его отношение к людям, к окружающему его миру. К ним можно отнести моральную устойчивость, честность, неподкупность, бескорыстность; требовательность и самокритичность к своим поступкам; достоинство и профессиональную честь; чуткость и внимательность к гражданам, их интересам и запросам; тактичность и вежливость; скромность; чувство ответственности за порученное дело и т. д. Моральные и нравственные качества сотрудника – важнейшая сторона его личности. Именно они составляют основу доверия и уважения к сотруднику правоохранительной системы со стороны граждан, признания его авторитета, его морального права

на осуществление правоохранительной деятельности, защиты граждан, являются важнейшим фактором повышения престижности правоохранительной деятельности, права в целом.

Деловые качества характеризуют профессиональную и психологическую подготовленность работника к осуществлению его служебной деятельности: профессионализм, компетентность, трудолюбие, хорошие организаторские способности, коммуникабельность, способность инициативно разрешать служебные вопросы и т. д.

Только органическое единство деловых и моральных качеств позволяют сотруднику вне зависимости от его специальности успешно выполнять служебные обязанности.

Особое влияние на правовое сознание сотрудников оказывает стиль и методы руководства, существующие в отдельных подразделениях и службах ОВД (прохождение первоначального курса обучения, отлаженность подготовки, максимальное сближение с практикой, количественный и качественный состав кадров и сопряженная с этим нагрузка на каждого работника, отсутствие свободного времени, расстановка и оценка кадров, перемещение по службе и т. д.). Иногда начальниками подразделений ОВД назначаются сотрудники с низкими деловыми и моральными качествами, неспособные стать настоящими лидерами, что отрицательно влияет на результаты оперативно-служебной деятельности и авторитет ОВД. Между тем профессиональная этика руководителей предполагает честное, добросовестное и старательное исполнение своих обязанностей, правильное отношение к подчиненным и служащим, сочетание взыскательности и контроля с доверием, создание хорошего психологического микроклимата в руководимом коллективе.

Личные качества руководителя органа, службы, подразделения (авторитет, волевые качества, честность, справедливость, компетентность, объективность и др.) также влияют на уровень правосознания сотрудников органов внутренних дел. Руководитель подразделения, органа должен обладать определенными познаниями в психологии. Подобное качество, как показывают научные исследования, позволит ему использовать огромные потенциальные возможности морального фактора для повышения творческой активности и работоспособности каждого работника; создать в коллективе такой психологический микроклимат, который бы максимально способствовал решению задач, стоящих перед ОВД; выработать наиболее эффективный стиль руководства, в частности научить должностных лиц преодолевать психологические барьеры и конфликты, возникающие в процессе руководства и подчинения, и т. д.

На профессиональное правосознание работников органов внутренних дел оказывает существенное влияние психологическая обстановка, в которой они осуществляют свою деятельность. К сожалению, резуль-

таты социологических исследований свидетельствуют о недостаточно высоком авторитете ОВД у населения Республики Беларусь. Так, уровень доверия к милиции составляет всего лишь 25,6 % [118, с. 140].

Невысокое мнение общества об эффективности деятельности работников органов внутренних дел, властный характер правоохранительной деятельности, некачественная первоначальная подготовка, постановка фактически невыполнимых задач, недостаточное материальное и финансовое обеспечение, ориентирование личного состава на отчеты, а не на удовлетворение интересов общества дезориентируют сотрудников. Кроме того, постоянное общение с правонарушителями, преступниками, задержанными или осужденными у недостаточно подготовленных сотрудников может вызвать утрату веры в людей, предубежденность, подозрительность.

Одним из основных факторов, вызывающих деформации ценностно-правовых ориентаций сотрудников органов внутренних дел, на наш взгляд, выступает их загруженность на работе, нерешенность вопросов правового регулирования служебного времени. Следует согласиться с мнением профессора А.А. Греченкова, который считает целесообразным включить в Положение о прохождении службы нормы, содержащие легальное определение служебного времени сотрудника; устанавливающие виды и продолжительность служебного времени для различных категорий сотрудников; определяющие понятие и виды режимов служебного времени (в частности, определяющие режим служебного дня, режим служебной недели, сменный режим несения службы, ненормированный служебный день); регламентирующие порядок использования и учета служебного времени [32, с. 52]. Важно грамотно сочетать служебное время и время отдыха, поскольку только в данном случае можно гарантировать профессиональное долголетие сотрудника. Кроме того, работа на пределе психических и физических сил может вызвать у сотрудника чувство апатичности, невозможности грамотно и в срок выполнить поставленные задачи, длительное стрессовое состояние притупляет внимание и влияет на качество выполнения служебных обязанностей, способствует эмоциональному выгоранию сотрудника. В связи с этим необходимо обратить внимание на еще один важный момент: что собственно следует понимать под «исполнением служебных обязанностей»? Необходимо исключить выполнение работниками органов внутренних дел обязанностей, непосредственно не связанных с осуществлением правоохранительной деятельности.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод, что правосознание сотрудников органов внутренних дел базируется на специальных знаниях о праве, его принципах, роли в жизни общества, о механизме правового регулирования, на глубоком знании законодательства и т. д.

Однако содержание правосознания не ограничивается специальными правовыми знаниями. Важно, чтобы правовые знания трансформировались в правовые привычки, ориентировались на строгое исполнение закона, соблюдение прав и интересов граждан.

В качестве вероятных путей решения назревших проблем могут быть предложены следующие: создание новой системы морального и материального стимулирования работников органов внутренних дел к осуществлению правоохранительных функций без нарушений законности; введение обязательной сдачи зачета по знанию и пониманию права при назначении на должность, присвоении специального знания, аттестации; воспитание нового поколения сотрудников органов внутренних дел для последующей замены кадрового состава ведущих служб; изменение оснований и порядка юридической ответственности за нарушение закона сотрудниками органов внутренних дел; разработка и реализация программы воспитания у личного состава позитивных правовых ценностных ориентаций и установок, профессионального чувства законности, осознанного стремления к правовому образу жизни и деятельности; введение в систему служебной подготовки курса по изучению законодательства в конкретной области правоприменительной деятельности сотрудников той или иной службы. Последняя задача тем более актуальна, поскольку в условиях быстрого изменения законодательства знания, полученные в процессе обучения в учреждениях образования, стремительно обесцениваются.

Общество ожидает от личного состава ОВД более высокого уровня правовой подготовленности, а самое главное – более позитивного отношения к правовым ценностям, к правам и интересам граждан. Нетрудно проследить такую закономерность: упущение в профессиональной подготовке способствует ошибкам в правоприменении, а эти ошибки должностных лиц приводят к тому, что люди теряют уважение к закону.

Граждане оценивают работу ОВД исходя из повседневных, несистематизированных наблюдений. Эта оценка может быть не всегда правильной, хотя ей не следует полностью пренебрегать. Значение общественного мнения для деятельности ОВД заключается прежде всего в том, что оценочные суждения граждан позволяют выявить достаточно широкий спектр деятельности представителей различных служб милиции и в зависимости от этого скорректировать их работу.

Нельзя не согласиться с В.В. Кожевниковым, который утверждает, что грубые нарушения закона должностными лицами органов внутренних дел, аморальное поведение их сотрудников мешают росту правосознания граждан, их верной ориентации, формированию правомерного поведения [59, л. 105]. Даже отдельные случаи нарушения законности

при производстве расследования, получив огласку, подрывают доверие к милиции, лишают их поддержки населения, без которой они бессильны.

Отсутствие общей культуры поведения у отдельных сотрудников также создает у населения впечатление, что на работу в ОВД попадают люди, которые не смогли поступить в учреждения образования, не хотят служить в Вооруженных Силах Республики Беларусь, не нашли более интеллектуальной работы.

Завершая рассмотрение особенностей формирования ценностно-правовых ориентаций сотрудников органов внутренних дел, можно отметить следующее:

1. Важным фактором, влияющим на эффективность правоприменения, являются профессиональные и личностные качества субъектов, осуществляющих такую деятельность, уровень их правового сознания.

2. Высокий уровень правового сознания сотрудников органов внутренних дел означает не только знание действующего законодательства, что является необходимым условием соблюдения законности, правильного использования прав и выполнения служебных обязанностей работниками этих органов, гарантией осуществления прав и свобод личности, но и уважение правовых требований, убеждение в правильности и необходимости правовых предписаний, привычка соблюдать закон.

3. Формирование профессионального правового сознания сотрудников органов внутренних дел осуществляется по трем основным направлениям: правовое образование, профессиональное правовое воспитание, профессиональная правовая деятельность.

4. Профессиональная деформация сотрудников органов внутренних дел может выражаться в несформированности правовых установок, низком знании требований законодательства, в осознанном игнорировании требований правовых норм, отрицании социальной ценности права.

5. Повышение уровня профессионального правового сознания работников милиции, их общей культуры будет способствовать поднятию престижа правоохранительных органов.

2.3. Роль правосознания в повышении эффективности уголовного закона

Одним из основных факторов, влияющих на процесс формирования права и, как следствие, на эффективность уголовного закона является правосознание [75, с. 102]. Являясь важнейшей составляющей механизма уголовно-правового регулирования и находясь в единстве с другими формами общественного сознания, именно правосознание координи-

рует характер правового регулирования различных видов социального взаимодействия, поэтому проблеме правосознания и его регулятивной функции в науке всегда уделялось пристальное внимание. По точному замечанию М.С. Строговича, правосознание – это и реальный факт общественной жизни, и принцип правовой деятельности, обеспечивающий крепость и жизненность права, и благодаря этому – самостоятельная научная проблема теории права [117, с. 51]. Известный философ И.А. Ильин утверждал, что именно духовный и только духовный мир человека может разрешить столкновение человеческих притязаний на основе идей права, исходя из подлинной воли к субъективному праву. Только в таком случае можно говорить, что право есть способ жизни этого человека – в противном случае неизбежен конфликт, когда граждане будут либо обходить, либо сознательно нарушать закон [49, с. 45–47]. Таким образом, исследование эффективности уголовного закона предполагает необходимость его рассмотрения не только как системы предписаний, но и как формы духовного существования общества.

Являясь элементом единой системы общественного сознания, правосознание является относительно самостоятельным образованием и выполняет только ему присущие функции, поэтому различные ученые справедливо указывают на важную роль правосознания в жизни общества. Еще в начале XX в. И.А. Ильин отмечал, что «решение проблем уголовной вины и наказания возможно только на основании целостного и зрелого учения о правосознании» [49, с. 74]. Современные ученые также уделяют внимание этой проблеме. Так, С.С. Алексеев подчеркивает, что право – такой инструмент регулирования общественных отношений, который действует через волю и сознание людей [2, с. 62]. Е.А. Лукашева полагает, что правосознание формирует взгляды и представления людей относительно сущности и принципов правовой организации общества [67, с. 90], а С.Г. Дробязко относит его к одному из правообразующих и правотворческих факторов [39, с. 3]. Мы полностью разделяем мнение тех исследователей, которые отмечают, что не только человек находится в мире права, но и право существует в мире, созданном человеком [97, с. 95].

Следует отметить, что многие современные правовые воззрения сложились под влиянием таких известных мыслителей, как Г.В.Ф. Гегель, Г. Гроций, И. Кант, Дж. Локк, Ш.Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и др. В России дореволюционного периода проблемы правосознания изучали И.А. Ильин, Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, В.С. Соловьев и др. В советское время исследования по проблемам правосознания активно проводились в рамках философии, теории права, социологии права, уголовного права, криминологии и др.

В современной отечественной и российской научной литературе проблеме формирования и функционирования правосознания также посвящено немало работ: накоплен значительный опыт теоретических разработок, есть определенные достижения благодаря проведению конкретных эмпирических исследований; разрабатываются и новые направления в данной области [86, с. 48]. В целом во многих научных работах продемонстрирована тесная связь правосознания с проблемой эффективности права и, что очень важно, выявлена целесообразность дальнейших изысканий в этом направлении. В настоящее время правосознание изучается не только в рамках правоведения, но и комплексно, с учетом теоретических положений и методов других наук, в том числе социологии и социальной психологии. Важное место занимает проблема правосознания и в социологии уголовного права. Вместе с тем в научной литературе вопрос взаимосвязи правосознания и эффективности уголовного права (уголовного закона) рассматривается в самом общем виде. Изучение правосознания еще не получило должного внимания специалистов в области уголовного права и криминологии; к сожалению, здесь пока больше нерешенных задач, чем достижений.

Для повышения результативности борьбы с преступностью методологически важно изучать взаимовлияние правосознания и эффективности уголовного закона, так как, по нашему убеждению, вне учета правосознания эту проблему не решить. Несомненно, взаимодействие личности и правовой системы носит диалектический характер: от состояния правосознания как одного из элементов механизма уголовно-правового регулирования во многом зависят эффективность действия уголовного закона [33, л. 5] и предупреждение преступлений. Эту же мысль подчеркивает С.А. Жинкин: не только эффективная реализация норм законодательства влияет на правосознание личности, но и само правосознание, его особенности, психология людей обуславливают действенность права и норм законодательства [42, с. 19]. Исходя из этого, изучение того, как формируется и применяется уголовный закон, необходимо увязать с правосознанием. Итак, роль правосознания целесообразно рассмотреть и на этапе формирования уголовного закона (процесс правообразования, включая уголовно-правовое законотворчество), и на этапе его реализации, так как вне правосознания уголовный закон не только не может возникнуть, но и тем более применяться. Проанализировав сложный механизм влияния политического, философского и морального аспектов правосознания на законотворческую деятельность, М.И. Ковалев приходит к выводу, что все аспекты правосознания непосредственно обуславливают характер, уровень и даже стиль законодательного регулирования [57, с. 73]. Исходя из вышеизложенного, изучение правосознания пред-

полагает рассмотрение его сущности, структуры, форм, соотношения с другими сферами сознания, а особое внимание следует уделить тому, каким образом пассивно-созерцательная форма правосознания преобразовывается в его активно действующую форму. Без раскрытия этого механизма, уяснения его диалектики постичь процессы правообразования и правореализации маловероятно.

Исследование структуры правосознания целесообразно осуществлять в тесной взаимосвязи с его функциями, поскольку именно они, констатирует К.Т. Бельский, наиболее существенны в правосознании: без них оно потеряло бы всякую значимость [10, с. 63]. Функции классифицируются по-разному [14, с. 85], и каждая классификация, естественно, имеет право на существование. Не углубляясь в суть всех существующих позиций, выделим три основные функции правового сознания: познавательную, оценочную и регулятивную. На этапе реализации уголовного закона правосознание с помощью этих функций опосредует возникновение общерегулятивного уголовно-правового отношения и его реализацию в правомерном поведении субъектов [33, л. 13]. Другими словами, правосознанию присущи интеллектуальный, эмоциональный и волевой моменты, соответственно определяющие знание права, отношение к нему и навыки правового поведения [104, с. 85]. Указанные функции взаимосвязаны, и их разделение условно – исключительно в целях научного анализа. В научной литературе ученые правильно отмечают, что в действительности знание права, отношение к нему и навыки правового поведения тесно переплетены и в большинстве случаев не различаются самими носителями правосознания [136, с. 131].

Структура правосознания сложная, неоднородная, ее нельзя раскрыть в какой-то одной плоскости. Наиболее типична следующая схема структурного анализа правосознания:

в зависимости от способа (формы) отражения выделяют правовую идеологию и правовую психологию;

с точки зрения глубины (уровня) отражения правовых явлений – обыденное, практическое (профессиональное) и теоретическое правосознание;

в зависимости от субъекта отражения – индивидуальное, групповое и общественное правосознание, а предмета отражения – сферы правосознания, соответствующие различным видам общественных отношений и отраслям права.

Кратко остановимся на правовой идеологии как важнейшем элементе структуры правосознания. По мнению А.М. Михайлова, это целостный, обладающий внутренним единством, искусственно созданный на основе философских или религиозных учений механизм воздействия

системы идей на индивидуальное, групповое и общественное правосознание с целью легитимации (делегитимации) позитивного права, юридической практики, обеспечения единства правовой системы и ее воспроизводства путем перевода правовых идей в нормативные установки сознания и формирования соответствующих моделей поведения [72, с. 264]. Уместно отметить, что в последние годы понятию и содержанию уголовно-правовой идеологии уделяется пристальное внимание. Являясь частью государственной, уголовно-правовая идеология призвана формировать в общественном сознании взгляд на уголовное право и уголовно-правовое регулирование как жизненно важные сферы деятельности. Уголовно-правовая идеология обосновывает необходимость знания человеком норм уголовного права, их соблюдения; указывает, какое отношение к действующему уголовному законодательству является должным и желательным, тем самым воздействуя на правовую психологию. Уголовно-правовая идеология также может быть действенным средством преодоления пробелов.

Изучая структуру правосознания, важно помнить, что рассмотрение какого-либо одного элемента условно, потому что между отдельными элементами правосознания существуют отношения и как «целое – часть», и как «система – элемент». Согласимся с К.Т. Бельским, что представить какой-то элемент в «чистом» виде можно лишь в абстракции [10, с. 41].

В силу взаимообусловленности права и правосознания функции последнего проявляются в ходе правообразования. Процесс образования права есть не что иное, как объективирование посредством правосознания потребности в правовом регулировании общественных отношений [14, с. 23]. Уголовно-правовые нормы поэтому должны не только обуславливаться объективными закономерностями и потребностями социального развития, но и соответствовать тому уровню правосознания и правовой культуры, который реально существует в обществе в период их функционирования. «Если норма права, – отмечает Ф.Н. Фаткуллин, – сформулирована без должного учета этого уровня, в расчете на какие-то идеальные, пока еще объективно не созданные условия, то она с самого начала страдает внутренним недугом – полностью или частично лишена свойства эффективности» [129, с. 119].

По своему содержанию правосознание может либо совпадать с требованиями уголовного закона, либо нет. Так, если содержание правосознания совпадает с содержанием уголовного закона, поведение граждан носит относительно устойчивый правомерный характер, а если не охватывается правосознанием, поведение в уголовно-правовой сфере во многом будет зависеть от других регуляторов поведения, в частности от

уровня морального сознания граждан, состояния социального контроля и др. В тех случаях, когда общественное или индивидуальное правосознание не совпадает с содержанием уголовного закона, находится с ним в противоречии, поведение людей в сфере, регулируемой уголовным правом, может принимать противоправный характер. Следовательно, низкий уровень правосознания может стать причиной противоправного поведения и являться одним из основных факторов, ведущих к ослаблению регулирующей функции уголовного закона.

На основании изложенного можно заключить, что в процессе развития общества действующий уголовный закон должен находиться в определенной гармонии с общественным правосознанием. Однако такое единство наблюдается не всегда. В этом случае нужно исследовать причины противоречий. Если в уголовный закон включены правовые нормы, которые массовое сознание еще не готово воспринять, то необходимо проводить активную правовоспитательную работу. В противном случае эффективность таких норм будет крайне низкой. Действительно, в определенные периоды между правосознанием и уголовным законом могут объективно существовать некоторые противоречия. Уголовный закон может отставать от формирования массового правосознания или опережать его, становясь для последнего определенной преградой. В то же время правосознание может опережать развитие уголовного закона или отставать от него. Основная задача в таких случаях – вовремя выявить это несоответствие и принять надлежащие меры правового и организационного характера. Отсюда возникает необходимость мониторинга действующего уголовного закона. В случае принятия новых уголовно-правовых норм или уголовного закона в целом важно проведение специального изучения уровня правового сознания граждан, на которых эти нормы рассчитаны.

Правосознание всегда выступало и выступает своего рода посредником между системой уголовно-правовых норм и реальным поведением субъектов, будучи важнейшим звеном в процессе перевода материальных условий жизни на язык законов, в обязательную форму, в которой должны преломиться политические и экономические требования, прежде чем они будут закреплены в уголовном законе. Иными словами, прежде чем быть определенными юридически, явления и процессы общественной жизни должны пройти через правосознание, поэтому В.В. Степанян прав, указывая, что именно правосознание выступает в качестве идейного источника процесса правообразования [116, с. 102]. Иные формы общественного сознания могут также влиять на процесс правообразования, но только преломившись через правовое сознание.

С точки зрения Р.С. Байниязова, сущность правового сознания можно раскрыть лишь с учетом применения категории «менталитет» [4, с. 9].

Влияние менталитета на результативность уголовного закона детерминировано спецификой его природы. Правовой менталитет определяют как совокупность относительно устойчивых правовых архетипов, установок, взглядов, воззрений, поведенческих реакций, исторически выработанных определенной этнокультурной (национальной) общностью и заложенных на глубинном уровне правосознания, которые в совокупности и определяют устоявшийся, привычный образ правовой реальности [11, с. 134–141]. По мнению М.В. Хука, понятие менталитета уже понятия правовой культуры [16, с. 9]. Очевидно, что в процессе формирования правосознания и уголовного закона нельзя игнорировать правовой менталитет народа, иначе это повлечет культурно-психологическое невосприятие права, следовательно, не стоит автоматически переносить те или иные зарубежные правовые установки, нормы в отечественный опыт – необходимо всегда учитывать национальные особенности. Для Республики Беларусь, отмечает Е.М. Ефременко, характерен преимущественно коллективистский тип правовой культуры, который во многом предопределяет особенности национального правосознания со свойственной ему терпимостью [41, л. 17].

В процессе уголовного-правового законотворчества необходим учет национальных особенностей. Попытки сместить национальную правовую систему в плоскость ценностей иных народов, механического перенесения зарубежных правовых концепций и идей в отечественное законодательство могут привести к кризису правосознания. В конечном счете игнорирование национальных особенностей неизбежно ведет к правовому нигилизму.

Помимо менталитета в научной литературе ученый А.В. Мурунова выделяет такое понятие, как ментальность: «Это гибкие, вариативные психологические процессы, состояния и формы духовной деятельности, миропостижения и веры, а также инвариантные, априорные компоненты, слои и структуры, свойственные различным социальным субъектам и индивидам, различным социальным группам и обществу» [74, с. 194]. Следовательно, правовую ментальность можно отнести к области духовных и интеллектуальных правовых возможностей различных социальных субъектов, а правовой менталитет считается образцом правового мышления и правовой деятельности. Правовая ментальность и правовой менталитет содействуют сохранению духовных ценностей в области уголовного права, передаче правового опыта новым поколениям людей, а также помогают избежать ошибок в процессе уголовного-правового законотворчества и применения уголовного закона.

В уголовно-правовой литературе отдельные авторы рассматривают правосознание в контексте обусловливания уголовного закона. В частности, В.М. Коган выделяет три грани влияния правосознания на уголовный закон: пределы уголовно-правового воздействия, суровость уголовно-правового воздействия и справедливость уголовно-правового воздействия. Они фокусируют почти все важные вопросы уголовного права, рельефно обозначая те «горячие точки» («контрольные пункты»), в которых смыкаются научное и обыденное правосознание [58, с. 33].

Правосознание занимает также особое место и при исследовании оснований криминализации, поскольку, как уже отмечалось, эффективность уголовного закона во многом зависит от того, насколько адекватно он отражает реально существующие общественные отношения. Как критерий криминализации, правосознание – это все те идеи, которые детерминируют тот или иной тип антисоциального поведения граждан и подлежат учету при конструировании уголовного закона. Итак, отражая потребности в уголовно-правовом регулировании общественных отношений и обуславливая необходимость принятия, изменения или отмены уголовного закона, правосознание является социально-психологическим основанием уголовного-правового запрета. В реальной действительности люди усваивают существующие уголовно-правовые нормы, оценивают их определенным образом (признавая или отвергая) и в той или иной мере руководствуются ими в реальном поведении. В то же время, будучи регулятором человеческого поведения, правосознание само испытывает регулирующее воздействие объективных факторов, к числу которых относится действующий уголовный закон и практика его применения. В этом случае, как верно указал А.И. Коробеев, правосознание само становится объектом формирующего воздействия уголовного права благодаря своим ценностно-ориентационной и оценочной функциям [62, с. 48]. Итак, формирование правосознания, направленного на соблюдение уголовно-правовых норм, – это одна из задач уголовного закона и цель уголовного-правового законотворчества. Но не следует пассивно ждать, пока общественное правосознание созреет до понимания нетерпимости тех или иных общественно опасных деяний. Правосознание населения необходимо активно воспитывать [35, с. 73].

Как уже отмечалось, в структуре правового сознания, исследуемого с точки зрения глубины отражения правовых явлений, можно выделить три вида (уровня): обыденное (эмпирическое), практическое (профессиональное) и научное (теоретическое) правосознание. Так, уголовно-правовое законотворчество осуществляется преимущественно на основе научного правосознания (высшего уровня осознания правовой действительности), опираясь на различные, наиболее полные, система-

тизированные теории и концепции, проникающие в суть явлений и закономерностей [55, с. 389]. Подобное знание становится условием научно обоснованного управления обществом, эффективного регулирования уголовно-правовых отношений; оно включает в себя, например, концепции сущности уголовного права и взаимодействия его с иными социальными явлениями, механизма уголовно-правового регулирования и т. д. Отметим, что данный вид правосознания свойственен лицам, занимающимся научными исследованиями [90, с. 8]. Принимая уголовный закон, законодатель должен с помощью соответствующих научных подходов придать ему такие свойства, которые давали бы возможность правоприменителю не только правильно толковать его отдельные положения, но и достоверно устанавливать путем процессуального доказывания признаки преступлений, содержащихся в уголовно-правовых нормах. В противном случае эффективность уголовного закона будет низкой.

Основываясь на результатах философского анализа категории сознания, общая теория права часто ограничивается в исследовании лишь научным и обыденным правосознанием. Однако не менее важен такой промежуточный, относительно самостоятельный вид, как профессионально-практическое правосознание [30, с. 119], которое отдельные ученые необоснованно, с нашей точки зрения, отождествляют с обыденным [104, с. 67]. Этому виду правосознания посвящено значительное количество публикаций, но все же многие проблемы пока не решены [60, с. 17–26]. Б. Мелкевик правильно отмечает, что «ключевым вопросом применительно к индивидуальной виновности является не вопрос о том, кто „совершил деяние“ (или совершил „правонарушение“), а вопрос о том, кто сможет оценить (или охватить „сознанием“) „деяние“ с позиции той же совести?» [71, с. 126]. «Практическое правосознание, – поясняет Н.Я. Соколов, – имеет своих носителей – юристов-практиков, повседневно участвующих в правотворческой и правоприменительной деятельности, разъяснении законодательства» [113, с. 101]. Именно практическое правовое сознание играет важнейшую роль в воздействии на процессы правового регулирования общественных отношений. Отсюда можно заключить, что правотворчество и правореализация не будут эффективными, если они не опираются на практическое правосознание, в котором воплощен опыт воздействия на реальные общественные отношения [1, с. 11].

Под профессиональным правосознанием правоведа понимают одну из коллективных форм правового сознания, выступающую систему правовых взглядов, знаний, чувств, ценностных ориентаций и других структурных образований правового сознания общности людей, профессионально занимающихся юридической деятельностью, которая

требует специальной образовательной и практической подготовки [113, с. 12]. В отличие от обыденного профессиональное правосознание формируется путем соответствующей юридической подготовки в учреждениях образования по соответствующим учебным программам; специалист, обладающий профессиональным правосознанием, включается в механизм уголовно-правового регулирования только после итоговой аттестации и получения соответствующего документа об образовании (диплома). Правосознание предполагает значительно большую, чем у других граждан, широту связей с окружающей действительностью в сфере права, а также глубину и четкость мотивации профессиональной деятельности. В последующем механизм формирования профессионального правосознания включает в себя дальнейшее правовое воспитание и совершенствование профессиональной подготовки, в том числе и путем повышения квалификации в установленном порядке.

От состояния и уровня профессионального правосознания во многом зависит результативность применения уголовного закона [64, с. 30]. Правильно сформированное профессиональное правосознание – это средство эффективного, высококвалифицированного выполнения правоприменительной функции в случае нарушения уголовно-правового запрета. В то же время низкий уровень правосознания, его деформация могут существенно ослабить регулятивную функцию уголовного закона и повлечь нарушение законности. Именно на основе профессионального правосознания квалифицируются преступления, уточняются субъективные права и юридические обязанности субъектов уголовно-правовых отношений. Специфические черты профессионального правосознания юристов, его структура и функции изучаются также специалистами в области уголовного права, так как в его применении так важно правильно понимать сферу уголовно-правового регулирования (в виде специализированных уголовно-правовых знаний, навыков и умений, чувств и убеждений, ценностных отношений, установок и ориентаций): это форма группового и индивидуального правосознания юристов-профессионалов, осуществляющих регулирование специализированного поведения субъектов уголовно-правовых отношений по применению норм уголовного права [33, л. 162].

В зависимости от специализации деятельности по применению уголовного закона можно выделить профессиональное уголовно-правовое сознание судьи, прокурора, следователя, адвоката и др. Эффективность применения уголовного закона во многом зависит от именно профессионального правосознания, поскольку согласно ст. 19 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь «суд, орган уголовного преследования оценивают доказательства, руководствуясь законом и

своим внутренним убеждением, основанным на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств уголовного дела в их совокупности» [127]. Установка на усиление борьбы с преступностью при низком уровне профессионального правосознания и правовой культуры может породить на практике различные негативные явления. Еще встречаются факты нарушения учетно-регистрационной дисциплины, сокрытия преступлений, обвинительного уклона при расследовании уголовных дел. Так, исследуя профессиональное правосознание работников органов внутренних дел, П.П. Баранов установил, что в большей части оно авторитарно, ригористично, а по ряду признаков и репрессивно; для него характерна обвиняющая, карательная направленность [6, с. 8]. Следовательно, очень важно разработать и внедрить в деятельность правоохранительных органов систему мониторинга состояния профессионального правового сознания работников. В случае выявления негативных тенденций необходимо принимать соответствующие своевременные меры организационного и правового характера, не дожидаясь фактов нарушения законности.

Сочетание обыденного, практического и теоретического правосознания достаточно четко проявляется в уголовно-правовом законодательстве. Общая схема преобразования потребности в юридическую норму может быть следующей: непосредственно реагируя на нужды общественной жизни, обыденное правосознание акцентирует внимание субъектов, имеющих право законодательной инициативы, на необходимости создания, изменения или прекращения действия уголовного закона или его отдельных институтов и норм; затем эта потребность осмысливается на уровне практического правосознания, когда актуализируется регулирование определенных отношений уголовно-правовыми нормами. С учетом состояния обыденного правосознания, опираясь на опыт практического правосознания, теоретическое правовое знание способствует формированию и последующему созданию социально обусловленных уголовно-правовых норм, в процессе реализации которых изменяются, преобразуются и развиваются те или иные общественные отношения в соответствии с общественными потребностями.

Однако в реальной действительности схема перехода от одного вида правосознания к другому может быть несколько иной. Детальный анализ таких переходов позволяет превращать теоретические правовые знания в практическое правосознание и действие, а обыденное и практическое правосознание преобразовывать в теоретическое. Специалисты отмечают, что становление и развитие правовых идей необходимо рассматривать на нескольких уровнях (ступенях), каждый из которых представляет различные слои общества. Так, на первом из них правовая

идея зарождается и формируется в среде профессионалов, ученых; на втором – проникает в массы, приобретая сторонников и противников; на третьем – идея воплощается в нормы права и переходит на стадию практической реализации [10, с. 11]. Значит, в исследовании правосознания важно выявить динамику переходов от одного вида правосознания к другому; игнорирование или недооценка закономерностей этой динамики может негативно повлиять на эффективность уголовного закона.

Таким образом, эффективность уголовного закона во многом зависит от уровня правосознания участников уголовно-правовых отношений. Соотношение норм и принципов права с сознанием и действиями человека является, безусловно, необходимым условием исследования важнейших проблем теории права, в том числе эффективности правового регулирования [67, с. 15]. Будучи субъективным элементом механизма уголовно-правового регулирования, правосознание в большей мере обеспечивает его эффективность и на различных этапах решает разные задачи. Во-первых, качество уголовного закона в основном обуславливается правосознанием как важнейшим субъективным фактором уголовно-правового законодательства. Во-вторых, уровень правосознания неизбежно влияет на правомерное поведение граждан и проявляет себя в реализации уголовно-правовых норм. В-третьих, правосознание – гарантия правильного применения уголовного закона; от правосознания напрямую зависит эффективность деятельности субъектов, применяющих право.

2.4. Морально-этические принципы в оперативно-розыскной деятельности и их роль в формировании профессионального сознания сотрудников правоохранительных органов и специальных служб

Профессиональное правосознание сотрудников правоохранительных органов и специальных служб неразрывно связано и во многом определяется нормами морали, которая является одной из форм общественного сознания, выполняющей функцию регулирования поведения граждан в самых разнообразных сферах общественной и личной жизни. Этика, являясь наукой о морали, разрабатывает систему моральных категорий, закономерности их функционирования в обществе. Сформированные таким образом морально-этические принципы позволяют раскрыть познавательные и деятельностные функции оперативно-розыскной деятельности (ОРД).

Впервые мысль о необходимости исследовать в сфере ОРД морально-этические отношения была изложена Д.В. Гребельским в 1967 г. и поддержана Н.А. Стручковым. Работы А.Г. Лекаря, А.И. Алексеева и Г.К. Синилова, рассматривавших моральные нормы и отношения в ОРД, привели к формированию общей концепции морально-этических принципов в ОРД, которая заключалась в следующих позициях: из двух зол выбирается меньшее, коллизия обязанностей разрешается путем исполнения той из них, которая при сложившейся обстановке является с точки зрения морали более предпочтительной; проблемы оперативно-розыскной этики должны исследоваться не только на уровне морально-этических основ оперативной работы в целом, но и применительно к конкретным ситуациям ОРД, ее субъектам, методам, средствам; использование дезинформации в ОРД, т. е. предоставление некоторым лицам неполной, неточной, «исправленной» в соответствии с конкретными оперативно-розыскными задачами информации [89, с. 134–136].

Фактически все исследователи, рассматривающие ОРД с этической точки зрения, касались таких аспектов, как объяснение и разрешение нравственного конфликта, когда налицо готовящееся или совершаемое (совершенное) преступление, которое предотвратить или раскрыть иными средствами, кроме как оперативно-розыскными, не представляется возможным.

В действительности ОРД для непосвященных может выглядеть как нечто «неправильное» со своими возможностями «подслушивать» и «подсматривать». Однако такая работа необходима для достижения правильной цели. Применение ОРД государством с этической точки зрения есть не что иное, как моральный компромисс, на который оно вынуждено идти для достижения более значимых и благородных целей. Оперативно-розыскные силы, средства и методы представляют собой симметричный, адекватный ответ криминальным проявлениям со стороны государства. В этом суть диалектического метода применительно к природе ОРД.

Иными словами, оперативная работа обусловлена существованием преступности, ее средства и методы приспособлены для борьбы с ней, поэтому внешне могут выглядеть морально противоречивыми (например, действия по оперативному осмотру помещения, наблюдению за лицом и т. д. [8, с. 26–27]).

Изучению этих вопросов посвятил свои работы И.И. Басецкий, который развитие вышеуказанных отношений рассматривал через выполнение различных оперативно-розыскных функций (раскрытие преступлений подразделениями по борьбе с экономическими преступлениями, осуществление негласного сотрудничества). Основная идея ученого об

этической системе в ОРД заключается в том, что оперативно-розыскная работа как средство достижения нравственной цели вооружает оперативного сотрудника четкой этической ориентацией. Если ОРД осуществляется обоснованно и оперативно-розыскные меры направлены против реальных преступников, применяемые в ней средства и методы адекватны складывающейся ситуации и закону, то как оперативная работа в целом, так и ее конкретные мероприятия вполне соответствуют принципам и нормам морали.

Весомый вклад в разработку морально-этических основ ОРД внес А.Ф. Возный. Это дилемма нравственного и целесообразного в оперативной работе. По его мнению, цель определяет, но не оправдывает средство. Отсюда вытекает важное, на наш взгляд, профессионально-этическое требование: «в выборе средств осуществления ОРД должна соблюдаться строгая последовательность, и если оказывается, что ближайшая цель может быть достигнута лишь уничтожением нравственного характера более высокой цели, то первая должна быть отвергнута как нецелесообразное средство. Можно, руководствуясь голой целесообразностью, использовать помощь одного преступника для разоблачения другого, пусть даже более опасного, но нельзя в этом случае говорить о достижении нравственной цели» [20, с. 97–98]. В определенной степени позиция автора дискуссионная. В вопросах борьбы с преступностью важным является выработка механизма определенного поведения в соответствии с законом и соблюдением основ нравственности.

В целом позиции исследователей этики в ОРД сводятся к следующему.

Налицо тесная взаимосвязь морально-этических и правовых основ ОРД. Как государственно-правовая функция, ОРД должна обеспечивать органическое единство соблюдения законности и морали. Нравственные нормы учитываются при конструировании правовых норм либо включаются в состав последних.

Мораль, как и право, выполняет регулятивную функцию в ОРД. Специфика ОРД заключается в том, что для этой деятельности характерны отношения, которые не могут быть в полной мере урегулированы законодательными актами. В таких случаях основным критерием допустимости того или иного тактического приема выступают нормы нравственности.

В обществе мораль играет своеобразную охранительную роль, т. е. формирует негативное общественное мнение по отношению к противоправным действиям и лицам, их совершающим. Именно поэтому оперативные подразделения в своей деятельности имеют возможность

опираться на помощь отдельных граждан, государственных органов и общественных формирований.

Нормы морали выполняют охранительно-предупредительную функцию по отношению к личности оперативного сотрудника, препятствуя его профессиональной деформации, проникновению в его сознание норм и правил криминогенной среды. Это своего рода внутренний ориентир, позволяющий всегда принять оптимальное профессиональное и жизненное решение [8, с. 29].

Право содействует утверждению в обществе прогрессивных нравственных принципов, а мораль, в свою очередь, поддерживает право, способствует закреплению в нем высоких нравственных идеалов, повышению его эффективности [18, с. 168].

В повседневной жизни при решении больших и малых общественных и личных дел каждый человек часто встречается с необходимостью сделать моральный выбор, т. е. при наличии нескольких вариантов поведения остановиться на одном, наиболее соответствующем норме нравственности.

В ситуациях морального выбора человек принимает решения в меру имеющихся у него представлений о нравственном и безнравственном, которые формируются семейным воспитанием, школой, окружением и всем укладом жизнедеятельности общества.

При участии граждан в оперативной работе вопросы морального выбора определенных поступков, проявляющиеся в различных оперативно-розыскных ситуациях (от получения информации, проведения ОРМ до оперативных комбинаций), по-прежнему остаются в области нравственных установок, детерминированных новыми условиями противодействия преступности.

Становление, развитие, функционирование морально-этических принципов в ОРД, которые сформировались в рамках классической парадигмы теории ОРД и обеспечивали нравственными установками сотрудников органов внутренних дел, с трудом могут экстраполировать развивающейся системе объектов и континентов, представляющих оперативный интерес. На наш взгляд, надо говорить о профессиональном долге субъектов и участников ОРД, обеспечивающем эффективность решения задач ОРД.

Обобщая изучаемые нравственные отношения в ОРД, следует отметить, что они рассматривались через взаимодействие оперативных сотрудников и их руководителей, органов, осуществляющих ОРД, и лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе, оперативных сотрудников и лиц, в отношении которых проводятся ОРМ. Здесь осо-

бое значение приобретают личностные характеристики оперативного сотрудника, отражающие этические категории долга, чести, совести и т. д. Первостепенное значение приобретают не нормы общественной морали как таковой, а способность оперативного сотрудника руководствоваться ими в ситуациях отсутствия общественного контроля, понять, насколько значимы для него моральные нормы и правила, каково их истинное содержание. В этой связи имеет большое значение учение о долге (деонтология).

Энциклопедический словарь рассматривает деонтологию (от греч. deon, р. п. deontos – должное и ...логия) как раздел этики, изучающий проблемы долга и должного. Термин введен английским философом И. Бентамом для обозначения теории нравственности в целом. Деонтология – это учение о юридических, профессиональных и моральных обязанностях и правилах поведения медицинского работника главным образом по отношению к больному [76, с. 373].

Применение методики по раскрытию преступлений может не вызывать никаких сложностей и препятствий, но в специфике ОРД при ее динамичности и конфликтности, ходе исполнения разработанных рекомендаций могут не достигаться заявленные цели ОРД (преступление не удалось раскрыть). В таких случаях оперативный сотрудник осуществляет свою деятельность в условиях свободного выбора сил и средств, с применением навыков оперативного искусства, где вступает в действие моральное регулирование, являющееся основой деятельности оперуполномоченного, так как облегчает ему выбор правильной линии поведения и препятствует совершению им профессиональных ошибок.

Тем не менее указанный функциональный аспект в ОРД остается недостаточно исследованным. Имеющиеся проблемы в оперативно-розыскных отношениях обусловлены сложностями, связанными с характером социального уклада жизни лиц, участвующих в ОРД, а также личностными и профессиональными характеристиками этих граждан, которые подогнать под определенную матрицу невозможно.

Выработка основных направлений оперативно-розыскной деонтологии связана с объективной необходимостью совершения определенных действий, направленных для пользы общества; формированием позиции, что общественный долг не должен смешиваться с личными интересами; решением задач ОРД; осознанием сотрудниками совместного рационального поведения на основе общечеловеческих ценностей; формированием закономерностей должного поведения; разработкой правил поведения в различных оперативно-розыскных ситуациях с недопустимым обратным поведением, связанным с созданием условий возникно-

вения угрозы жизни и здоровью граждан; обеспечением свободы выбора поступков (запрещено склонять, подстрекать к совершению преступления). Здесь мораль и право находятся в единой диалектической взаимосвязи.

Основной методологической идеей в формировании теоретических представлений об оперативно-розыскной деонтологии являются разработка и подготовка процедуры обеспечения безопасности лиц, участвующих в ОРД, и соблюдения их прав и свобод. Данные технологии должны соответствовать основным направлениям в их работе: повышению эффективности деятельности субъектов и участников ОРД; ориентации лиц, участвующих в ОРД, на удовлетворение запросов потребителей при разработке мер по обеспечению их безопасности; улучшению деловой культуры и повышению мотивационной составляющей для лиц, оказывающих содействие оперативным подразделениям.

В современных условиях проблема научного управления лицами, участвующими в ОРД, не может осуществляться без их должного поведения, проявляющегося во взаимосвязи единства форм и содержания ОРД на основе нравственных установок человека. Другими словами, принципы оперативно-розыскной деонтологии связаны с познавательной и деятельно-конструктивной работой оперативного сотрудника. Исключение этих категорий из основного дискурса о человеческом факторе ведет к потере основных социальных связей в ОРД.

Рассматривая функции долга, Г.П. Медведева утверждает, что представление о должном содержании поступка есть представление об идеальном его содержании. Так, ведя речь о теоретико-методологической функции долга, она говорит, что он «позволяет сформировать представления о должном, т. е. идеальном, состоянии объекта: процесса, явления, поступка, вида деятельности, жизнедеятельности в целом – и определить основные параметры ее теоретического конструктора» [70, с. 99]. Она полагает, что долг выполняет прогностическую и когнитивную функции, т. е. личность, демонстрирующая должное поведение, становится понятной и прогнозируемой. Одновременно долг выполняет защитную функцию, предотвращая распад общественных отношений, направленных на борьбу с преступностью. Адаптивная функция долга заключается в содействии индивиду в приспособлении к функционированию в качестве полноценного члена группы, коллектива. Оценочно-сравнительная функция позволяет не только дать оценку отдельным проявлениям человека, но и выявить его отдельные характеристики, в том числе личностные качества. Деятельностно-практическая функция – формирование всей оперативно-розыскной практики на основе

долга и ответственности. Функция формирования статуса личности показывает, что на такую личность можно положиться, она становится предпочтительным участником совместной деятельности и отношений [70, с. 99–100]. Функции также имеют значение в регулятивном, воспитательном, познавательном, коммуникативном характере деятельности лиц, участвующих в ОРД.

При решении задач ОРД проявляются собственные интересы различных лиц, участвующих в данной деятельности. Эти интересы в какой-то степени взаимосвязаны. В рамках осуществляемого взаимодействия можно оценить вклад каждого участника в конечные результаты оперативного подразделения. Персонализация деонтологических принципов проявляется в установлении конкретных требований определенным лицам в зависимости от объема и характера решаемых ими задач. Такое деление связано с особенностями ОРД, а также технологиями и организацией процесса участия лиц в ОРМ, так как по функциональному принципу субъекты выступают основными, а участники – вспомогательными лицами.

Очень важно остановиться на разработке и принятии основных требований ОРД: построение нравственных отношений (способы осуществления деятельности на основе ценностных нравственных ориентиров, основанных на характере справедливости и человеколюбия); формирование межличностных отношений; преданность служебному долгу; требовательность; гуманность¹; устойчивость к криминальной среде; особенности социализации.

Для субъектов ОРД выделяют такие требования, как корпоративность (объединение субъектов и участников ОРД в соответствии с морально-этическими нормами путем установления определенных правил поведения при осуществлении рассматриваемой деятельности); инициативность (способность субъектов и участников ОРД, выраженная в активности, предприимчивости принятия решений, основанная на внутреннем побуждении реализации морально-этических норм и правил в сфере специфических оперативно-розыскных отношений); индивидуальность (подход, основанный на индивидуальных особенностях личности по привлечению, отбору, обучению и воспитанию негласного сотрудника на основе беспристрастного отношения к гражданам, участвующим в ОРД).

На наш взгляд, оперативно-розыскная деонтология – правила должного поведения на основе морально-этических принципов субъектов,

¹ ОРД наполнена участием так называемых вспомогательных персон, а их деятельность регулируется как общими требованиями к профессиональной деятельности, так и узкоспециализированными подходами, направленными на обеспечение этически обоснованного поведения граждан в процессе выполнения поручений оперативного сотрудника.

которые делегируют определенное поведение участникам для решения задач ОРД.

Следует отметить, что «этические учения включают в себя скорее деонтологическую дидактику, нежели деонтологическую теорию, т. е. дают более менее конкретные рекомендации, не раскрывая смысла самого понятия долга» [70, с. 21].

Если, по мнению И. Бентама, любые действия следует поощрять или порицать с позиции пользы для человека либо группы людей, то в современных условиях оперативно-розыскная деонтология, полагаем, должна раскрывать: нравственные поступки оперативного сотрудника при осуществлении ОРД; действия оперативника, проявившиеся по отношению к лицам, содействующим оперативным подразделениям; традиции и правила в профессиональном коллективе; механизм проведения ОРМ на основе нравственных требований для лиц, не имеющих твердых моральных установок; готовность решать задачи субъектами и участниками ОРД; механизм участия граждан в ОРД на основе нравственных требований.

О научной плодотворности подобных установок может свидетельствовать пример выбора единственно верного поступка в конкретной оперативно-тактической ситуации, основанного на соответствии норм морали и права.

Проблема критериев нравственности ОРД требует освещения с трех основных сторон: с позиции ее соответствия принципам морали, а также отдельным силам, средствам и методам ОРД и ситуациям их применения; с позиции моральности действий субъектов ОРД, согласованности действий с моральным обликом индивида; с позиции моральной мотивации своих поступков, обосновывая, оценивая их как перед коллективом, так и собственной совестью.

Остановившись на нравственных поступках лиц, участвующих в ОРД, следует отметить, что, оставив им выбор определенных действий, можно встретить поведение, внешне соответствующее интересам службы, однако у одинаковых поступков может быть различная мотивация, которую определить (выделить) почти невозможно. В этой связи построение общей корпоративной культуры в оперативном подразделении является важной составляющей формирования сознания сотрудников. Речь идет о модели поведения оперативных сотрудников при осуществлении ОРД, а также этих сотрудников к лицам, участвующим в данной деятельности, и непосредственно к собственному поведению ее участников.

Такое поведение должно формироваться при подготовке оперуполномоченного. Оно направлено на формирование мировоззрения, обеспе-

чивающего реализацию общечеловеческих ценностей, которые призваны соблюдать принципы ОРД (законность, соблюдение прав, свобод и законных интересов граждан и организаций).

Фактически должное поведение мобилизует сотрудников и формирует корпоративное сознание, отвечающее интересам оперативного подразделения. При расширительном толковании складывающиеся социальные процессы должны решаться на основании вопросов, связанных с борьбой с преступностью. Здесь оперативно-розыскная деонтология проявляется как процесс формирования закономерностей должного поведения, что позволяет все меньше применять внешний контроль за поведением сотрудника.

Наиболее остро проблемные вопросы оперативно-розыскной деонтологии проявляются во взаимодействии оперативных сотрудников с лицами, содействующими оперативным подразделениям. Необходимо вести речь о разработке значимых подходов в организации работы оперативного сотрудника с указанными гражданами, построенных на честности, гуманизме и человеколюбии. В данном случае должное поведение со стороны органов, осуществляющих ОРД, обязано заключаться в нравственно осознанном принятии мер по обеспечению безопасности участников ОРД и их близких, проведении инструктажа, даче заданий лицам, содействующим оперативным подразделениям, только с целью решения задач ОРД и с обязательным условием недопущения со стороны субъектов и участников ОРД провокации и подстрекательства к совершению преступлений. Данные действия должны строиться на основе стойких ориентаций, направленных на обеспечение ценностного поступка для общества и человека. Осуществление реальной обеспеченности должного поведения субъектов и участников ОРД может быть связано с решением их общественных и личных интересов, отсутствием между ними различных противоречий.

С позиции понимания указанных аспектов представляется важным выработать необходимые требования к участию граждан в ОРД, соблюдение которых создаст предпосылки для успешной деятельности оперативного подразделения, соблюдения законности при ее осуществлении, и тем самым сформировать методологические подходы по их правовой и социальной защите. Должное поведение оперативного сотрудника должно быть связано со случаями осознания участниками ОРД принятых достаточных мер для обеспечения их безопасности и создания условий по успешному решению стоящих задач. Такое поведение должно формировать чувство принадлежности к определенной группе сотрудников (речь идет о содействующих лицах) и осознания ответственности

оперативников перед ними и за порученное дело. Тот факт, что для оперативника представляет интерес содействующее лицо, давшее согласие на сотрудничество, четко показывает, что никому, кроме сотрудника, не приходится так глубоко вникать в бытие гражданина с его сложным психическим и нравственным миром.

Неоднократно рассматривая принятие тех или иных оперативно-розыскных мер, полагаем, что требования соблюдения законности являются главенствующими в деятельности оперативных подразделений, а вопросы мотивации совершения поступков должны рассматриваться из чувства долга, которому должны служить определенные лица, участвующие в ОРД. Этот вопрос в ОРД оставался недостаточно изученным и требует своего исследования.

Разработать единую систему долженствования практически невозможно. Связано это с тем, что здесь работают собственные элементы воспитания человека и его нравственные установки, которые могут быть различны. Оперативно-розыскная деонтология рассматривает поведение субъектов в контексте решения ими задач ОРД прежде всего самостоятельно и с привлечением других граждан, которые принимают нормы поведения, принятые в оперативно-розыском подразделении (оргane) и от оперативного сотрудника.

Действительно, лица, участвующие в ОРД, связаны выполнением долга, но этот процесс может протекать по-разному. Если человек добр, то и поступки его будут нести добро, но это необязательно относится к каждому человеку. Следовательно, профессиональная этика должна иметь поведенческую матрицу, позволяющую выполнять свой долг, как правило, в ситуациях конфликтных, когда нет возможности долго анализировать и приходится принимать решение быстро, исходя из собственных нравственных установок.

Следует отметить, что нравственные начала субъекта могут привести к ситуации возможного двойственного поведения. В таких случаях его поступки должны быть более регламентированы, определены пределами участия в конкретных оперативно-тактических ситуациях. Здесь деонтология заставляет человека действовать на благо общества, несмотря на возможно имеющиеся место слабые собственные нравственные установки.

Казалось бы, отдельные аспекты данного вопроса частично решены не только на теоретическом, но и практическом уровне. Многие действия субъектов и участников ОРД получили организационную самостоятельность (речь идет об участии граждан в ОРМ, руководстве негласными сотрудниками и т. д.), но в складывающихся отношениях «человек – человек» проявляется не только общий подход к решению

задач ОРД, но и определенный тип мировоззрения, связанный с умением тонко чувствовать внутреннее состояние участника ОРД в обстоятельствах постановки ему задач при использовании его в различных оперативно-розыскных ситуациях. Главными условиями здесь обязаны выступать правила, согласно которым предлагаемое поведение не должно противоречить внутреннему миру участника ОРД, ему должно быть разъяснено необходимое поведение, не нарушающее закон, добровольное и сознательное выполнение поручений оперативного сотрудника на основе гуманизма и обязательного исполнения механизма сохранения безопасности собственной жизни и здоровья.

Механизм формирования ответственного отношения к деятельности должен быть сформирован на основе взаимосвязи и соответствия должного поведения с их обязанностями.

Для оперуполномоченного осуществление ОРД не вызывает таких противоречивых реакций, как для обычных граждан. Связано это с внутренним, субъективным отношением к долгу борьбы с преступностью. Реализация принципа «он должен» (по отношению к содействующим лицам) должна обеспечиваться надлежащей защитой по выполнению этого долга. Разработанность этих постулатов является неотъемлемым долгом исследователя и юриста-практика, выстраивающих в многоаспектной деятельности оперативного сотрудника возможность качественного выполнения собственного долга человеком, участвующим в ОРД.

Содержание оперативно-розыскной деонтологии (как и в целом деонтологии) состоит в передаче внутреннего состояния во внешнюю среду, при этом предметная деятельность направлена на интересы общества при обстоятельствах, не противоречащих интересам самого человека, и в условиях отсутствия проблемных ситуаций при его участии в противостоянии преступности. В данном случае должны действовать не банальные механические поступки по вовлечению лиц в ОРД, а действия сотрудников, наделенных высокой квалификацией, направленные на обеспечение безопасности лиц, вовлеченных в ОРД, независимо от того, насколько адекватно эта необходимость понимается и учитывается ими и их близкими. Речь идет о случаях, когда оперуполномоченный несет ответственность за свои действия и поступки лица, которому дано поручение на проведение ОРМ (например, конфиденту).

Подготовка вопроса об оперативно-розыскной деонтологии не может быть ограничена передачей части своих обязанностей другим лицам. Если дается поручение о проведении гражданином ОРМ, то этот факт не снимает ответственности с оперуполномоченного, а, наоборот, повышает его моральный долг перед этим гражданином и заставляет вести себя исключительно на основе деонтологических принципов.

Речь идет о разработанном едином содержании нравственного сознания у субъектов ОРД, направленном на способы регулирования поведения граждан. Здесь должны проявляться основные направления работы оперативника, к которым можно отнести непосредственное выполнение своих профессиональных обязанностей, обеспечение безопасности лиц, привлекаемых для осуществления ОРД.

Поведение строится исходя из собственной морали, но в группе личностных принципов долг перед обществом у гражданина может быть минимальным, поэтому надеяться на его стремление качественно работу (которую ему может показаться, что навязали) приходится слабо. Для того чтобы не отдать полностью ему на откуп его поступок, оперативный сотрудник должен действовать в соответствии с механизмом (порядком) участия граждан в ОРД. В рамках разработанных технологических процедур, направленных на решение задач ОРД, важным критерием (условием) качества такой работы выступает отсутствие у лица деструктивного поведения, внутренних противоречий (поступать так, а не иначе), наличие уверенности, что его права и свободы не ущемлены, его интересы сохранены в нормальных условиях оперативно-розыскной работы. У инициаторов проведения ОРМ кроме чувства долга перед лицами, оказывающими содействие оперативным подразделениям, должна быть ответственность за свои поступки. Оперативные сотрудники должны обеспечить безопасность лиц, выполняющих их поручение, при этом обязаны выполнить определенные требования, поэтому долг и ответственность – образцы жизнедеятельности и поведения граждан, которые формируют уважительное отношение между субъектами и участниками ОРД.

Разнообразие оперативно-розыскных ситуаций, складывающихся в деятельности оперативного сотрудника, не позволяет прописать алгоритмы определенного поведения. В таком случае мы можем вести речь о нравственности, по И. Канту, как о практическом правиле, велении или запрете, благодаря которым сам по себе случайный поступок делается необходимым [70, с. 74]. Ситуации, объясняющие необходимость совершения нравственных поступков, ведут к пересмотру ряда методологических принципов и установок в связи с необходимостью защиты прав и свобод личности в ОРД. Если этот поступок с точки зрения морали выступает необходимым, то возможна его дальнейшая правовая регламентация.

Важно понимать, что, решая эту сложную задачу (оправданную с точки зрения нравственности), ограничиваться лишь указанием на одни нормы права, являющиеся различным уровнем обобщения практики, представляется недостаточным. Анализируя нормы, связанные с вынуж-

денным совершением преступления, видны недостатки в формулировке профессионального риска в ОРД, а точнее их отсутствие, хотя по сложности и глобальности данное явление в ОРД не имеет себе равных.

Безусловно, личность сама выбирает определенное поведение (поступок). Стремление поступить определенным образом обусловлено социальным статусом и профессиональной должностью лица. Выбор поведения на основе собственного мировоззрения и свободы принятия решений лицами, содействующими оперативным подразделениям, представляется сложным по ряду причин, основной из которых является то, что лицам, участвующим в ОРД, приходится действовать в простых и сложных ситуациях, иногда в конфликтных, переходящих в криминальные.

Готовность помочь людям, обществу решать задачи ОРД является первостепенным в мотивационной части возможностей и способностей человека.

При этих обстоятельствах ликвидируется определенный разрыв между теоретическими установками и практическим применением сил и средств ОРД. Полезное содержание взаимосвязи оперативно-розыскной деонтологии с технологическими процессами в борьбе с преступностью должно максимально соответствовать решению задач ОРД.

Здесь надо исходить из того, что мотивационная составляющая указанных лиц состоит прежде всего из собственного желания или необходимости осуществления такой деятельности. Следует учитывать, что у данных лиц возникает потребность в оценке их деятельности и уважения к самому себе. Сохранение лица и доброго имени лицам, содействующим в столь специфической и сложной деятельности, должно являться обязанностью органа, осуществляющего ОРД. Такие поступки должны проявляться не на словах, не в формальном отношении, а в реальной помощи, в конкретных случаях социальной и правовой защиты лиц, участвующих в ОРД, и т. п.

Лицемерное отношение отдельных сотрудников к гражданам, оказывающим помощь оперативным подразделениям, ведет к потере дальнейшей связи и возможности долгосрочного сотрудничества. Обойтись общеизвестной фразой «не делай другим того, чего не желаешь себе» недостаточно, так как имеющиеся деонтологические принципы оперативно-розыскной деятельности перетекают к гражданам, содействующим оперативным подразделениям, и формируют безукоризненное поведение с точки зрения соблюдения законности и нравственности в ОРД. Надо понимать, что поведение оперуполномоченного дополняет поведение лиц, выполняющих поручение сотрудника. Следовательно, такой факт развивает профессиональные отношения и способствует эффективному решению задач ОРД. В связи с этим способность принимать морально-

нравственные подходы и содержание этических постулатов позволяет, во-первых, улучшить условия работы, во-вторых, обеспечить стабильное функционирование лица (без его расшифровки), в-третьих, сохранить благополучие лица (принятие мер к его защите). Рассматриваемый переход этической системы от оперативного сотрудника к гражданам, содействующим оперативным подразделениям, связан с определением (выделением) мотивации последних как движущей силы сотрудничества, но неизменным должно оставаться влияние на подсознание человека поступков оперативника с целью формирования его правильного поведения. Данные факты зависят от личности оперативного сотрудника, его субъективных качеств, способности убеждать в определенных действиях и формировать мировоззрение человека или, в крайнем случае, определенные навыки.

Если ОРД – государственно-правовое средство защиты личности, общества, государства от преступных посягательств, социально обусловленное и крайне необходимое, с определенными функциями, то и участие лиц должно быть в едином стремлении направлено на достижение целей ОРД и решение ее задач. Конфликта между ними не должно быть, а имеющиеся противоречия соответствующим образом разрешены с учетом интересов сторон. Представляется возможным разрешать имеющиеся пробелы в правовом, организационном и тактических аспектах, а также принимать меры по совершенствованию этических и нравственных основ ОРД.

Основные противоречия при разрешении конфликтных ситуаций находятся в межличностном понимании должного, ценного и необходимого. В случаях сущностных противоречий по данным понятиям лиц, участвующих в ОРД, приходится сталкиваться с проблемами, решение которых возможно лишь при едином отношении к деонтологическим принципам этих лиц и единообразном использовании знаний о нравственности, а также о правильном функционировании рассматриваемого института и развития всех его структурных элементов.

Именно поэтому конфликт ценностей и интересов субъектов и участников ОРД должен разрешаться незамедлительно, с наиболее эффективными способами конечного результата. На современном этапе развития теории и практики оперативно-розыскной науки это может быть выражено следующими факторами.

Участие в ОРД у одних лиц – профессиональный долг, у других – осознанное, добровольное, желательно закрепленное письменно желание участвовать в ОРМ. Специфика деятельности субъектов и участников ОРД требует определенного профессионализма и вызывает необходимость развития навыков и умений указанных лиц, а деонтологической

нитью здесь является безопасность личности, общества, сохранение их интересов, прав и свобод, а также интересов других субъектов.

Проведение ОРД не должно осуществляться для личных интересов, а лишь для целей и задач ОРД, обеспечивающих блага для общества и человека. Работа субъектов и участников ОРД основана на нравственных представлениях отдельного человека, пока сложно определяемых и проявляемых в условиях агрессивной криминальной среды, но в нравственной мотивации, какой бы она не была индивидуальной, должен всегда присутствовать общественный фактор, развивающий сознание граждан, направленное на качественное выполнение служебного или общественного долга.

Таким образом, представления о развитии принципов этики, морали как важных составляющих элементов в вопросах борьбы с преступностью позволяют добиться максимального успеха при решении стоящих задач. Даже внешне разыгранное отношение оперативника к гражданину ведет к улучшению их согласованной деятельности в борьбе с преступностью, поэтому исследования в области человеческих отношений являются своеобразной призмой, через которую выстраиваются познавательные и деятельно-конструктивные возможности оперативных подразделений.

В классическом понимании должное поведение лиц, участвующих в ОРД, опирается на систему ценностей общества, оперативного подразделения, оперуполномоченного, но проявляется, на наш взгляд, в нравственных поступках оперативного сотрудника; его отношении к лицам, содействующим оперативным подразделениям; традициях и правилах, сформированных в профессиональном коллективе; механизме проведения ОРМ на основе нравственных требований для лиц, не имеющих твердых моральных установок; развитии готовности у лиц, вовлеченных в ОРД, решать ее задачи; разработке механизма участия граждан в ОРД на основе нравственных требований.

Представленная структура оперативно-розыскной деонтологии показывает процесс формирования правосознания в ОРД, позволяет представить содержание этой деятельности и направления ее развития.

Уровень осознания системности развития оперативно-розыскной деонтологии проявляется при определенных действиях, направленных на формирование позиции, что общественный долг не должен смешиваться с личными интересами; осознание сотрудниками коллективного рационального на основе общечеловеческих ценностей; формирование закономерностей должного поведения; разработку правил поведения в различных оперативно-розыскных ситуациях с недопустимым обрат-

ным поведением, связанным с созданием условий возникновения угрозы жизни и здоровью граждан; обеспечение свободы выбора поступков (запрещено склонять, подстрекать к совершению преступления); разработку и подготовку процедуры обеспечения безопасности лиц, участвующих в ОРД, и соблюдения их прав и свобод; улучшение деловой культуры и повышение мотивационной составляющей для лиц, оказывающих содействие оперативным подразделениям.

2.5. Реализация в законодательстве основных положений нормотворческой техники как фактор, влияющий на формирование профессионального правосознания сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность

В современной юридической науке как определение правосознания в целом, так и определение профессионального правосознания в частности, продолжает оставаться дискуссионным [63, с. 66].

Тем не менее отдельные характеристики профессионального правосознания не вызывают возражений в силу своей очевидности. Представляется, что к таковым можно отнести и определение профессионального правосознания, данное Н.Я. Соколовым, характеризующим его «как одну из коллективных форм правового сознания, выступающую как система правовых взглядов, знаний, чувств, оценочных ориентаций, других структурных образований правового сознания общности людей, профессионально занимающихся юридической деятельностью, которая требует специальной образовательной и практической подготовки» [113, с. 12]. Разделяя в целом представленную позицию, О.В. Красножон отмечает, что «профессиональное правосознание юриста – это правосознание, сформированное в условиях осуществления конкретной юридической практики. Его особенность состоит в том, что оно складывается в условиях досконального знания правовых норм, регулирующих конкретный вид юридической деятельности, и определенных юридических процедур» [63, с. 66–67]. Полагаем, следует отметить в связи с этим, что доскональное знание правовых норм возможно лишь при условии, что содержание законодательства способствует этому и отвечает основным требованиям нормотворческой техники, таким как «ясность, простота и доступность языка изложения нормативного правового акта, исключаящее различное толкование его нормативных правовых предписаний, отсутствие внутренних противоречий» [79].

Это требование тем более применимо к законодательству оперативно-розыскному в силу его правовой и содержательной уникальности, выра-

жающейся в том, что компетентные государственные органы наделены исключительными полномочиями по получению необходимой информации негласно, ограничивая права и свободы граждан, в том числе конституционные.

Учитывая, что возможности общественного контроля за названной разновидностью юридической деятельности минимальны, развитое профессиональное правосознание правоприменителей становится определяющим фактором ее законности.

Открытое оперативно-розыскное законодательство имеет сравнительно краткую историю и находится в стадии формирования. На многие принципиальные вопросы, необходимые в первую очередь правоприменителям, к сожалению, оно не дает ответа. Это не лучшим образом сказывается не только на принимаемых решениях, содержании и качестве научных исследований, но и на формировании профессионального правосознания юристов.

Напомним, что процесс принятия норм открытого оперативно-розыскного законодательства Республики Беларусь продолжается около трех десятилетий. Начался он не с чистого листа и имеет свою историю. К слову, это была закрытая сфера ведомственного правового регулирования, недоступная юридической общественности. Теория оперативно-розыскной деятельности возникла и развивалась в ОВД в контексте тех задач по борьбе с преступностью, которые были возложены на данное ведомство государством. Содержание этой теории было детерминировано как возложенными на сотрудников органов внутренних дел обязанностями, так и предоставленными им правами.

Органы государственной безопасности обладали для решения поставленных перед ними задач несравнимо большей компетенцией, особенно в части добывания информации с помощью мероприятий, существенно ограничивающих конституционные права и свободы граждан.

Необходимо отметить, что как сведения об организации и тактике оперативно-розыскной деятельности ОВД, так и об оперативной работе органов государственной безопасности, были ведомственными секретными сведениями, охраняемыми соответствующими нормативными правовыми актами. Доступ к таким сведениям был закрыт, в том числе и для сотрудников других организаций. Это не лучшим образом сказывалось не только на взаимодействии в области правоохранительной деятельности, но и на сотрудничестве в сфере научных исследований.

На начальном этапе разработки нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность по негласному добыванию информации компетентными государственными органами в пределах решаемых ими задач, законодателью было представлено на рассмотрение несколько про-

ектов Законов СССР – «Об оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел», «Об оперативной деятельности органов государственной безопасности», «Основы оперативной деятельности правоохранительных органов Союза ССР и республик», «Федеральный оперативный кодекс» [44, с. 4]. Однако законотворческий процесс был прерван разрушением Советского Союза. В дальнейшем он продолжился в рамках национального правотворчества, где на его содержание продолжали оказывать влияние не только правовые, но и политические факторы.

Белорусский законодатель в феврале 1991 г. принял Закон «О милиции» [77], а также постановление «О порядке введения в действие Закона Республики Беларусь «О милиции» [80], поручив Совету Министров в течение 1991 г. разработать и представить на рассмотрение парламента Республики Беларусь проекты законов «О профилактике правонарушений» и «Об оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь». Следовательно, законодатель предполагал необходимым принятие отдельных законов о наделении правом получать информацию негласно и других ведомств, в зависимости от их компетенции и особенностей деятельности по решению поставленных задач. Но в результате был подготовлен и 12 ноября 1992 г. принят проект единого для всех субъектов ОРД Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [82].

Начало 90-х гг. прошлого века на постсоветском пространстве характеризовалось нестабильной политической, экономической и социальной обстановкой, что само по себе предъявляло особые требования к уровню правосознания правоохранителей. Легализация оперативно-розыскных норм поставила перед ними новые непростые задачи. ОВД существенно расширили свои правомочия в сфере негласного получения информации. Органы, обеспечивающие государственную безопасность, вынуждены были корректировать свою деятельность, соотнося ее с непривычной для них терминологией закона. Появились ведомства, которым закон предоставил оперативно-розыскные полномочия впервые. Естественно, названные факторы требовали существенной корректировки профессионального правосознания как при решении задач, поставленных государством перед правоприменителями, так и при организации ими взаимодействия между собой.

Реформирование оперативно-розыскного законодательства представляет собой процесс перманентный. Кроме вносимых в Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» «текущих» изменений и дополнений, мы получили в 1999 г. [83] и 2015 г. [84] новые его редакции, а в 1997 г. – соответствующий Модельный закон [78]. Однако по ряду важнейших проблем в оперативно-розыскных нормах и в настоящее время

на них нет ответа законодателя, что негативно сказывается на уровне профессионального правосознания. Важнейшими из таких проблем нам представляются следующие.

Статья 1 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» говорит, что «оперативно-розыскная деятельность – деятельность, осуществляемая... государственными органами... проведением оперативно-розыскных мероприятий гласно и негласно» [84], т. е. оперативно-розыскная деятельность есть получение информации путем осуществления оперативно-розыскных мероприятий.

Но в этой части вышеназванный закон явно противоречит не только науке и практике оперативно-розыскной деятельности, но и содержанию самого закона. Совершенно справедливо излагает в своей научной работе А.В. Шахматов: «Вековая практика использования негласных сил, средств и методов полицейскими и специальными службами разных стран в борьбе с политической и общеуголовной преступностью показывает, что первое место среди них, даже при результативности современной электронной разведки, справедливо занимает агентурный метод, являющийся формой реализации права органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, на привлечение отдельных лиц на конфиденциальной основе к подготовке и проведению оперативно-розыскных мероприятий [133, с. 39]. Иными словами, содействие граждан и оперативно-розыскные мероприятия есть два основных взаимосвязанных средства решения оперативно-розыскных задач, а деятельность по принятию содействия граждан и осуществление оперативно-розыскных мероприятий являются структурными элементами оперативно-розыскной деятельности. Складывающиеся при реализации названных структурных элементов оперативно-розыскной деятельности общественные отношения, являясь предметом правового регулирования государства, позволяют определить как сущность, так и границы оперативно-розыскной деятельности.

Вполне понятно, что для правоприменителя крайне важно понимать истинное положение вещей: лицо, оказывающее ему содействие в оперативно-розыскной деятельности, является средством получения необходимой информации, как и оперативно-розыскное мероприятие, либо оказывающее содействие лицо – субъект ОРД. Без ответа на этот вопрос невозможен системный подход к содержанию оперативно-розыскной деятельности, определение стратегического вектора соответствующих научных исследований. Стоит отметить, что от ответа на этот вопрос принципиально зависят содержание правосознания оперативного сотрудника правоохранительного органа и организация работы с гражданами, оказывающими содействие.

Но ни правовую природу содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, ни юридическую сущность самих оперативно-розыскных мероприятий нельзя объективно исследовать, игнорируя правовое содержание термина «негласность» применительно к оперативно-розыскной работе.

До принятия на постсоветском пространстве законов об оперативно-розыскной деятельности проблемы негласного получения информации как проблемы юридической науки не стояло. В законах об этом не говорилось, все вопросы разрешались ведомственным нормотворчеством через секретные либо совершенно секретные акты. Не только сведения об организации и тактике такой работы, но даже сведения о проведении такой работы были недоступны для открытого обсуждения. Межведомственное обсуждение подобных проблем представляло немалые трудности и сводилось, как правило, к взаимодействию по определенным конкретным делам, с завершением которых заканчивалось и взаимодействие.

Тем не менее в ОВД и в органах государственной безопасности не было сомнений по поводу того, что основной фундаментальной категорией оперативно-розыскной деятельности (следовательно, и оперативно-розыскных отношений) является негласность. Таким образом, задолго до появления открытого оперативно-розыскного законодательства негласность признавалась сущностью оперативно-розыскной деятельности, определяющей саму ее природу. Тем не менее в законе первая попытка обратиться к содержанию негласности была предпринята только в 2015 г. Но и в этом случае речь не шла о правовой природе данного определения.

Повторим, что целью (прогнозируемым результатом) оперативно-розыскной деятельности является получение информации, которая необходима государственным органам, наделенным правом ее осуществления, для решения поставленных перед ними задач.

В тех случаях, когда собственник (владелец) необходимой нам информации не мотивирован на ее сокрытие от нас, искажение либо уничтожение, мы имеем возможность обратиться к такому субъекту непосредственно и получить требуемую информацию добровольно либо в результате реализации возложенной на такого субъекта обязанности. В таких ситуациях чаще всего используются общие методы (способы) познания – опрос, исследование, наблюдение, эксперимент, анализ, синтез, абстрагирование и т. д. Исключительно важно то, что мы действуем гласно, не скрывая от собственника (владельца) ни свой интерес, ни требуемый объем информации.

Совсем по-иному мы вынуждены действовать, когда информация крайне необходима, а ее собственник (владелец) не мотивирован на вза-

имодействие, сотрудничество с нами, стремится утаить информацию, исказить ее, а нередко и уничтожить. Как правило, речь идет о подозреваемых в создании угроз национальной безопасности, совершении преступлений и их соучастниках. Объективно требуется получить информацию помимо воли и желания его собственника (владельца), т. е. тайно, с использованием специальных средств, в первую очередь технических, т. е. умышленно безвозмездно завладеть чужой информацией.

Не имея иной возможности для получения оперативно-розыскной информации гласно, государство, руководствуясь соображениями крайней необходимости, легализует на уровне закона тайное изъятие информации у ее собственника (владельца). В данном случае цель получения информации – решение крайне важных для государства и общества задач.

В этом юридическая сущность негласности оперативно-розыскной деятельности. Она предопределяет уникальность оперативно-розыскной работы и сходство оперативно-розыскных отношений, т. е. предмета правового регулирования оперативно-розыскного законодательства.

Представляется, что усвоение и понимание правовой природы основных категорий оперативно-розыскной деятельности, наиболее острого и эффективного средства в ликвидации и минимизации угроз национальной безопасности, является базисом формирования профессионального правосознания сотрудников правоохранительных органов и спецслужб, надежной основой результативного их взаимодействия.

Понимание правовой природы негласности оперативно-розыскной деятельности позволяет предложить разрешение одной из острейших дискуссий о сущности и содержании оперативно-розыскных правоотношений. Ряд ученых, специалистов в области теории права категорически отказывались признавать даже саму возможность существования оперативно-розыскных правоотношений. Нам представляется, что подобная позиция чаще всего являлась результатом отсутствия серьезных научных теоретических исследований самой правовой природы оперативно-розыскной деятельности [98, с. 3].

Обращаясь к названной проблеме, полагаем целесообразно еще раз обратить внимание на основные аргументы о существовании и реализации оперативно-розыскных правоотношений, в том числе и при ее осуществлении негласно. Белорусский законодатель в 1999 г. принял знаковое законодательное решение, указав в преамбуле Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», что он «определяет содержание оперативно-розыскной деятельности, регулирует правоотношения, возникающие в ходе ее осуществления». Казалось бы, законодатель изложил вполне определенно. Оппоненты возражают, что в правоотношении каждый субъект должен быть не только конкретен, но иметь конкретные

права и конкретно знать противостоящих ему субъектов. Но в таком случае и все абсолютные правоотношения должны быть вычеркнуты из списка классических правоотношений. Но реализацию правовой нормы (норм) в отдельном правоотношении вне правовой системы представить невозможно. Это касается в полной мере и оперативно-розыскных правоотношений. Любой гражданин знает о своей конституционной обязанности законопослушания. В этом случае ему гарантируется государством неприкосновенность его прав и свобод. Если поведение гражданина не соответствует правовым предписаниям, либо нарушает их, то такие факты, в соответствии с Законом «Об оперативно-розыскной деятельности», могут рассматриваться как основания для получения необходимой информации о нем, в том числе негласно, в целях обеспечения национальной безопасности. Другими словами, такой гражданин заведомо знает об основаниях и условиях, при наличии которых конкретно он должен будет претерпеть ограничение прав и свобод, в том числе и конституционных, т. е. исполнить юридическую обязанность. Исполнение такой обязанности органично связано с реализацией права, предоставленного сотруднику оперативно-розыскного органа, решающего, задачи, поставленные перед ним законодателем.

Понимая, что в такой ситуации гражданин ограничен в защите своих прав и свобод, законодатель устанавливает целый ряд гарантий, которые должны обеспечить строгое соблюдение законности в сфере негласной деятельности. Это основания и условия для производства оперативно-розыскных мероприятий, обязательность разрешений на их осуществление со стороны компетентных государственных органов (прокуратуры либо суда), установление сроков их производства, возможность судебной защиты и т. д.

Таким образом, оперативно-розыскные правоотношения полностью соответствуют общетеоретическим представлениям о сущности и содержании института правоотношений [98, с. 182–188].

Еще раз обращаем внимание, что решение исследуемой проблемы имеет не только юридическое, но политическое значение. Признание того обстоятельства, что в юридической деятельности, урегулированной нормами закона, не возникают правоотношения, влечет сомнение в законности такой деятельности. Не исключено, что в определенной социальной ситуации сотрудникам правоохранительных органов и спецслужб вновь предъявят претензии, если не обвинения, в осуществлении неконституционной, неправовой деятельности. В реальной жизни это создает у оперативных сотрудников чувство неуверенности, правовой неопределенности, влечет изъяны в профессиональном правосознании, что крайне нежелательно.

Научное обоснование сущности, содержания и особенностей реализации оперативно-розыскных правоотношений позволяет внести ясность в вопросе о субъектах и участниках оперативно-розыскной деятельности, их правовом статусе и соотношении с понятием субъектов оперативно-розыскных правоотношений. Свою позицию мы излагали еще около десяти лет тому назад. Участник деятельности – понятие значительно более широкое по объему, нежели субъект деятельности. Между собой они соотносятся как целое и часть, причем часть эта (т. е. субъекты) наиболее активная. Они непосредственно иницируют, изменяют и прекращают деятельность, осознают ее преобразующий характер по отношению к окружающему миру, прогнозируя ее цели и разрешая стоящие в связи с этим задачи.

Остальная часть участников не столь активна. Они вовлекаются в деятельность, как правило, по решению субъекта, действуют в границах такого решения и в связи с этим нередко даже не осознают ее целей и задач.

Характерными чертами субъекта оперативно-розыскной деятельности являются:

принадлежность к физическим лицам;

занятие должности в оперативно-розыском подразделении либо должности руководителя (заместителя) государственного органа, оперативные подразделения которого имеют право осуществления оперативно-розыскной деятельности. Руководители органа, формально не являясь сотрудниками оперативных подразделений, тем не менее решают наиболее важные вопросы ОРД путем принятия соответствующих решений;

осознание характера своих действий;

наличие прав и обязанностей по иницированию, осуществлению и прекращению оперативно-розыскной деятельности (субъекты) [25, с. 160; 27, с. 147].

Исключительно глубокое изучение института субъектов и участников оперативно-розыскной деятельности проведено белорусским ученым В.Ч. Родевичем [106, с. 222]. Полагаем, что полученные при этом научные результаты будут способствовать и росту профессионального правосознания сотрудников правоохранительных органов и спецслужб.

Наряду с этим, категория негласности позволяет выполнить правовой анализ сущности оперативно-розыскных мероприятий. Он указывает нам на их правовую неоднородность.

Так, в ходе осуществления оперативного опроса, наведения справок, сбора образцов, исследования предметов и документов, оперативного

отождествления, проверочной закупки и оперативного внедрения возникают правоотношения, классические по своей структуре, так как и при установлении отношений с лицами, оказывающими содействие. По существу названные оперативно-розыскные мероприятия представляют собой реализацию в оперативно-розыскной деятельности методов познания. Они связаны с получением информации непосредственно от ее собственника либо владельца. Никаких правовых мер принуждения за отказ предоставить такую информацию Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» не содержит. В силу названных причин негласное осуществление таких мероприятий либо невозможно, либо попросту бессмысленно.

Совершенно иной, полагаем, уникальный характер имеют правоотношения, которые возникают при негласном осуществлении таких оперативно-розыскных мероприятий, как оперативный осмотр, наблюдение, слуховой контроль, контроль в сетях электросвязи, контроль почтовых отправлений, оперативный эксперимент и контролируемая посылка.

Его с полным основанием можно назвать исключительным. Ибо в этих случаях сотрудники органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, действуют негласно (тайно) не только по отношению к тем, кто находится за пределами правоотношения, но и по отношению к собственнику или владельцу информации, т. е. стороне правоотношения. Они всячески скрывают от него даже свой интерес к информации. Информация уходит от ее собственника (владельца) помимо его волеизъявления и в этом смысле характер взаимосвязей внутри правоотношения негласный. Информирование кем бы ни было собственника информации о наших намерениях негласно ее получить, лишает, в лучшем случае, проводимые оперативно-розыскные мероприятия смысла. Такие оперативно-розыскные мероприятия являются негласными по своей правовой природе, в силу этого именно они ограничивают конституционные права и свободы граждан. Отсюда и необходимость дополнительных гарантий государства при осуществлении таких оперативно-розыскных мероприятий в виде санкций (разрешений) прокурора либо суда, установления перечня юридических оснований и условий для их производства [26, с. 83].

К сожалению, действующий закон счел возможным не акцентировать внимание на том исключительно важном обстоятельстве, что негласное осуществление оперативно-розыскных мероприятий является вторжением в частную жизнь граждан, ограничивает их конституционные права и свободы граждан. Несомненно, это требует от правоприме-

нителей особо внимательного и объективного отношения как к оценке фактических материалов, обоснованности и юридической аргументации принимаемых решений, так и исключительной ответственности как за названные решения, так и за их реализацию. Следует отметить, что это важнейшие компоненты профессионального правосознания.

Таким образом, реализация в законодательстве основных положений нормотворческой техники закономерно и неразрывно связана с обеспечением высокого уровня профессионального правосознания сотрудников правоохранительных органов и специальных служб, а тем самым законности и правопорядка в белорусском обществе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Профессиональное правосознание и процесс его формирования являются объектами перманентного научного исследования. Они столь многогранны и подвижны в зависимости от происходящих политических, экономических и социальных изменений в стране, что фактически неисчерпаемы для изучения. В то же время, есть ли еще такая правовая категория, которая так тесно связана с решением практических задач, стоящих перед правоохранительными органами и специальными службами?

К слову, авторы монографического исследования сосредоточились на наиболее важных вопросах формирования и реализации профессионального правосознания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамитов, С.А. Исследование правосознания: онтологический аспект / С.А. Абрамитов // Сиб. юрид. вестн. – 2001. – № 1.
2. Алексеев, С.С. Механизм правового регулирования / С.С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1966.
3. Арсентьева, А.Г. Нравственно-правовая культура и ее формирование у сотрудников органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.Г. Арсентьева. – СПб., 1996.
4. Байниязов, Р.С. Проблемы правосознания в современном российском обществе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Р.С. Байниязов ; Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 1999.
5. Байниязов, Р.С. Абстрактное правосознание и правовой менталитет / Р.С. Байниязов // Право и политика. – 2003. – № 4.
6. Баранов, П.П. Профессиональное правосознание работников органов внутренних дел: теоретический и социологический аспекты : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / П.П. Баранов ; Высш. юрид. заоч. шк. МВД России. – М., 1991.
7. Баранов, П.П. Теория систем и системный анализ правосознания личного состава органов внутренних дел / П.П. Баранов. – Ростов н/Д : РВШ МВД РФ, 1997.
8. Басецкий, И.И. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел. Общая часть : учеб. пособие / И.И. Басецкий, В.Ч. Родевич, В.П. Шиенок ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2012.
9. Батуркин, В.Г. Понятие и структура правового сознания / В.Г. Батуркин // История государства и права. – 2004. – № 5.
10. Бельский, К.Т. Формирование и развитие социалистического правосознания / К.Т. Бельский. – М. : Высш. шк., 1982.
11. Бойко, Л.Н. Эффективность права под углом национального правового менталитета / Л.Н. Бойко // Журнал рос. права. – 2009. – № 5.
12. Борщева, Е.В. Правосознание как форма общественного сознания / Е.В. Борщева // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2004. – № 2.
13. Буклова, З.К. Исторические этапы развития (становления) российского правосознания и его особенности / З.К. Буклова // Право и политика. – 2009. – № 7.
14. Бура, Н.А. Функции общественного правосознания / Н.А. Бура. – Киев : Наук. думка, 1986.
15. Бурбанк, Д. Правовая реформа и правовая культура: непризнанный успех волостных судов в имперской России / Д. Бурбанк // Правоведение. – 2003. – № 2.
16. Ван Хук, М. Европейские правовые культуры в контексте глобализации. В честь Андрея Полякова / М. Ван Хук // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: К 60-летию Андрея Васильевича Поля-

кова : коллектив. монография : в 2 т. / Е.В. Булыгин ; под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова ; предисл. Д.И. Луковской, Е.В. Тимошиной. – СПб., 2014. – Т. 2.

17. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под ред. В.А. Кучинского. – 3-е изд. пересмотр. – Минск : Акад. МВД, 2019.

18. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под ред. В.А. Кучинского ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – 2-е изд. – Минск : Акад. МВД, 2014.

19. Вішнеўскі, А.Ф. Пошукі афіцыйнай прававой тэорыі ў перыяд станаўлення таталітарнага палітычнага рэжыму ў СССР / А.Ф. Вішнеўскі // Сац.-экан. і правыя даслед. – 2006. – № 1.

20. Возный, А.Ф. Уголовно-правовые и этические проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / А.Ф. Возный. – М. : ВНИИ МВД СССР, 1980.

21. Волян, А. Аб грамадзянскай або палітычнай свабодзе : пер. з лац. У. Шатона / А. Волян. – Минск : Зміцер Колас, 2009.

22. Вышинский, А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права / А.Я. Вышинский // Основные задачи советского социалистического права : материалы первого совещ. науч. работников права, 16–19 июля 1938 г. – М., 1938.

23. Вышинский, А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве / А.Я. Вышинский. – М. : Госюриздат, 1950.

24. Гавриленко, В.Г. Юридическая энциклопедия / В.Г. Гавриленко, Н.И. Ядевич. – Минск : Бип-С, 1999.

25. Гайдельцов, В.С. Основы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности таможенных органов Республики Беларусь : науч.-практ. пособие / В.С. Гайдельцов. – Минск : ИНБ Респ. Беларусь, 2006.

26. Гайдельцов, В.С. Оперативно-розыскное право: проблемы формирования новой отрасли законодательства Республики Беларусь / В.С. Гайдельцов. – Минск : Акад. МВД, 2016.

27. Гайдельцов, В.С. Правовая природа оперативно-розыскной деятельности органов государственной безопасности Республики Беларусь : монография / В.С. Гайдельцов. – Минск : ИНБ Респ. Беларусь, 2007.

28. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель // Теория государства и права : хрестоматия : в 2 т. / авт.-сост.: В.В. Лазарев, С.В. Липень. – М. : Юрист, 2001. – Т. 2.

29. Герцен, А.И. О социализме. Избранное / А.И. Герцен. – М. : Наука, 1974.

30. Горбатов, Н.А. Общая теория государства и права : ответы на экзаменац. вопр. : практ. пособие / Н.А. Горбатов. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2008.

31. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 2008 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

32. Греченков, А.А. Особенности правового регулирования служебного времени сотрудников органов внутренних дел / А.А. Греченков // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 24 янв. 2018 г.) : тез. докл. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; [редкол.: А.В. Яскевич (отв. ред.) и др.]. – Минск, 2018.

33. Грошев, А.В. Функции правосознания в механизме уголовно-правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А.В. Грошев. – Екатеринбург, 1997.

34. Гусев, А.Н. Правовые нормы и моральные ценности в профессиональной деятельности органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.Н. Гусев. – СПб., 1996.

35. Дагель, П.С. Условия установления уголовной наказуемости / П.С. Дагель // Изв. вузов. Правоведение. – 1975. – № 4.

36. Данилов, А.Н. Молодежь кризисных лет. Иллюзии и новые надежды / А.Н. Данилов. – Минск : ООО «Харвест», 1999.

37. Декреты Советской власти. – Т. 1. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957.

38. Донченко, А.С. Типология правосознания государственных служащих / А.С. Донченко // Философия права. – 2007. – № 2 (22).

39. Дробязко, С.Г. Право как система и его закономерности / С.Г. Дробязко // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В.Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 1999. – Вып. 10.

40. Ефременко, Е.М. Правосознание учащейся молодежи / Е.М. Ефременко. – Минск : Акад. МВД, 2012.

41. Ефременко, Е.М. Правосознание учащейся молодежи: теоретические основы и особенности формирования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е.М. Ефременко. – Минск, 2004.

42. Жинкин, С.А. Эффективность права: антропологическое и ценностное измерение : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / С.А. Жинкин ; Куб. гос. ун-т. – Краснодар, 2009.

43. Жуков, Е.А. Профессиональное правосознание сотрудников уголовного розыска : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е.А. Жуков. – Ростов н/Д, 1997.

44. Закон об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации. Комментарий / под ред. А.Ю. Шумилова. – М. : Юрид. лит., 1994.

45. Зорькин, В.Д. Позитивистская теория права в России / В.Д. Зорькин. – М. : Изд. Моск. ун-та, 1978.

46. Зуев, В.М. Формирование профессиональной психологической устойчивости сотрудников ОВД / В.М. Зуев, А.С. Гричанов // Вестн. Барнаул. юрид. ин-та МВД России. – 2013. – № 2.

47. Иеринг, Р. фон Борьба за право / Р. фон Иеринг. – М. : Феникс, 1991.

48. Ильин, И.А. О монархии и республике / И.А. Ильин // Вопр. философии. – 1991. – № 4.

49. Ильин, И.А. О сущности правосознания / И.А. Ильин. – М. : Рарогъ, 1993.

50. Ильин, И.А. Основные задачи правоведения в России / И.А. Ильин // в кн. И.А. Ильин. Родина и мы. – Смоленск, 1995.

51. История государственно-правовых учений : учебник / отв. ред. В.В. Лазарев. – М. : Спарк, 2006.

52. История политических и правовых учений : учебник / под общ. ред. В.С. Нерсисянца. – М. : Норма-Инфра, 1999.
53. Каминская, В.И. Правосознание как элемент правовой культуры / В.И. Каминская, А.Р. Ратинов // Правовая культура и вопросы правового воспитания : сб. науч. тр. / отв. ред. А.Д. Бойков ; Всесоюз. ин-т по изучению разработки мер предупреждения преступности. – М., 1974.
54. Келле, В.Ж. Общественное сознание и его формы / В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзон. – М. : Политиздат, 1963.
55. Керимов, Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права) / Д.А. Керимов. – М. : Аванта+, 2000.
56. Кистяковский, Б.А. Социальные науки и право / Б.А. Кистяковский // Философия и социология права. – СПб. : РХГИ, 1998.
57. Ковалев, М.И. Роль правосознания и юридической техники в развитии уголовного законодательства / М.И. Ковалев // Совет. государство и право. – 1985. – № 8.
58. Коган, В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия / В.М. Коган. – М. : Наука, 1983.
59. Кожевников, В.В. Профессиональная правовая культура как условие эффективности правоприменения в органах внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В.В. Кожевников. – М., 1992.
60. Кожевников, В.В. Проблемы профессионального правосознания в правоохранительной сфере / В.В. Кожевников // Соврем. право. – 2016. – № 1.
61. Коркунов, Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. – М. : Юрайт, 2003.
62. Коробеев, А.И. Уголовная наказуемость общественно опасных деяний (основания установления, характер и реализация в деятельности органов внутренних дел) : учеб. пособие / А.И. Коробеев. – Хабаровск : Хабар. высш. шк. МВД СССР, 1986.
63. Красножон, О.В. Профессиональное правосознание как форма общественного сознания / О.В. Красножон // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. – 2015. – № 4 (68).
64. Лазарев, В.В. Избранные труды [Текст] : в 3 т. / В.В. Лазарев ; Федер. палата адвокатов Рос. Федерации, Юрид. фирма «ЮСТ». – М. : Новая юстиция, 2010. – Т. 1 : Закон. Законность. Применение закона.
65. Липень, С.В. Идеи «свободного права» в юридической науке дореволюционной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / С.В. Липень ; Акад. МВД России. – М. : Акад. МВД России, 1994.
66. Литвин, М. О нравах татар, литовцев и москвитян / М. Литвин // Белорусские мыслители XVI–XVII вв. : Избр. тр. – Минск : Ред. журн. «Пром.-торг. право», 2017.
67. Лукашева, Е.А. Социалистическое правосознание и законность / Е.А. Лукашева. – М. : Юрид. лит., 1973.
68. Маркова, Г.Д. Научные основы и организация правового воспитания молодежи / Г.Д. Маркова. – Киев : Высш. шк., 1979.
69. Мартышин, О.В. О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры / О.В. Мартышин // Государство и право. – 2003. – № 10.

70. Медведева, Г.П. Деонтология социальной работы : учеб. для студентов учреждений высш. проф. образования / Г.П. Медведева. – М. : Академия, 2011.

71. Мелкевич, Б. Триумф права, понимаемого через категорию нарушения / Б. Мелкевич // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости : сб. тр. Междунар. науч. конф., Воронеж, 2–4 июня 2016 г. / Воронеж. гос. ун-т ; редкол.: В.В. Денисенко (отв. ред.) [и др.]. – Воронеж, 2016.

72. Михайлов, А.М. Роль правовой идеологии в процессе правового регулирования и правовой системе общества / А.М. Михайлов // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости : сб. тр. Междунар. науч. конф., Воронеж, 2–4 июня 2016 г. / Воронеж. гос. ун-т ; редкол.: В.В. Денисенко (отв. ред.) [и др.]. – Воронеж, 2016.

73. Моросанова, В.И. Самосознание и саморегуляция поведения / В.И. Моросанова, Е.А. Аронова. – М. : Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2007.

74. Мурунова, А.В. Правовая культура и правовая ментальность: проблема соотношения / А.В. Мурунова // Пробелы в рос. законодательстве. – 2009. – № 3.

75. Никитин, В.Б. Правосознание и эффективность действия норм права / В.Б. Никитин, В.В. Орехов, Э.А. Фомин // Эффективность действия правовых норм / В.Б. Никитин [и др.] ; редкол.: А.С. Пашков (отв. ред.), Л.С. Явич, Э.А. Фомин. – Л. : ЛГУ, 1977.

76. Новейший энциклопедический словарь. – М. : АСТ : Астрель : Транзит-книга, 2004.

77. О милиции : Закон Респ. Беларусь, 22 февр. 1991 г. // Ведымастці Вярхоўн. Савету Беларус. ССР. – 1991. – № 13. – Ст. 150.

78. О модельном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс] : постановление Межпарламент. Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, 6 дек. 1997 г., № 10-12 : в ред. постановления от 16.11.2006 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2006.

79. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

80. О порядке введения в действие Закона Республики Беларусь «О милиции» : постановление Верхов. Совета Респ. Беларусь, 26 февр. 1991 г. // Ведымастці Вярхоўн. Савету Беларус. ССР. – 1991. – № 13. – Ст. 151.

81. О публичном обсуждении проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 янв. 2019 г., № 56. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».

82. Об оперативно-розыскной деятельности : Закон Респ. Беларусь, 12 нояб. 1992 г. // Ведымастці Вярхоўн. Савету Рэсп. Беларус. – 1992. – № 32. – Ст. 513.

83. Об оперативно-розыскной деятельности : Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г. // Ведымастці Вярхоўн. Савету Рэсп. Беларус. – 1999. – № 30. – Ст. 438.

84. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

85. Общественное сознание и его формы : предисл. и общ. ред. В.И. Толстых. – М. : Политиздат, 1986.
86. Овчинников, А.И. Правовое мышление : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / А.И. Овчинников ; Рост. юрид. ин-т МВД России. – Краснодар, 2004.
87. Оксамытный, В.В. Правомерное поведение личности / В.В. Оксамытный. – Киев : Наук. думка, 1985.
88. Ольшанский, Д.В. Политическая психология : учебник / Д.В. Ольшанский. – СПб. : Питер принт, 2002.
89. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / К.К. Горяинов [и др.] ; под общ. ред. К.К. Горяинова. – М. : ИНФРА-М, 2007.
90. Осипов, М.Ю. Понятие и особенности формирования правосознания / М.Ю. Осипов // *Соврем. право.* – 2013. – № 6.
91. Павлов В.И. От субъекта права к правовой субъективации (к началам энергийно-правового дискурса) / В.И. Павлов // *Наука теории и истории государства и права в поисках новых методологических решений : коллектив. монография / отв. ред. А.А. Дорская.* – СПб. : Астерион, 2012.
92. Павлов, В.И. Учение о человеке в психологической концепции права Л.И. Петражицкого и в современной антропологии права / В.И. Павлов // *Правоведение.* – 2017. – № 6.
93. Павлов, В.И. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / В.И. Павлов ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2017.
94. Петражицкий, Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л.И. Петражицкий. – СПб. : Изд-во «Лань», 2000.
95. Поляков, А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : курс лекций / А.В. Поляков. – СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004.
96. Попов, С. Сознание и социальная среда / С. Попов. – М. : Прогресс, 1979.
97. Потапов, И.В. Исследование влияния психологических факторов на эффективность норм права / И.В. Потапов, У.А. Кондрашов // *Вестн. Челяб. гос. ун-та.* – 2012. – № 29 (283). – Вып. 33 : Право.
98. Правоотношения: теоретические и практические проблемы / В.И. Берестень [и др.] ; под ред. В.А. Кучинского. – Минск : Акад. МВД, 2016.
99. Приградов-Кудрин, А. Революционная законность и милиция / А. Приградов-Кудрин // *Рабоче-крестьян. милиция.* – 1922. – № 1.
100. Проблемы общей теории права и государства : учеб. для вузов / под общ. ред. акад. РАН, д-ра юрид. наук, проф. В.С. Нерсесянца. – М. : Норма, 2004.
101. Проблемы общей теории права и государства : учеб. для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – М. : Норма : Изд. дом «Инфра-М», 2001.
102. Проблемы развития государства и права в современном российском обществе : сб. науч. ст. / М-во внутр. дел Рос. Федерации ; Моск. ун-т МВД России ; под ред. К.Е. Сигаловой, М.В. Огневой. – М. : Моск. ун-т МВД России, 2009. – Вып. 11 : Глобализационные процессы в современном государстве и праве.
103. Проблемы теории государства и права : учебник / под общ. ред. С.С. Алексеева. – М. : Юрид. лит., 1987.
104. Ратинов, А.Р. Правовая психология и преступное поведение. Теория и методология исследования / А.Р. Ратинов, Г.Х. Ефремова. – Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 1988.
105. Рене, Д. Основные системы современности / Д. Рене. – М. : Прогресс, 1967.
106. Родевич, В.Ч. Методологические основы, теоретико-правовые и этические проблемы института субъектов и участников оперативно-розыскной деятельности / В.Ч. Родевич ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2017.
107. Сапега, Л. Зварот да ўсіх саслоўяў Вялікага княства Літоўскага / Л. Сапега // *Статут Вялікага княства Літоўскага.* – Мінск : Беларусь, 2002.
108. Сапун, В.А. Социальная структура правосознания и реализация права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В.А. Сапун ; Свердлов. юрид. ин-т. – Свердловск, 1978.
109. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.) / под ред. И.Т. Голякова. – М. : Госюриздат, 1953.
110. Сильченко, Н.В. Социальные координаты и идентификация национальной правовой системы / Н.В. Сильченко // *Журнал рос. права.* – 2016. – № 6.
111. Смирнов, Н.Г. Высшие суды революции (Центральные революционные трибуналы. 1918–1922 гг.) / Н.Г. Смирнов. – М. : Знание, 1990.
112. Смирнов, А.Е. Процессы субъективации: теоретико-методологические аспекты / А.Е. Смирнов. – Иркутск, 2011.
113. Соколов, Н.Я. Профессиональное сознание юристов / Н.Я. Соколов ; отв. ред. Е.А. Лукашева. – М. : Наука, 1988.
114. Социальная психология / Г.П. Предвечный [и др.] ; под общ. ред. Г.П. Предвечного. – М. : Политиздат, 1975.
115. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / пер. на беларус. мову А.С. Шагун. – Мінск : Беларусь, 2002.
116. Степанян, В.В. Теоретические проблемы правообразования в социалистическом обществе / В.В. Степанян ; отв. ред. А.С. Пиголкин. – Ереван : АН АрмССР, 1986.
117. Строгович, М.С. Избранные труды : в 3 т. / М.С. Строгович. – М. : Наука, 1990. – Т. 1 : Проблемы общей теории права.
118. Стуканов, В.Г. Отношение к правоохранительным органам и их деятельности (на примере Республики Беларусь) / В.Г. Стуканов // *Приклад. юрид. психология.* – 2013. – № 2.
119. Стучка П.И. Революционная роль советского права / П.И. Стучка. – М., 1932.
120. Стучка, П.И. В борьбе за Октябрь : сб. ст. / П.И. Стучка. – Рига : Латгосиздат, 1960.
121. Сырых, В.М. Социология права : учебник / В.М. Сырых. – М. : Юстицинформ, 2012.
122. Талмачова, С.А. Сялянскае самакіраванне ў Беларусі (1861–1901 гг.) : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / С.А. Талмачова. – Мінск : БДПУ імя М.Танка, 2002.

ОГЛАВЛЕНИЕ

123. Теория государства и права : курс лекций / М.И. Байтин [и др.] ; под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М. : Юристъ, 1997.
124. Теория государства и права : учебник / 2-е изд., перераб. и доп. ; отв. ред. д-р юрид. наук А.И. Королев и д-р юрид. наук Л.С. Явич. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1987.
125. Теория права и государства : учебник / под ред. В.В. Лазарева. – М., 2008.
126. Толстых, В.И. Общественное сознание и его формы : коллектив. монография / В.И. Толстых [и др.]. – М. : Политиздат, 1986.
127. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.04.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
128. Уледов, А.К. Структура общественного сознания (теоретико-социологическое исследование) / А.К. Уледов. – М. : Мысль, 1968.
129. Фаткуллин, Ф.Н. Проблемы теории государства и права : курс лекций / Ф.Н. Фаткуллин. – Казань : Казан. ун-т, 1987.
130. Черкасова, Е.С. Психологическая модель саморегуляции в преодолении синдрома эмоционального выгорания / Е.С. Черкасова, А.М. Сажаев, О.В. Гришин // Психопедагогика в правоохран. органах. – 2013. – № 4.
131. Чернобель, Г.Т. Идеологическая константность права / Г.Т. Чернобель // Журнал рос. права. – 2016. – № 2.
132. Чефранов, В.А. Правовое сознание как разновидность социального отражения / В.А. Чефранов. – Киев : Вища шк., 1976.
133. Шахматов, А.В. Агентурная работа в оперативно-розыскной деятельности (теоретико-правовое исследование российского опыта) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / А.В. Шахматов ; С.-Петерб. ун-т МВД РФ. – Санкт-Петербург, 2005.
134. Шевцов, С.П. Метаморфозы права / С.П. Шевцов. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2014.
135. Эмоциональное выгорание сотрудников, занимающих должности старшего начальствующего состава органов внутренних дел / М.А. Кононова [и др.] // Психопедагогика в правоохран. органах. – 2017. – № 1.
136. Эффективность правовых норм / В.Н. Кудрявцев [и др.]. – М. : Юрид. лит., 1980.
137. Юрашевич, Н.М. Повышение уровня правосознания общества как основа построения правового государства в Республике Беларусь / Н.М. Юрашевич // в кн. Верховенство права – основа правового государства. – Минск : Право и экономика, 2001.
138. Adelson, J. O'Neil R. Growth of idea of law in adolescence / J. Adelson, B. Green // Developmental Psychology. – 1969. – № 1.
139. Who comes after the subject? – NY. : London, 1991.

Предисловие	3
Глава 1. Формирование профессионального правосознания: исторические и теоретические аспекты	6
1.1. Становление и развитие взглядов на правосознание в теоретической юридической науке	6
1.2. Правосознание и процесс формирования правовой субъективности лица, осуществляющего правоохранительную правоприменительную деятельность (антрополого-правовой подход).....	26
1.3. Особенности формирования профессионального правосознания в современном обществе	36
1.4. Императивы профессионального правосознания сотрудников правоохранительных органов	45
Глава 2. Роль профессионального правосознания в обеспечении законности и обоснованности деятельности правоохранительных органов и специальных служб.....	51
2.1. Теоретические и практические вопросы формирования правосознания курсантов и слушателей учреждений образования правоохранительного профиля	51
2.2. Формирование ценностно-правовых ориентаций сотрудников органов внутренних дел	59
2.3. Роль правосознания в повышении эффективности уголовного закона	74
2.4. Морально-этические принципы в оперативно-розыскной деятельности и их роль в формировании профессионального сознания сотрудников правоохранительных органов и специальных служб	85
2.5. Реализация в законодательстве основных положений нормотворческой техники как фактор, влияющий на формирование профессионального правосознания сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность	100
Заключение.....	110
Список использованных источников	111

Научное издание

БОРОВАЯ Елена Владимировна,
ВИШНЕВСКИЙ Алексей Федорович,
ГАЙДЕЛЬЦОВ Владимир Сергеевич и др.

**ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ
СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
И СПЕЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ**

Технический редактор *А.В. Мозалевская*
Корректор *М.С. Прушак*

Подписано в печать 30.12.2020. Формат 60×84^{1/16}.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 6,97. Уч.-изд. л. 7,28
Тираж 100 экз. Заказ 286.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск.